Научная библиотека СПбГУ
1001948550

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ПАЛАТЫ
ПОГАШЕНО
Шкаф
Полка
№

РК-384.

Ю. ЛАРИН

ВОПРОСЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

2099
ПОГАШЕНО
ПОГАШЕНО
Проверено
ПОГАШЕНО
им. Н. Е. Бауманова

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
1923

1Б63
ПОГАШЕНО
С
6
73679
Н

Напечатано в типографии
при ГПУ имени т. Воровского
(Б. Лубянка, 18),
в количестве 5.000 экз.
в июле 1923 года.
Главлит № 4126. Москва.

Проверка
2007
8124
04
ПОГАШЕНО
СПЕЦФОНД
№ 3
ПОГАШЕНО
ПОГАШЕНО
1951
ПОГАШЕНО
ПОГАШЕНО

ПРЕДИСЛОВИЕ

На настоящую книжку нельзя смотреть, как на попытку всеоб'емлющего изложения всех проблем сельского хозяйства. Автор намеренно остановился лишь на наиболее остром и нуждающемся в подчеркивании для отчетливого проведения классовой политики в деревне.

Наша предыдущая книжка — «Итоги НЭП'а» — была посвящена, главным образом, необходимости и своевременности признать заканчивающимся «первый период НЭП'а» и начать «второй», более упорядоченный, более плановый, более полагающийся на собственные силы, более четко заостряемый против буржуазии и буржуазных уклонов и на экономическом поприще. Происходивший в конце апреля 1923 г. партийный с'езд оправдал в этом отношении возлагавшиеся на него ожидания (резолюция по докладу ЦК и резолюция по докладу о промышленности), а степень успешности выполнения данных с'ездом директив на практике будет зависеть не в малой степени от энергии всех нас.

Настоящая книжка подробнее освещает следующий шаг нашего общественно-государственного строительства, в силу об'ективных условий стоящий на очереди. Противоречия и расхождение интересов внутри современной деревни достигли степени, не позволяющей более длительно медлить с внесением определенности в характер той смычки, какую мы с ней осуществляем. Этот вопрос одинаково важен и политически — для прочности, для расширения базы пролетарской диктатуры в России в советской ее форме, и экономически — для прогресса в развитии производительных сил страны.

Автор пытается возобновить несколько отодвинувшийся фактически назад в первый период НЭП'а старый лозунг о «беднейшем крестьянстве», как об

оси и центре внимания пролетарской деревенской политики. И по соображениям политическим, и по соображениям производственым, необходимо точно и ясно во всей практике на деле проводить смычку с бедняцким большинством, а не с верхушечным меньшинством. Необходимо провести в жизнь все нужные для этого изменения и исправления в области налоговой, кредитной, землеустроительной, торговой, административной, в направлении всей работы агрономической и земорганов и т. д. Содействовать более энергичному уяснению партийным сознанием того обстоятельства, что нет «деревни вообще», а есть и должно быть в ней для нас прежде всего «крестьянство бедняцкое», и толкать в сторону более отчетливого проведения соответственной практической линии было нашей целью.

Беднота должна знать, должна чувствовать в каждой касающейся деревни государственной мере наличность особых, ясно сказавшихся забот пролетариата именно о ней, о деревенской бедноте. Пролетариат же должен знать и помнить, что такая линия диктуется не одними соображениями социального сострадания и сочувствия, — хотя это и важный элемент в рабочем движении всех стран, — но и выгодой, выгодой такой линии и политической и экономической, выгодой и необходимостью ее как для политического утверждения нашего в настоящее время, так и для всей работы по подготовке социалистического переустройства вообще и сельского хозяйства в частности.

Ю. Ларин.

16 июня 1923 г.

ВОПРОСЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДЕРЕВНИ

ХЛЕБ, ЦЕНА И ПОСЕВ

СЕЛЬХОЗНАЛОГ И БЕДНОТА

ДЕРЕВНЯ И РУБЛЬ

БЮДЖЕТ И ДЕРЕВНЯ

КЛАССОВАЯ СМЫЧКА

Коллективизация бедняцкого хозяйства.

I.

На фоне постепенного хозяйственного возрождения Советского Союза крупным пятном выделяется положение бедняцкого хозяйства в деревне. Это пятно требует величайшего нашего внимания, между прочим, и потому, что обнимает более двадцати миллионов людей — не менее пятой части всего деревенского населения.

Это единственный слой населения, положение которого за годы новой экономической политики не улучшилось. Во время гражданской войны политический союз пролетариата и «беднейшего крестьянства» находил себе в применении к последнему прямое экономическое выражение. Бедняцкая часть деревни освобождена была от тяжести продразверстки. Бедняцкая часть при недостатке лошадей и орудий — бесплатно пользовалась рабочим скотом и инвентарем более зажиточных крестьян (чем разрешался для нее вопрос о «производственном кредите»). Бедняцкая часть деревенских хозяйств, не отчуждая ничего от продуктов своего хозяйства (ибо не было избытков — на то она и бедняцкая), — все же в порядке снабжения, хотя и немного, но получала от Наркомпрода мануфактуру, соль и еще кое что. Бедняцкая часть хозяйств явно задавала тон в деревне, политически главенствовала в ней. И это политическое господство в деревне свыше двадцати миллионов бедняков (опиравшееся и на даваемые нами им экономические преимущества) — именно оно в первую очередь давало нам возможность в решающие годы держать в руках крестьянское большинство страны и создать крепкие крестьянские кадры в армии.

Годы НЭП'а принесли существенную перемену. Период «военного коммунизма» приводил к прямому выигрышу для низшей, бедняцкой части деревни, к воз-

можности союза с ее «середняцкой» частью и к убытку для имеющей избытки зажиточной части. Период «рыночного коммунизма»,—поскольку протекал без достаточного планового регулирования государством, — естественно, повел к выигрышу прежде всего имеющей избытки для рынка зажиточной части и укрепил возможность союза с середняцкой частью, — но зато ослабил экономические и политические позиции бедняков. Апрельский с'езд партии, учитывая совокупность итогов «первого периода НЭП'а», вполне основательно признал теперь необходимым усилить плановое начало в государственном хозяйстве. Это усиление должно самым благотворным образом сказаться на выпрямлении государственной линии относительно бедняцкой части деревни, на улучшении положения этой части и на характере политического союза пролетариата с нею.

Годы НЕП'а привели бедняцкую часть деревни к весне 1923 г., примерно, к такому положению. Платить продналог надо. Бесплатно мануфактура и прочее не доставляются. Продавать на сторону почти нечего по отсутствию избытков. Нехватающую для обработки полей лошадь или плуг приходится нанимать у более богатого соседа — «зажиточного», уделяющего из своих избытков и грабящего за это во всю. Стряхнуть кабальную зависимость от него нельзя, ибо никакого другого производственного кредита (государственного) нет. Экономическая безвыходность побуждает цепляться за милость «благодетеля» и затыкать себе глотку в некоторых случаях и на деревенском сходе — в сельсовете и волсовете руководство переходит иногда прямо к экономически крепким элементам. Начинаются среди бедняцкой части размышления о «разбитом корыте», к которому она якобы пришла в конечном результате пережитых лет и, как указал Наркомзем Украины на происходившем в мае 1923 г. всеукраинском с'езде «незаможных» (бедняцких) крестьян, — толки о новом повторении «черного передела».

Конечно, слишком поддаются влиянию некритически воспринятой аналогии (подобия) те, кто по этому поводу начинает предрекать развитие в России «фашизма»— вспоминая ловкое использование в Италии Муссолини и другими буржуазными агентами недовольства наиболее мелкой и вместе с тем темной части тамошнего крестьянства. Итальянской буржуазии под флагом фашизма, действительно, удалось двинуть «на город» многие

тысячи раздраженных крестьян и при их содействии раздавить на время начинавшее было приближаться к победе рабочее движение. Но у нас совсем другие условия, и потому играть ссылками на итальянский пример не приходится. Основное отличие общеизвестно — у нас власть находится в руках партии рабочего класса. Поэтому для планового выпрямления стихийных уклонов НЭП'а вовсе не требуется бедняцким десяткам миллионов жителей деревни производить вторично «черный передел», дабы этим деликатным способом намекнуть на свое тяжелое положение. Достаточно наблюдением установить созданную стихийным развитием НЭП'а особую тяжесть этого положения, чтобы рабочее государство в собственных же интересах принялось за его облегчение и без намеков «чернопередельного» свойства. Появление фашизма, как массового народного движения, невозможно без наличности государственной власти в руках буржуазии, опасающейся поднимающегося пролетарского авангарда и лицемерно направляющей против него недовольство отсталых масс при сохранении классового гнета, в основе питающего это недовольство. Диктатура пролетариата заранее подсекает самые корни фашистских (буржуазных) расчетов, устраняя причины недовольства бедняцких слоев и тем не давая использовать их классовым врагам.

Но если смешно преувеличивать «фашистские опасности», то неуместно было бы и замыкаться в якобы высоко-марксистские умозрения о неизбежности крушения мельчайших (т.-е. бедняцких) крестьянских хозяйств при наличности восстановленного НЭП'ом торгово-товарного уклада и о безнадежности поэтому экономической помощи бедняцкому хозяйству. Ведь все равно «по Марксу» оно должно, дескать, разориться, и бедняцкая часть крестьянства должна пойти на фабрики, в батраки к крупным крестьянам. А потому «не теряй, кум, силы — опускайся на дно», как сказал сострадательный врач утопавшему приятелю, глядя на его отчаянное барахтанье.

Но в том и дело, что «по Марксу» отнюдь не выходит, чтобы положение бедняцкого хозяйства оставалось безнадежным и при наличности пролетарской диктатуры в стране. Положение мельчайшего крестьянина безнадежно только при господстве буржуазии — тогда действительно поднять его хозяйство и спасти его, как производителя, может стремиться только Дон Кихот. Но победа пар-

тии социализма принципиально меняет дело и создает новые возможности, новые методы, способные как раз мельчайшее, как раз «бедняцкое» хозяйство в деревне превратить в один из существеннейших производственных исходных пунктов организации социализма в сельском хозяйстве. Буржуазному подходу со стороны «торговли», разрушающему личное хозяйство беднейшего крестьянина, — социализм противопоставляет свой подход со стороны «производства», новое содержание вкладывающий в старые явления и об'единяющий группы бедняцких хозяйств в производственные и конкурентноспособные хозяйственные единицы.

Задача социалистического перевоспитания и социалистической перестройки крестьянского хозяйства сводится в наших условиях прежде всего к замене разрозненных, отдельных и обособленных личных хозяйств мелких крестьян — их об'единением в более крупное и вместе с тем единое производственное целое. Соединение усилий и средств именно в области производства должно служить школой и этапом по пути к обобществлению. Но крестьянское хозяйство по самому типу и духу своему глубоко индивидуалистично. Оно судорожно цепляется за свою обособленность, отдельность и мнимую самостоятельность. Не может изменить дела и подход по линии «торговой смычки с деревней», по линии кооперативной организации закупок и сбыта. Ведь всякое улучшение рыночной смычки с покупателем крестьянских продуктов, всякое использование для этого кооперации служит для крестьянина средством как раз для укрепления личного, самостоятельного, обособленного характера его хозяйства. Ибо улучшение условий продажи (торговая смычка) дает ему возможность легче стоять на собственных ногах — следовательно, ведет к чему угодно, но только не к росту склонности к производственному обобществлению своего хозяйства.

Толкнуть крестьянина к производственному (а не только рыночно-кооперативному) об'единению, к производственному суммированию своих мелких хозяйств, может только техническая необходимость,—невозможность или явная невыгодность вести хозяйство, вообще невозможность хозяйственно удержаться без такого производственного слияния отдельных хозяйств в единое целое. Конечно, в будущем немалую службу сможет при некоторых предпосылках сослужить грядущая электрификация России и в частности сельского хозяйства. Но

пока не только до этого, а хотя бы даже до предварительного переведения на электрическую тягу всех железных дорог, еще весьма далеко. Устройство по деревням электрического освещения называть «электрификацией деревни» позволительно только в не гонящихся за точностью фельетонах, а по существу является пустословием. Принудительная техническая необходимость к производственному об'единению своих хозяйств не при будущей электрификации, а уже сейчас — может возникнуть пока только у бедняцкого крестьянства, а не у середняцкого.

Середняцкий крестьянин имеет обычно лошадь и необходимые орудия, он может вести сам свое хозяйство— ему требуется только улучшение «торговой смычки» и т. п., это естественный его лозунг. Середняцкие хозяйства обнимают до двух третей жителей деревни (и сверх того зажиточные около одной десятой, а бедняцкие около одной четверти). Наоборот, бедняцкое хозяйство, как правило, не имеет своего рабочего скота, а часто не хватает и части инвентаря. Опыт показывает, что возможности получить лошадь или орудия без кабальной зависимости от зажиточного соседа — уже достаточно для об'единения группы бедняцких хозяйств с этою целью. Целесообразно направленный государственный кредит может здесь поэтому не только помочь под'ему хозяйства вообще, но и дать толчок к воспитанию его в сторону преодоления индивидуальной обособленности и экономической распыленности, в сторону об'единения и обобществления.

Бедняцкое хозяйство слишком мало для того, чтобы могло окупить для себя одного отдельную лошадь и отдельный полный набор сельско-хозяйственных машин и орудий. Да и не хватило бы сейчас лошадей, если бы мы вздумали даже путем государственного кредита дать нескольким миллионам бедняцких хозяйств по лошади. Но этого и не требуется, когда по техническим соображениям достаточно одной лошади на пять хозяйств. То же относится к орудиям. Подход к бедняцкому хозяйству со стороны государственного кредита для производственного под'ема этого хозяйства достигает таким образом трех целей:

1) технически необходимой коллективностью кредита он приводит к об'единению группы распыленных бедняцких хозяйств в единое производственное целое (артель для об'единенной обработки и т. п.);

2) уничтожением кабальной зависимости бедняков от зажиточных крестьян он подрывает мозмож-

35165. 2099.

ность кулацко-буржуазного политического руководства бедняками и обеспечивает прочность союза их с пролетариатом;

3) увеличением результатов об'единенного в артельный коллектив бедняцкого хозяйства (вследствие технического под'ема кредитованным оборудованием и вследствие уничтожения кабальной эксплоатации зажиточными)—он улучшает положение бедняков и уничтожает социальную почву для развития бандитизма, ослабляя также давление «резервной армии труда» на промышленность и транспорт.

Торговой смычке с середняком, обеспечивающей политически наш тыл, должно соответствовать стремление к активной производственной смычке с бедняком, превращающей его об'единенное хозяйство в школу массового воспитания социалистических навыков. Коллективизация бедняцкого хозяйства лежит в интересах:

1) самих бедняков — поскольку является единственным радикальным средством для улучшения их положения в нынешних условиях;

2) пролетариата — поскольку сближает бедняцкие миллионные массы с рабочими и отрывает их от «благодеяний» и влияния деревенской верхушки;

3) всего народного хозяйства — поскольку увеличивает массу продуктов, собираемую с обширной площади, находящейся ныне в распоряжении распыленных и технически обессиленных бедняцких хозяйств.

II.

Коллективизация бедняцкого хозяйства является громадной задачей, охватывающей миллионы деревенских дворов и десятки миллионов сельского населения, примерно, около четверти всего крестьянства. В осуществлении ее заключается один из крупных кусков работы по подготовке социалистической перестройки деревни — и условия и обстановка для этого куска работы в современной России чрезвычайно благоприятны.

Во-первых, у бедняцких хозяйств нет сейчас другого выхода. Раньше низшие слои крестьянства все время отливали в наемную работу в города (транспорт, промышленность, услужение) и в крупное сельское хозяйство. Теперь этот отлив на ряд лет не может быть столь значительным, как требуется. Количество рабочих в промышленности за текущий год, по подсчетам Госплана, увеличивается лишь на 10%, а на транспорте

даже уменьшилось. Вообще, раз наемный труд в Советском Союзе занимает теперь всего около 5 милл. чел., то невероятно думать, что в течение ближайших лет он сможет всосать еще, скажем, 10 милл. работников (если считать, что из 25 милл. деревенских бедняков примерно 40% относится к работоспособным возрастам). Развитие городов и неземледельческого хозяйства будет поглощать лишь естественный прирост населения (в бедняцком хозяйстве, вероятно, около полумиллиона душ на год) да не очень значительную часть самой основной массы.

Что же касается перехода в батраки в крупное сельское хозяйство, то оставшаяся за нашими совхозами всех наименований (около 4 милл. десят.) и еще могущая быть им дополнительно предоставленной площадь не позволяет ожидать поглощения свыше нескольких сот тысяч работников (пока около 100 тыс.) А хозяйство крупных крестьян в условиях советского строя не может подняться до прежнего помещичьего размаха. Нашим кулакам не суждено делаться помещиками. По материалам ЦСУ, в 1921 и в 1922 г.г. вообще имели наемных рабочих лишь 2% всех крестьянских дворов (правда, эти 2% сосредоточивают в своих руках в несколько раз большую долю всей сельской продукции). Но во всяком случае кулацкая потребность в дополнительных рабочих может быть полностью покрыта естественным приростом середняцких семей (иначе осужденных на сдвигание вниз) и вряд ли открывает возможность сколько нибудь широким кругам бедняков выпрыгнуть за пределы бедняцкого хозяйства.

Во-вторых, если крестьянским беднякам некуда теперь почти деться кроме своего бедняцкого хозяйства [1]), то не может быть у них и надежды значительно увеличить размеры своего хозяйства путем раздела помещичьих имений, помещичьего скота, помещичьего инвентаря — ибо все это давно отнято и разделено. Отсюда частая наличность у бедняков понимания, что помочь себе можно только соединением усилий, соединением

---

[1]) В качестве косвенной иллюстрации можно привести результаты проведенного ЦСУ в 1922 г. под руководством проф. Лященко обследования о доле дохода от промыслов в валовом доходе (денежном и натуральном) среднего крестьянского хозяйства. Оказывается, в „потребляющей“ полосе Великороссии он был до войны 21.5% и стал теперь 5.7%, а в «производящей» ее полосе было 16.6% и стало 2.4% (см. Лященко „Бюджет крестьянского хозяйства» в № 6 «Союз Потребителей» за 1923 г.).

хозяйств. Отсюда такая готовность бедняцкой части деревни организовать производственные артели и коллективы, раз только является предмет, вокруг которого можно и стоит их организовать,—напр., коллективно используемая лошадь или коллективно используемые орудия (предоставляемые для такого коллективного использования в порядке кредита государством или получаемые иным способом). В этом отношении крайне характерно упорное отстаивание и при НЭП'е бедняцкой частью деревни тех производственных коллективов (преимущественно артелей), какие она успела создать в годы «военного коммунизма», когда государственная власть шла навстречу этому стихийному движению.

По изданной недавно отчетной книге «Сел.-хоз. кооперация в условиях НЭП'а» (М. 1923 г.), по данным НКЗема, в РСФСР (без Украины) в средине 1918 г. было всего 342 сел.-хоз. коллектива, в октябре того же 1918 г. только 912, через год уже 6.186, через два года 10.500 и к концу «военного коммунизма», в марте 1921 г., уже 14,606 (из них четыре пятых приходилось на артели и одна пятая на «коммуны» и «товарищества»). В одной РСФСР (без Украины) в эти коллективы входило около миллиона душ, и этот совершенно здоровый и правильный процесс коллективизации бедняцкого хозяйства разворачивался все быстрее. Но затем пришел НЭП, и отношение, особенно местных органов власти, к «коллективам» и «совхозам» резко изменилось. Их стали рассматривать, как «социалистические фантазии» разных Лариных и подобных «утопистов» (а иногда — для простоты — и одного Ларина). Место плановой поддержки здорового «коллективного» движения крестьянских низов занял разухабистый упразднительский «наплевизм», следующим образом охарактеризованный украинским Наркомземом в его оффициальном отчете в УЭС (напечатано в указ. книге, стр. 36):

«Развертывание новой экономической политики обрушивалось тяжелым бременем на коллективы. Наступила полоса ликвидаторского отношения земорганов к этой форме хозяйства незаможного (бедняцкого) селянства. Началась разрушительная работа. Перебрасывались живой и мертвый инвентарь из колхозов в советские и даже частные хозяйства. Бывали случаи, когда земля и даже хозяйство колхозов сдавались в аренду частным лицам и бывшим владельцам и на выгодных условиях. Договоры, заключенные земельными органа-

ми с коллективами, грубо нарушались или расторгались в тех случаях, когда земотдел находил для себя выгодным передать землю коллектива какой либо организации или частному лицу».

Такое поведение было одной из «гримас НЭП'а», несомненным извращением действительных начал новой экономической политики и уклоном от ее целей, к тому же явно противоречившим партийной программе. Но, насколько важно было для крестьян сохранить возникшие уже коллективы, насколько упорно они за них держались,—видно из того, что, несмотря на весь этот напор и злоупотребления, столь ярко описанные Укрнаркомземом, несмотря даже на частое обложение колхозов земорганами «арендной платой» (УНКЗ пишет, что взимание с колхозов арендной платы за трудовое пользование ими землей «стало источником дохода земельных органов»), — несмотря на все это, крестьяне удержали существование почти всех коллективов (колхозов). По данным НКЗ (стр. 33 указ. книжки), к 1 января 1923 г. в РСФСР (без Украины) сохранилось 11.407 колхозов (из них 8.130 артелей), кроме того на Украине имеется около 4½ тысяч, а всего до 16 тысяч крестьянских производственных коллективов существуют и в настоящее время.

По характеру своему эти коллективы являются типичными производственными об'единениями крестьянских бедняцких хозяйств в группы технически необходимого размера (примерно по 4-й разряд из всех 9 налоговых разрядов, на какие разделена современная деревня). В среднем на артель приходится 65 чел., считая членов семьи (стр. 36 указ. книги), т.-е. около 10 или 12 семей. На прочие коллективы, кроме артелей, приходится в среднем по 64 чел., считая членов семьи, т.-е. размеры те же. Таким образом свыше одного миллиона крестьянского населения и сейчас об'единены в производственные коллективы вместо сотен тысяч прежних распыленных индивидуальных хозяйств. Это составляет заметную величину и при наших российских масштабах. Значение наличности этого миллиона надо оценивать еще выше, если вспомнить прекращение прежнего содействия колхозам со стороны государственных органов в годы НЭП'а и описанную Укрнаркомземом извращенную практику, имевшую нередко место на местах в указанный период. Между тем прогрессивная производственная роль бедняцких коллективов столь значительна для нас, что они заслуживают, наоборот, поощрения. Например, закон о

сел. хоз. налоге уменьшает в виде поощрительной премии налог за введение некоторых улучшений в хозяйстве. Из распыленных обособленных хозяйств смогут вводить такие улучшения в первую голову зажиточные и отчасти середняки. Они и получат эту премию. Надо ввести такое же поощрительное уменьшение налога за переход от распыленных хозяйств к их производственной коллективизации. В этом переходе мы заинтересованы во всяком случае не меньше, чем в улучшениях отдельных хозяйств,—этот переход сам по себе является уже улучшением, при том не только в общественном, но и в прямом технически производственном смысле.

Из всех артелей 64% приходится на имеющие менее 50 душ (из прочих коллективов 55%). В то же время из всех артелей тоже 64% имеют менее 50 десятин пашни на артель. В среднем во всех артелях приходится на душу несколько более полдесятины посева (точно 0,57). Но при этом хозяйство коллективов оказывается технически более высоким и совершенным, чем обычное среднее крестьянское хозяйство. Так, многопольный севооборот существует в 37% всех артелей (в прочих коллективах даже в 47%), — в то время, как обычное крестьянское хозяйство почти сплошь еще находится во власти жалкого трехполья. Если взять площадь тех культур, по наличности которых можно примерно судить о степени интенсификации полевого хозяйства (лен, картофель, корнеплоды, травы, огороды), то в общей площади всего посева она занимает:

в обычном крестьянском хозяйстве	8.1%
в артелях.	12.2%
в прочих коллективах	12.2%

Эти данные (по 31 губ. на основании сел.-хоз. переписи ЦСУ — см. стр. 39 указ. книги) показывают, что коллективные хозяйства являются более интенсивными и, следовательно более трудоемкими, чем обычное крестьянское хозяйство. Иначе сказать, они с пользой применяют большее количество рук, чем какое нашлось бы себе полезное применение на той же площади без ее коллективизации, — и этим уменьшают также возможность наплыва в города не находящей себе занятия в деревне и не могущей там прокормиться «резервной рабочей армии».

Технически-производственное превосходство коллективов на практике над обычным крестьянским хозяйством легко об'яснимо. Во-первых, коллективизация создает гораздо более крупное хозяйство, чем каким является обычное хозяйство не только середняка, но и зажиточного. Ведь на коллектив приходится в среднем около 37 десятин посева, и такая сравнительно крупная величина дает об'ективную возможность гораздо более целесообразного (рационального) хозяйничанья. Между тем, даже у зажиточного хозяина высшей по налогу группы (девятый разряд) средний размер посева в хозяйстве более, чем втрое, меньше, а у крестьянина-середняка еще гораздо менее. Во-вторых, раз люди вообще «решились на коренную ломку своих привычных хозяйственных устоев» (стр. 40), т.-е., на переход от личного хозяйства к коллективизации, то они и суб'ективно, психологически) гораздо более легко предрасполагаются на опыты по части агрикультурных улучшений, чем рядовой крестьянин. Бедняцкие коллективы и в этом отношении об'единяют самые прогрессивные элементы деревни.

Надо заметить еще, что, по сводному отчетному изложению указанной книги, «агрономическая помощь и инструктирование почти совершенно отсутствовали, малограмотное крестьянство должно было собственным разумом творить новые формы», при чем «бесплатное снабжение коллективов государством фактически, за исключением отдельных случаев, сводилось к мелким подачкам, которые только развращали» пользовавшуюся ими часть коллективов (стр. 41). Обычно коллективы достигали лучшего снабжения инвентарем по сравнению с обычным крестьянским хозяйством простым соединением своих рессурсов. Скажем, до коллективизации 10 бедняцких хозяйств имели вместе столько посева, сколько три середняцких, при чем половина бедняцких хозяйств вовсе не имела своих плугов, а середняцкие имели все по плугу, а одно из них даже целых два. Ясно, что при об'единении всей группы бедняцких хозяйств в один коллектив у этого коллектива найдется даже больше плугов на одинаковую площадь посева, чем у середняцких хозяйств. Действительно, оказывается (стр. 38, там же), что на каждые 100 десятин посева приходится в артелях 14 плугов, тогда как в обычных крестьянских хозяйствах в среднем только 12,4 плугов, т.-е. более, чем на 10%, меньше по отношению к площади. Раньше половина бедняцких хозяйств должна была за-

кабаляться зажиточному соседу, давать высасывать из себя соки только за разрешение воспользоваться чужим плугом — теперь, соединившись, они обходятся собственными плугами.

Опыт жизни доказывает таким путем и отдельным бедняцким группам и в общем масштабе правильность и жизненность марксистской ставки на «коллективизацию» вместо эсеровской ставки на «социализацию» (на уравнительный раздел). Миллион человек, входящих в коллективы и удержавших их, вопреки «гримасам НЭП'а», — это одно из крупнейших завоеваний революции. Надо пойти навстречу этому стихийному движению бедняцких масс, правильным чутьем схвативших, что их спасение в об'единении, в преодолении обычного личного типа крестьянского хозяйства, в замене его производственным коллективом. Надо понять всю важность для подготовки социализма этого стихийного движения, надо поддержать и стать во главе его. В прежнюю историческую эпоху было популярно изречение: «мы невежественны и нелюбопытны». Это изречение можно приложить и к тому практическому невниманию, какое и теперь (при всех разговорах «о смычке с крестьянством») уделяется важнейшему для нас молекулярному движению в бедняцких массах деревни. Ибо «смычка» слишком часто окрашивается в этих разговорах в слишком односторонний тон. Мысли о «торговой смычке» с середняком и зажиточным слишко оттесняют на задний план память о «производственной смычке» с бедняком, которая уже теперь должна служить существеннейшим элементом социалистической перестройки деревни (наряду с будущим значением совхозов и грядущей электрификации). Когда то в старой России заезжий немец барон Гакстаузен «открыл» русскую общину. Теперь годы НЭП'а настолько заслонили от общественного сознания громадные процессы коллективизация бедняцкого хозяйства, что, пожалуй, гость из какой-либо заграничной коммунистической партии мог бы уже не без эффекта «открыть» наличность у нас миллионной «коллективизации».

Теперь, когда партийный с'езд признал заканчивающимся «первый период НЭП'а» (который правильно было бы назвать полустихийным) и призвал к усилению плановых начал в начинающемся «втором периоде», — теперь пора внести больше определенности в понимание смычки с деревней, придать более плановой

характер всей нашей деревенской политике. Это означает, конечно, прежде всего учет классового расслоения деревни, а следовательно — соединение забот об общем под'еме сельского хозяйства и о торговой смычке между ним и промышленностью с определенной ставкой на особо тесный политический и экономический союз с бедняцкими силами деревни. Кредитное содействие коллективизации бедняцкого хозяйства, освобождение его от налогов (или крупные налоговые льготы) и усиление политического влияния бедняков в деревне — вот естественное триединство мер последнего рода.

В период «военного коммунизма» благожелательное отношение к начавшемуся стихийному процессу коллективизации выражалось, в значительной мере, в ребяческом стремлении на каждый коллектив налепить ярлычок «коммуны» — знаменитая пугавшая крестьян «коммуния», не ограничивавшаяся об'единением производства, но требовавшая ввести также общность потребления. Как мы знаем, это удалось лишь в слабой степени — на «коммуны» приходится теперь менее 15% всех коллективов (стр. 33, там же). Отчасти же имели место упоминавшиеся уже «мелкие подачки», не имевшие решающего значения, и, наконец, несомненно полезной была общая пропаганда в крестьянской среде идеи производственного об'единения — подкрепление стихийного устремления низов сознательной проповедью сверху.

Затем, в «первый период НЭП'а», задачи плановой перестройки вообще сначала несколько поуспокоились («не до жиру, быть бы живу»), в том числе отодвинулась в тень и работа по коллективизации деревни. Но коллективы, как мы знаем, выжили, доказав тем ненаносный, неслучайный, немаскарадный характер своего бытия. Теперь, во второй период НЭП'а, перед нами задача — вновь двинуть вперед развитие этого дела, но, конечно, уже не методами «военного коммунизма» («проповедь», мелкие подачки, затаскивание в «коммунию»), а методами, приспособленными к нынешнему плановому управлению хозяйством в обстановке господства форм товарных отношений. Этот соответствующий второму периоду НЭП'а метод насаждения коллективизации бедняцкого хозяйства заключается в использовании для этого государственного кредита. Если простым инвентарем, и т. п., группа бедняцких хозяйств может достаточно обеспечить себя одним соединением наличных рессурсов об'единяющихся хозяйств, — то рабочей ло-

нади и могущих быть примененными более сложных сел.-хоз. машин часто не имеет ни одно из этих хозяйств. Здесь предоставление в порядке государственного кредита советской лошади или набора более дорогих машин может и должно стать исходным пунктом превращения группы бедняцких хозяйств в артельный производственный коллектив. Надо, чтобы государственный кредит сельскому хозяйству не прошел мимо бедняцких хозяйств — и тогда «более внимательно построенная на хозяйственно-рациональных основаниях экономическая политика может создать более устойчивые и крайне желательные и с точки зрения с.-х. прогресса формы коллективного земледелия» (там же, стр. 42). Насколько государственный кредит земледелию достигает этой цели, а не оседает только в карманах зажиточных мужиков, — должно служить критерием (мерилом) для оценки успешности форм его осуществления (о чем ниже).

Два обстоятельства усиливают сейчас еще дополнительно возможности и важность работы по коллективизации. Во-первых, пережитое недавно деревней несчастье — голод: «необычайное ослабление хозяйственной мощи заставило крестьянство искать выхода в создании коллективных хозяйств» (стр. 36). Но данные об изменении расслоения крестьянства по группам показывают, что не только в голодных губерниях, а почти повсюду состояние «хозяйственной мощи» должно толкать теперь в эту сторону весьма значительную часть деревни. Во-вторых — усиленное развитие как раз за последние годы землеустроительных работ, облегчающее «массовый переход крестьянских обществ к форме мелких поселков», создает особо благоприятные условия для выделения группы бедняцких хозяйств в одно производственное целое. Впрочем, наш Земельный Кодекс дает право любой группе бедняцких дворов в любое время потребовать выдела своих земель к одному месту.

III.

Основными недостатками царского, земского и кооперативного кредита крестьянам до войны были сравнительная недоступность его бедноте и употребление не по назначению. Пороки эти были присущи кооперативной форме организации кредита в несколько меньшей степени, другим формам — в несколько большей степени, но были общи для всех.

Дело в том, что при всех этих формах кредит был индивидуальным, т.-е. оказывался отдельному хозяйству, как таковому. Но кредит должен окупаться— должен быть обеспечен его возврат. Поэтому кредитом преимущественно пользовались крестьяне, «внушающие доверие», т.- е. обладающие настолько крупным хозяйством, что открытие им кредита не представлялось рискованным. Большая часть средств, накоплявшихся в органах кредита, в том числе и передававшиеся туда государством и земством, попадали, таким образом, в руки кулаков, и в их же руках оказывалась в конце концов преимущественно и сама кредитная кооперация [1]). Иначе и не может быть при личной форме кредита, когда вопрос решает «кредитоспособность» отдельного заемщика.

Для оказания кредитной помощи бедняцкому хозяйству, столь важной для нас и политически и экономически, кредит должен быть коллективным. Должно стать широко известным, что надо образовать производственную артель для получения советского кредита. Соединенная в коллектив группа бедняцких хозяйств образует артельное предприятие, которое, как мы видели, по своим размерам далеко превосходит хозяйство не только середняка, но и кулака, и является вполне кредитоспособным, вполне обеспечивающим возврат кредита. Если же организуемый теперь советски-кооперативный кредит сельскому хозяйству будет, как и до войны, личным, а не коллективным, — он опять пройдет мимо бедняка и послужит лишь дальнейшему расширению оборотных средств деревенских верхов и кулачества. Из своих ничтожных средств советское государство выделяет теперь сравнительно крупные суммы для организации с.-х. кредита, и потому теперь особенно важно установить, что кредит должен строиться как коллективный, а не как личный.

Для увеличения оборотных средств зажиточных и средних слоев деревни правящий Советским Союзом пролетариат уже весьма много сделал смягчением налогового бремени на крестьянство со времени окончания войны. Ведь прекращение войны к началу 1921 г. (мир с Польшей и занятие Крыма) было использовано прежде всего для уменьшения налогов с крестьян, а они вносились до тех пор целиком зажиточными и середняками (да и в годы НЭП'а бедняки вносили лишь около

[1]) В московском журнале «Возрождение» за 1911—1912 г.г. я поместил соответствующие данные по длинному ряду губерний.

10%). В журнале НКЗ «Сел. и лес. хоз.» и в «Союзе Потр.» обнародован ряд интересных работ, выполненных аппаратом НКЗ под общим руководством т. Вайнштейна, относительно всей величины налогового обложения крестьянства в годы революции. Во внимание приняты все налоги и сборы, прямые и косвенные, денежные и натуральные, государственные и местные, непосредственно падающие на крестьянина и на него перелагаемые. Общая сумма их на душу крестьянского населения в золотых довоенных рублях согласно этому оказывается (всюду взят хозяйственный год — от осени до осени):

в 1920—1921 хоз. году	10 руб.	30 коп.	зол.
в 1921—1922 „ „	6 „	34 „	„
в 1922—1923 „ „	4 „	59 „	„

В предстоящем 1923—1924 хоз. году это обложение увеличится никак не более, чем на 1 руб. зол. При этом крестьянское хозяйство постепенно расширяется в сравнении с размерами его при конце гражданской войны, так что оборотные средства его растут не только от уменьшения налогов [1]). Направляемые государством из своих скудных средств в деревню суммы для организации сельского кредита потому особенно важно обеспечивать от захвата их деревенскими верхами и предоставить для производственного под'ема обширных площадей, занятых ныне еще распыленным, «неколлективизированным» бедняцким хозяйством.

Не следует думать, что в настоящее время опасность захвата государственного кредита зажиточными и кулацкими верхами не велики вследствие немногочисленности этих элементов в современной деревне. Их действительно меньше сравнительно с дореволюционным временем, революция многих уничтожила. Но, во-первых, за годы НЭП'а число их стало быстро расти, а во-вторых, они и сейчас, несмотря на свою немногочисленность, занимают очень значительную часть всего крестьянского посева. В «Правде» от 1 июня т. В. Соколов приводит поучительную табличку истории расслоения крестьян за 1917—1922 г. г. по имеющимся оффициальным данным. Для выяснения судьбы зажиточных и кулаков разделим согласно этой таблице все

---

[1]) Для сравнения можно привести, что перед войной вся тяжесть крестьянского обложения составляла до 12 руб. зол. на душу, а с арендой и платежами за покупку земли даже до 18 руб. (см. ниже главу „Деревня и бюджет“).

крестьянство РСФСР на три группы: 1) бедняки и середняки — сюда войдут беспосевные и сеющие не более 4 десятин на двор, т.-е. на семью, 2) зажиточные — сюда войдут сеющие более 4 десятин, но не свыше 8 десятин на двор, 3) кулаки — сеющие более 8 десятин на двор. На каждую из этих групп приходится следующий процент из всех крестьянских дворов:

	1917 г.	1920 г.	1922 г.
1. Бедняки и середняки	69.3%	91.8%	87.5%
2. Зажиточные	21.7%	6.5%	9.0%
3. Кулаки	9.0%	1.7%	3.5%
	100%	100%	100%

Мы видим, как революция почти начисто смела деревенские верхи. Но при НЭПе они начинают оправляться, и к ним относится сейчас до 12% всех дворов, около восьмой части. По числу дворов это немного — но эта восьмая часть сосредоточивает в своих руках более трети всех посевов, а это имеет уже очень крупное значение и свидетельствует о весьма большом социальном весе зажиточно-кулацких групп в современной деревне. При таких условиях оседание предоставляемого государством кредита в руках этих групп будет весьма вероятным, если он будет личным, а не коллективным.

Следовательно, первое отличие советского кредита сельскому хозяйству от кредита дореволюционного заключается в том, что он должен строиться преимущественно как кредит коллективный, как кредит вновь возникающим и существующим коллективам. Недавние статьи т. Ленина о недопустимости недооценки кооперации в современных условиях могут посодействовать установлению надлежащего отношения и к этому характеру вопроса о производственном кредите сельскому хозяйству.

Вторым пороком дореволюционного кредита было использование его не по назначению — на свадьбы или крестины, на цели потребления и т. п., а не на приобретение лошади или орудий, не на оборудование производственного процесса. Употреблявшиеся таким образом средства, естественно, не восстанавливались в хозяйстве, не приводили его к под'ему, а вместе с тем не было и возможности погасить, возвратить занятые средства. Следствием этого являлось значительное накопление в органах мелкого кредита непогашенных долгов и бес-

конечное переписывание их из полугодия в полугодие— т.-е. пропажа этих средств и для нового кредитного оборота и для под'ема сельского хозяйства.

Орудием для устранения этого недостатка может явиться во многих случаях товарный характер советского кредита сельскому хозяйству. Средства должны отпускаться крестьянским коллективам с полной обеспеченностью употребления их именно для целей производства. Если коллективу необходимы орудия или лошадь, то кредит должен оказываться в форме этих предметов, оцененных, разумеется, и в деньгах. Здесь открывается возможность, между прочим, и такой организации этого вещевого кредита, какая облегчит его для бедняцких коллективов и может быть сравниваема в некоторых отношениях с практикой прокатных пунктов. Если коллективу необходима лошадь или молотилка, то нет обязательной необходимости продавать ее коллективу в собственность. Она может остаться «советской лошадью», переданной коллективу в постоянное бессрочное пользование с тем, что он выплачивает ежегодно только проценты и т. п. Но и без этого товарная форма кредита, по возможности с товарным погашением (продукцией, оцененной в деньгах), должна значительно упростить дело.

Советский кредит сельскому хозяйству таким образом должен быть прежде всего производственным, коллективным, товарным, направленным к общественному об'единению и экономическому под'ему бедняцкого хозяйства — тогда он надежно будет служить делу подготовки социалистического переустройства деревни.

Вопрос об органах оказания кредита, о щупальцах, какие дотянулись бы сверху до миллионных деревенских низов, конечно, очень важен. У нас есть около 400 тысяч деревенских поселений. Единственная организация, которая их охватывает сплошной сетью,—это волисполкомы с сельхозами. Сел.-хоз. и даже потребительская кооперация существует лишь в нескольких десятках тысяч пунктов. При том из этой кооперации влияние бедняков крупнее как раз в потребительской, а не в сел.-хоз. (за исключением производительных коллективов). Мыслимы два пути. Либо создание при уземотделах уездных центров производственных коллективов. Такой центр станет естественной кооперативной верхушкой всех производственных колхозов (артелей), работающей при поддержке и под руководством уземотдела. Он будет естественным местом

притяжения всех вновь образующихся коллективов, очагом агитации за них и глашатаем вести о возможности уничтожения кабальной зависимости от кулаков, о возможности государственного кредита для производственных целей при коллективизации бедняцких хозяйств (без всяких обязательных «коммуний»). Этот центр будет естественным посредником между существующими и образующимися коллективами и между отделами Госбанка и его агентствами. Общее руководство уземотдела, необходимое особо на первых порах, обеспечит, что все дело останется в наших руках при устранении вместе с тем чиновничьего типа самой организации.

Или же можно итти дорогой полного неучастия государственных органов, ограничившись передачей назначенных для кредита средств существующим кооперативным центрам (Сельсоюз, Центросоюз, Кооп. банк) и возложив на них эту задачу принятия мер, чтобы кредит оказался действительно производственным, коллективным, бедняцким, а не кредитом только или преимущественно верхам деревни. Здесь дело затруднится как сравнительной немногочисленностью их опорных пунктов в деревне, так особенно и невхождением до сих пор в их состав как раз интересующих нас бедняцких производственных колхозов, которые вообще по важности своей заслуживали бы самостоятельного всероссийского центра, опирающегося на уездные центры при уземотделах. Поскольку само оформление создания коллективов находится в области ведения уземотделов и поскольку уземотделы многими сторонами своей деятельности способны поддерживать и обслуживать колхозы, — подобная организация вообще имела бы сейчас многое за себя.

Существующий небольшой опыт советского сел.-хоз. кредита не может быть признан удовлетворительным с точки зрения обеспечения интересов бедняцкого хозяйства. По отчету единственного просуществовавшего уже год районного общества с.-х. кредита (именно крымского,—см. «Эк. Ж.» от 14 июня: «Перв. опыт»), из всех ссуд на нужды полевого хозяйства и хлебопашества подготовившим менее 2 десятин для озимого посева выдано только 10% количества ссуд, т.-е. самая малость, хотя таких крестьян большинство в деревне. Кредит уходит на поддержку верхушки, при чем хозорганы в отношениях своих с деревней иногда прямо становятся на точку зрения, следующим образом (по сообщению «Правды», № 134) выраженную на VI с'езде ме-

таллистов в июне т. г. начальником Главэлектро тов. Гольцманом: «Замечается стихийное стремление кулаков крестьян самостоятельно производить различные электрификационные работы. Нужно пойти им навстречу, открыв для этой цели кредит» (отчет о втором дне с'езда).

Без сомнения, при индивидуальном подходе к делу крестьянского кредита, как показывает крымский пример и заявление Главэлектро, — наши хозорганы будут стихийно итти навстречу именно зажиточно-кулацким одиночкам и группам. Потому особенно необходим подход к этому делу не «стихийный», а плановой— чтобы отдаваемые государством на организацию сел.-хоз. кредита средства пошли именно бедняцким коллективам, смыкая их тесно с пролетарским государством и подымая на высшую производственную ступень.

Дифференциация крестьянства.

I.

Дифференциация, т.-е. расчленение крестьянства на классовые группы, в дореволюционный период и затем судьбы ее в период военного коммунизма достаточно изучены и известны. Установлено, что уже до войны имущественные различия между крестьянскими хозяйствами далеко превосходили ту величину, какая могла бы быть об'яснена различием в количестве членов семьи отдельных дворов. Имущественная разница между отдельными дворами давно уже достигла того размера, когда количество переходит в качество, и знаменовала расчленение крестьянства на отличные по самому классовому типу группы.

Бедняки, середняки, зажиточные, кулаки, — связанные между собою целой сетью постепенных переходов, они представляли собой уже до войны тем не менее ясно отграниченные слои с различными интересами и различным строением хозяйства. Эти экономические различия внешне затемнялись и скрадывались общей оппозицией против барина, против помещика, против дворянина, но тем не менее существовали и должны были в конце концов сказаться и политически.

Ограничимся только одной иллюстрацией имевшегося уже на лицо расслоения — данными земской переписи Старобельского уезда, Харьковской губ., одной из последних перед войной (1910 г.) и подробно разработанной А. В. Чаяновым. Возьмем четыре группы: 1—сеющие менее трех десятин на двор, 2—сеющие свыше трех до семи с половиной десятин, 3—сеющие свыше 7½ и до 15 десятин на двор, 4—сеющие более 15 десятин (двором называется хозяйство одной вместе живущей неразделившейся семьи). Получим, что на одно хозяйство каждой группы в среднем приходится:

	I	II	III	IV
Число душ в семье .	4.35	6.28	9.37	11.41
Лошадей и волов . .	0.59	1.89	4.32	7.08
Коров	0.35	0.89	1.24	2.0
Мелкого скота . . .	0.7	4.5	10.2	19.0
Всего скота в переводе на крупный	1.1	3.9	8.1	13.7
Всего скота в переводе на крупный на 1 десятину посева . .	0.9	1.3	1.4	1.2
% хозяйств со сложными машинами . .	5.9%	12.2%	24.0%	90.6%
Вся цена инвентаря .	23 р. 37 к.	69 р. 48 к.	110 р. 76 к.	228 р. 17 к.
Число построек (изба, сарай, амбар, овин, погреб и т. д.) . .	4.16	6.21	7.62	10.2
Площадь построек (кв. саж.)	28.9	45.9	58.5	97.1
Цена построек (зол. руб.)	200.6 р.	346.0 р.	504.8 р.	699.0 р.
Предметов потребления (одежда, утварь и пр.) на сумму (зол. руб).	109.7 р.	243.6 р.	351.6 р.	656.4 р.
Скота и птицы на сумму (зол. руб.) . . .	57.3 р.	238.3 р.	556.9 р.	985.1 р.
Наличных денег и вкладов	21.4 р.	23.4 р.	22.3 р.	46.6 р.
Всего имущества на сумму (зол. руб.) .	412.4 р.	920.8 р.	1546.4 р.	2615.3 р.
Всего имущества (зол. руб.) на 1 душу .	94.8 р.	146.6 р.	165.0 р.	229.2 р.
Годовой денежный приход от продажи продуктов своего хозяйства	13 р.	73 р.	203 р.	403 р.

Эта иллюстрация дает столь достаточно материала для всевозможных очевидных показательных сопоставлений, что можно здесь на ней не останавливаться, а подчеркнуть лишь один важный для дальнейшего пункт. Именно: ничтожна роль 1-ой группы (низшей) в продаже на рынок. Если середняцкое хозяйство продавало своих продуктов до войны ежегодно на несколько десятков золотых рублей, а зажиточное хозяйство — даже на несколько сот золотых рублей, то хозяйство 1-й группы «торговало» лишь на три рубля в год на душу, а потому весьма мало заинтересовано было, в

росте цен на хлеб. Ибо оно было в отношении хлеба хозяйством почти чисто потребительским, а не предпринимательским, да и торговало не хлебом, а другими произведениями. Хлеб они покупали, потому заинтересованность их в ценах на хлеб была часто даже обратная. А так как таких хозяйств было решительное большинство, то поэтому размеры посевов в России в общем росли даже вопреки наступавшему временами понижению уровня хлебных цен. Ибо они сообразовались не с уровнем цен (так как продукты не продавались), а с потребностью крестьян увеличивать производство вследствие прироста населения и с возможностью расширения его по наличности посевного материала, рабочего скота и т. д. Эти материальные возможности возрастали при хорошем урожае, который одновременно приводил, конечно, к понижению хлебных цен. Так возникал на первый взгляд парадоксальный факт, что крестьянские посевы в общем особенно энергично расширялись как раз в годы низких хлебных цен. Неудивительно, что теперь, в 1923 г., когда преобладание потребительского характера в крестьянском хозяйстве еще более ярко выражено, чем до войны, — факт роста посевов при понижении хлебных цен имел особо крупные размеры.

Для того, чтобы представить себе, насколько крупную часть деревни охватывает указанная выше 1 группа, мы тут же, забегая вперед, скажем, что в 1922—1923 хозяйственном году к ней относились около 80% всех крестьянских дворов, т.-е. четыре пятых русской деревни. И только одна пятая часть нашего крестьянства (значит, одна шестая часть всего населения государства) заинтересована в повышении цен [1]).

Если взять Великороссию (об Украине ниже), то крестьянские дворы могут быть по основному признаку, — посеву, — разбиты на пять основных групп:

1. Полупролетарские — вовсе не имеющие посева или имеющие его менее одной десятины на хозяйство. Средний размер семьи около четырех чел. Соответствует

---

[1]) Первые пять групп по продналогу 1922—1923 года соответствуют I группе Старобельского уезда (с посевом до 3 десятин на двор, т. е. с пахотно-сенокосной площадью до $7^1/_2$ дес. на хозяйство или до $1^1/_2$ дес. на душу при нынешнем числе человек в среднем дворе и нынешнем среднем процентном отношении посева ко всей пахотно-сенокосной площади — см. ниже подробнее).

первым двум продналоговым разрядам, т.-е. имеющим менее полудесятины пахотно-сенокосной площади на душу [1]).

2. Маломощные — имеющие более одной, но менее двух десятин посева на хозяйство. Средний размер семьи около пяти чел. Соответствует третьему и четвертому продналоговым разрядам, т.-е. имеющим более полудесятины и менее одной десятины пахотно-сенокосной площади на душу.

Первую (полупролетарскую) в вторую (маломощную) группы обычно об'единяют в один слой бедняцких хозяйств (почти сплошь не имеющих своего рабочего скота и находящихся в кабальной зависимости от зажиточной верхушки деревни).

3. Середняки — имеющие не менее двух, но не более четырех десятин посева на хозяйство. Средний размер семьи около шести человек. Соответствует пятому и шестому продналоговым разрядам, т.-е. имеющим более одной, но менее двух десятин пахотно-сенокосной площади на душу.

4. Зажиточные — имеющие более четырех, но не свыше восьми десятин посева на хозяйство. Средний размер семьи более шести человек. Соответствует седьмому и восьмому продналоговым разрядам, т.-е. имеющим более двух, но менее трех десятин пахотно-сенокосной площади на душу.

5. Кулаки, имеющие более восьми десятин посева на хозяйство. Средний размер семьи более семи чел. Соответствует девятому продналоговому разряду, т.-е. имеющим более трех десятин пахотно-сенокосной земли на душу.

Четвертая и пятая группа могут быть также об'единяемы вместе для некоторых сопоставлений в качестве деревенской верхушки.

---

[1]) Сопоставление группировки по посеву с группировкой по продналогу (производимой по всей пахотно - сенокосной площади а не только по посеву,—эта же группировка сохранена без изменений для сельхозналога)—это сопоставление возможно путем выяснения, какую часть всей облагаемой продналогом (т. е. пахотно-сенокосной) площади составляет посев. В работе А. Торопова «Система и основания единого с.-х. налога» (№ 2 «Продовол. и Револ.», стр. 8—42) приведены данные по 24 губерниям (около 20 милл. дес. посева), показывающие, что в среднем эта часть составляет 42%. Это дает почти точно указанное в тексте сопоставление группировок по посеву и по пахотно-сенокосной площади (по продналогу), которое пригодится при оценке группировки по продналогу в 1922—1923 году.

Ко времени октябрьской революции 1917 г. великорусское крестьянство [1]) распадалось согласно указанному делению на такие четыре части:

бедняки	40.2%	всех дворов
середняки	28.9%	„ „
зажиточные	22%	„ „
кулаки	9%	„ „

При этом из приходившихся на долю бедняцких хозяйств 21,8% относятся к первой группе («полупролетарской») и 18,4% ко второй группе («маломощной»).

После революции одна за другой следуют две волны, понижающие роль деревенской верхушки («зажиточных» и «кулаков») в общей массе крестьянских дворов. Во-первых, в ноябре н. ст. 1917 г. возвещается и после таяния снегов в 1918 г. осуществляется конфискация помещичьих земель, распределяемых между деревенскими низами. Между тем раньше большая часть посевов на помещичьей земле арендовалась крестьянами, при том преимущественно именно деревенской верхушкой [2]). Потому конфискация помещичьих земель фактически означала передачу беднякам части тех посевов, которые ранее находились в руках крестьянской верхушки. Поэтому 1918—1919 хоз. год должен был дать уже существенно иное распределение крестьянских дворов между разными слоями, которое и обнаружила сел.-хоз. перепись 1919 г. Вот данные о распределении крестьянских дворов по указанным выше 25 губерниям:

	в 1917 г.	в 1919 г.	+или—
Бедняки	42.2%	49.4%	+9.2
Середняки	28.9%	29.3%	+0.4
Верхушка	31.0%	21.3%	—9.7

[1]) Сведения за 1917 и за 1919 г. по сельско - хозяйственной переписям этих годов (изд. ЦСУ «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г.г.»), а сведения за 1920 г. по выборочной переписи этого года (цитир. тов. В. Соколовым в «Правде» от 1 июня). В изданное ЦСУ сопоставление вошло 25 губ: Астрахань, Витебск, Владимир, Вологда, Вятка, Екатеринбург, Казань, Калуга, Кострома, Курск, Москва, Новгород, Олонец, Оренбург, Пенза, Пермь, Петербург, Рязань, Саратов, Смоленск, Тамбов, Тверь, Тула, Череповец, Ярославль. За 1917 г., за 1919 г. и за 1920 г. группировки по площади посева. Данные за 1922—1923 хоз. год по отчетам о сборе продналога (см. нашу статью «Сельхозналог и беднота») и обнимают как эти губернии, так и прочие (см. ниже), группировка по пахотно-сенокосной площади.

[2]) Всего перед войной крестьяне арендовали свыше 25 мил. дес. некрестьянской земли (в том числе свыше половины приходилось на посев). А у самих помещиков не сдававшегося ими в аренду посева оставалось лишь около 7 милл. дес. (по Европ. России без Кавказа и Польши).

Мы видим, что процент бедняцких хозяйств прибавился на ту же величину, на какую сократился процент верхушечных, а доля середняцкого слоя осталась без изменений [1]). Но перераспределение пользования одной только помещичьей землей (ранее арендованной, а затем конфискованной) не удовлетворило деревенскую бедноту и середняка. Бельмом на глазу стояло господствующее положение внутри деревни собственной крестьянской верхушки. И вот после первой — противопомещичьей аграрной революции, прокатывается волна второй революции—внутридеревенской, противокулацкой. Во второй половине 1918 г. начинают появляться «комитеты бедноты», которые в течение 1919 г. проделывают работу внутридеревенского распределения производственных возможностей. Потому в 1919 — 1920 хоз. году налицо имеется уже значительно иное распределение крестьянских дворов по основным группам, которое обнаруживается переписью 1920 года:

	1919 г.	1920 г.
Бедняки	78.7%	91.8%
Верхушка	21.3%	8.2%

При этом в составе верхушки сходит почти на нет кулачество, охватывавшее в 1917 г. всего 9% дворов, в 1919 г. еще 3,7% и в 1920 г. только 1,7%.

Что основной причиной перегруппировки крестьянских дворов является именно наличность двух последовательно прокатившихся по деревне аграрных революций (против помещиков и против кулаков), а отнюдь не особое специфическое влияние продразверстки,—лучше всего показывается дальнейшей историей внутрикрестьянского расслоения. В самом деле, 1920—1921 хоз. год был годом наиболее тяжелой продразверстки; следующий 1921—1922 хоз. год был годом большого неурожая—и тем не менее оказывается, что установившиеся к 1920 г. соотношения между основными группировками остаются в общем почти без перемены. По данным

---

[1]) Следует отметить, что эта перемена наступила при первой же сел.-хоз кампании, целиком проведенной крестьянством при советской власти (1918—1919 хоз. год), т. е. тогда, когда не могло еще сказаться в решающих размерах влияние продразверстки или гражданской войны — и тем более неурожая ненаступившего еще 1921 г. Между тем часто все внимание обращается на эти дополнительные условия с забвением основного влияния, какое должны были иметь на перераспределение дворов сначала противопомещичья и затем противокулацкая революции.

группировки крестьянских хозяйств в связи с взиманием продналога в 1922—1923 хоз. году, имеем сравнительно с 1920 г.:

	1920 г.	1922 г.
Бедняки и середняки	91.8%	92.1%
Зажиточные и кулаки	8.2%	7.9%

Наметился зато очень интересный процесс внутри самой деревенской верхушки; в ней стала расти явно кулацкая группа (к чему вернемся еще ниже в связи с обстановкой НЭП'а):

	1920 г.	1922 г.
Зажиточные	6.5%	5.5%
Кулаки	1.7%	2.4%

Определенно кулацкая группа настолько окрепла за последние годы «первого периода НЭП'а», что приближается уже к аннулированию того разгрома, какой создала для нее вторая аграрная революция (внутридеревенская), и приближается (а в 1923 г., возможно, уже приблизилась) к восстановлению того положения, какое она занимала в деревне после первой революции (противопомещичьей). Вот относящиеся сюда сравнительные данные за 1919 г. и за 1922 г.:

	1919 г.	1922 г.
Бедняки	49.4%	52.4%
Середняки	29.3%	39.7%
Зажиточные	17.6%	5.5%
Кулаки	3.7%	2.4%

В этом сравнении впечатление ослабляется еще тем, что для 1919 г. взяты только указанные выше 25 великорусских губерний, а для 1922 г. вся Великороссия (точнее, вся РСФСР без азиатских территорий). Общее обнищание в пострадавших от голода 1921 г. областях сдвинуло несколько в сторону малоимущих всю картину, хотя и не изменило ее существенно. Если же взять сравнимые по территории цифры (опубликованные уже в «Правде» т. Соколовым), то результат будет еще более наглядным:

	1919 г.	1922 г.
Бедняки и середняки .	78.7%	87.5%
Зажиточные	17.6%	9.0%
Кулаки	3.7%	3.5%

Следовательно, за два года НЭП'а процент кулачья поднялся вдвое (с 1,7% в 1920 г.), а процент зажиточных почти на половину (с 6,5% в 1920 г.).

Такое быстрое возрождение деревенской верхушки тем более меняет всю социально-политическую обстановку современной деревни, что, во-первых, экономическое могущество этой верхушки далеко превосходит ее численность, а во-вторых, мы имели со времени сбора приведенных данных еще один нэповский год (1922—1923 хоз. год) и скоро вступим в следующий подобный же (1923—1924 хоз. год). Потому, чтобы из рук у нас не уплыла постепенно и политическая и экономическая власть в деревне, надо практически иметь в виду два пункта:

Во-первых, стихийному при НЭП'е росту зажиточно-кулацкого производства противопоставить сознательную производственную политику государства, направленную к производственному под'ему на общественных началах близких нам элементов деревни («коллективизация бедняцкого хозяйства»).

Во-вторых — тщательно изучать фактический характер тех или иных принимаемых ради смычки с деревней мер для установления, кому они идут на пользу, верхушки или низам, и для такого направления нашей кредитной политики, политики хлебных цен, налоговой политики в деревне и т. д., чтобы они служили смычке с бедным большинством, а не с зажиточным меньшинством деревни.

«Курс на комбеды» — вот правильное в наших нынешних условиях направление для господствующего пролетариата, чтобы держать крепко деревенский тыл, чтобы не дать бедное большинство деревни политически использовать зажиточному меньшинству (а с ним вместе и буржуазии), чтобы вести под'ем сельского хозяйства в стране не дорогой кулацкой, а дорогой общественно-кооперативной его перестройки.

Разумеется,—«курс на комбеды» не в смысле рабского копированья организационных форм и приемов действия, практиковавшихся на рубеже 1918—1919 г.г., а в смысле яркой характеристики идей, какая должна проявляться в содержании всех наших деревенских мероприятий. Решительная, твердая и ясная ставка на политическую и экономическую смычку именно с бедняцкой половиной деревни — вот смысл «курса на комбеды» в настоящее время. А дойдет ли дело, как на Украине, до существования «бедняцких комитетов», или

же дело ограничится замещением председательских и секретарских мест в волисполкомах коммунистами, опирающимися на производственные коллективы бедняцких хозяйств, на ярко бедняцкую кредитную и налоговую политику советской власти и т. д.,—это уж организационная подробность, обсуждать которую здесь сейчас не приходится. Но бедняцкая половина деревни теперь, после двух лет НЭП'а, должна достаточно веско и определенно почувствовать, что она не забыта, что ее интересы в деревне первенствуют, что налицо имеется действительно союз с «беднейшим крестьянством», а не какими-либо другими кандидатами,—этого требуют жизненные интересы самосохранения пролетариата и политического и экономического [1]).

II.

Значение крестьянской верхушки определяется не количеством зажиточно-кулацких дворов, а той частью деревенской продукции, какую они сосредоточили в своих руках, и той экономической зависимостью, в какую они поставили от себя остальные части крестьянства. В обоих этих отношениях дело зашло достаточно далеко уже в настоящее время. Начнем с продукции.

Отчетные данные о сборе продналога в 1922—1923 хоз. году обнимают 49 губерний и областей Великороссии (точнее — всю РСФСР без азиатских территорий). По этим данным оказалось:

	Из всех дворов.	Из всей пах.-сенок. земли.	Из всего налога.
Полупролетариат	17.9%	6.2%	2.3%
Маломощные	34.5%	25.9%	18.5%
Середняки	39.0%	47.9%	51.1%
Зажиточные	5.5%	10.6%	15.3%
Кулаки	2.4%	9.4%	12.8%
	100%	100%	100%

При этом надо иметь в виду, что по размеру налога можно судить приблизительно о размере продукции с

[1]) Кстати сказать, низший реальный предел заработка городского промышленного и транспортного пролетариата (именно, заработок неквалифицированного рабочего) определяется как раз уровнем быта бедняцких низов. Всякое существенное улучшение их положения не останется без благоприятного влияния и на положение наемных рабочих в стране (в частности, более значительно расширяет спрос на промышленные изделия, чем равный прирост дохода у зажиточных).

тою поправкою, что обычно у состоятельных групп (зажиточно-кулацкая верхушка) процент продукции даже несколько выше процента налога. Мы видим, что менее 8% дворов, какие входят в состав верхушки, имеют 20% всей пахотно-сенокосной земли. Но зажиточные, имеющие инвентарь и скот, легче могут обратить под посев и при том более значительную часть всей своей пахотно-сенокосной площади, чем малоимущие. Потому процент из всего деревенского посева у них всегда значительно больше, чем процент из всей деревенской пахотно-сенокосной площади. Вот, напр., результаты специального обследования типичной волости Самарской губ., произведенного особой комиссией ЦКРКП в начале 1923 г. (см. «Материалы по обследованию деревни к XII с'езду партии», изд. «Кр. Новь»). Здесь на деревенскую верхушку (зажиточные и кулаки) приходится 15% дворов, у которых 20% всей земли и 30% всего посева. Наоборот, у деревенской бедноты (полупролетарии и маломощные) имется в этой волости почти 36% всей земли, но только 22% всего посева. Беднота оказывается в силах держать под посевом только 20% своей земли, тогда как зажиточные засевают почти 50% их земли [1]).

Подобно этому и по всей Великороссии: если у верхушки, как мы видели, 20% всей пахотно-сенокосной площади, то посева она имеет в своих руках не менее 30% и платит свыше 28% налога. Но уровень среднего урожая с десятины у состоятельной верхушки обычно несколько выше, чем у середняков и бедняков. Состоятельные часто имеют возможность раньше и лучше обрабатывать почву, больше удобрять и т. п. — словом, они естественно попадают в разряд тех «старательных хозяев», которым закон о налоге предоставляет льготы за улучшения в хозяйстве [2]). Потому, если у них 30%

---

[1]) Из этого видна, между прочим, особая выгодность для государства в целом направления кредитной помощи именно на коллективизацию бедняцких хозяйств, раз этим путем на уже имеющейся земле можно увеличить площадь посева более, чем в два раза. А так как бедняцкие хозяйства занимают в среднем 32% всей пахотно-сенокосной площади, то это одно означало бы увеличение валовой продукции русского сельского хозяйства почти на 10%.

[2]) Материалы обследования деревни комиссией ЦК вообще дают неблагоприятную в классовом отношении картину практического проведения налогов в деревне—неблагоприятную с точки зрения союза и именно с беднотой. Вот некоторые выдержки: «Налоговые мероприятия, хотя и сопровождаемые неурядицами, выгод-

посева, то надо считать, что несколько выше,—не менее трети, — приходится на их долю всей сельско-хозяйственной продукции крестьянства. Третья часть всего валового производства деревенского сельского хозяйства в руках горсти зажиточно-кулацких дворов — таково положение уже в настоящее время.

Фактически роль этой верхушки еще больше, ибо помимо собственного хозяйства она держит еще в кредитной зависимости от себя значительную часть бедняцкого хозяйства и в торговой зависимости — и бедняков и середняков. У нас имеется меньше чем по одному кооперативу на каждые десять деревень, и почти вся торговля деревни находится в руках этой верхушки, как показала в частности и опубликованная в июне анкета Комвнуторга. Торговля находится в руках верхушки не только как единственной в деревне обладательницы необходимых для этого оборотных средств, но и как преимущественной поставщицы на рынок основной массы деревенских продуктов, в частности хлеба.

В самом деле, если верхушке принадлежит треть сельско-хозяйственной продукции, то это не значит, что и в продаже продуктов крестьянского хозяйства ей тоже принадлежит только треть. Ведь бедняцкому хозяйству (полупролетарии и маломощные, вместе—половина деревни, имеющая менее одной десятины пахотно-сенокосной площади на душу) — вообще не хватает своего хлеба, и он его не продает, а покупает. Затем, у середняков избытки настолько невелики, что их хватает только на сдачу натуральной части продналога (сельхозналога), но не на продажу. В итоге—хлеб могут про-

---

нее для зажиточного и середняка» (стр. 78, Тамб. губ.). «Наиболее аккуратным плательщиком всех налогов являются группы зажиточная и середняцкая, они и получают существующие проценты скидки (с налога) за своевременный взнос» (стр. 68, Псковская г.). Любопытно, что при разработке сел.-хоз. налога на 1923—1924 г. Наркомзем не выступил с предложением об освобождении от налога хотя бы самых беднейших групп, забыв правильные традиции донэповских лет. Крайне характерно, что, по отчетам Укрнаркомпрода, в некоторых губерниях деревенская верхушка платит даже меньше налога, чем на нее пришлось бы даже при простом пропорциональном пахотно-сенокосной площади распределении (не говоря уже о прогрессивном). Так, по Одесской губ. у зажиточных и кулаков 50% всей пахотно-сенокосной площади, а платят они только 42.6% налога. Освежить нашу налоговую политику в деревне с точки зрения классового анализа ее, таким образом, совершенно необходимо.

давать и действительно продают почти исключительно верхушечные хозяйства. В изданных комиссией ЦК РКП «Материалах по обследованию деревни» имеются подробные сведения по типичным волостям четырех губерний (Псковская, Курская, Московская, Самарская) о том, какая доля дворов вообще продает или отдает в обмен хлеб, а равно о распределении всех дворов между различными слоями крестьянства. Каждая из этих губерний, в свою очередь, характеризует какой либо целый район России, да и вообще находится в согласии со всеми имеющимися по этому вопросу сведениями. Вот эти характерные данные, при чем первый столбец показывает, какая часть всех дворов данного района (в процентах) вообще продавала хлеб в 1922—1923 хоз. году, а второй — какая часть дворов данного района относится к разряду деревенской верхушки (зажиточные и кулаки):

	продают хлеб	верхушечные дворы.
Псковская губ.	5.7%	2%
Курская губ.	22.5%	31.3%
Московская губ.	7%	19.3%
Самарская губ.	47.7%	15%

Данные по Самарской губ. расходятся с общей картиной по той причине, что она относится к району преимущественно хлебному, где продажа его охватывает и середняков. А середняков вместе с верхушкой по Самарской губ.—55% всех дворов. Надо иметь в виду еще при этом, что приведенные данные охватывают решительно все дворы, продававшие в обмен хлеб, хотя бы эти же самые дворы принуждены были затем покупать хлеб позже. Таких дворов, которые сначала продают хлеб для уплаты денежных налогов, а потом сами принуждены покупать его для собственного потребления, раздобыв тем временем откуда-нибудь необходимые для этого средства,—довольно много. В частности, по Самарской губ. таких дворов—четыре пятых из числа всех продающих хлеб, по Московской—одна пятая и т. д. Такие хозяйства нельзя, разумеется, без оговорок занести в разряд заинтересованных в повышении хлебных цен. Таким образом, число крестьянских хозяйств, без сомнения заинтересованных в высоких ценах (т.-е., продающих хлеб, но не покупающих его,—иначе сказать, продающих от действительных избытков), на деле даже меньше той средней величины по РСФСР в 20%, какая выше указана.

Конечно, по отдельным районам (областям) страны этот процент колеблется в виду различной степени классового расслоения крестьянства в разных областях. Если сравнить распределение пахотно-сенокосной площади между различными группами крестьянства (по данным о продналоговом обложении в 1922—1923 году), то между всей РСФСР (без азиатских территорий) и всей Украиной окажется следующая разница (как известно, в РСФСР не входят: ни Украина, ни Закавказье и Белоруссия):

	Украина.	РСФСР.
Полупролетарии	13.8%	6.2%
Маломощные	28.3%	25.9%
Середняки	31.4%	47.9%
Зажиточные.	17.0%	10.6%
Кулаки	9.5%	9.4%
	100%	100%

Таким образом, на Украине классовая дифференциация, хозяйственное расслоение деревни ушло гораздо дальше, чем в Великороссии. Из всей пахотно-сенокосной площади середняки занимают в Великороссии почти половину, а на Украине — менее трети. Наоборот, крайние группы противостоят друг другу на Украине гораздо внушительнее, отношения между ними должны быть обостреннее. Из всей пахотно-сенокосной земли имели:

	Украина.	РСФСР.
Бедняцкие хоз.	42.1%	32.1%
Верхушечные хоз.	26.5%	20%

Именно потому, что крайние крылья деревни противостоят друг другу на Украине более обнаженно, чем в Великороссии,—именно потому сохранились на Украине до сих пор и «комнезаможи» (комитеты бедноты), и более энергично начинает подымать вновь голову дело коллективизации бедняцких хозяйств. С другой стороны, именно в силу большего экономического могущества в украинской деревне зажиточно-кулацких верхов, чем в Великороссии, эти верхи умеют на практике добиваться на Украине более значительных налоговых льгот, чем в РСФСР. Так, по данным Укрнаркомпрода и Наркомпрода РСФСР, на каждый один процент всей пахотно-сенокосной площади падает процентов всего взысканного в 1922—1923 хоз. году продналога:

	в Великороссии:	на Украине:
у бедняков.	0.51%	0.82%
у середняков	1.00%	1.09%
у верхушки	1.40%	0.87%

Из этого легко видеть, что на Украине налоговое обложение середняков и особенно бедняков значительно тяжелее, чем в РСФСР, — зато обложение состоятельной верхушки, наоборот, значительно легче. Так учитывается в жизни и политически большее экономическое влияние зажиточно-кулацких элементов на Украине, если внутрикрестьянские классовые отношения не встречают достаточно энергичного вмешательства со стороны пролетарского государства в «бедняцком» направлении в силу некоторого ослабления внимания к этой стороне деревенской жизни в первые годы НЭП'а (1921 и 1922 г.г.). Партийный с'езд 1923 г. послужил в этом отношении, очевидно, весьма полезным рубежом и вновь привлечет внимание к внутридеревенским процессам, вновь усилит здоровую классовую струю в нашей деревенской политике.

Само собой, районные отличия в степени расслоения крестьянства имеются не только между Украиной и РСФСР, но и между различными областями самой Великороссии. Можно думать, что сравнительная слабость зажиточно-кулацкого слоя как раз в прилегающих к Москве и Петрограду губерниях, особенно на виду находящихся у сосредоточенных в столицах масс пролетариата,—содействовала сравнительному ослаблению внимания к происходящим внутри деревни процессам за последние годы. Вот данные о распределении всех крестьянских дворов между различными хозяйственными слоями по каждому району в отдельности (на основании отчетных сведений о продналоговом обложении в 54 европейских губерниях РСФСР в 1922—1923 хоз. году):

Район.	Число дворов. в тыс.	Из них в процентах.			
		Полупролетарских	Маломощных.	Середняцких.	Верхушечных.
Волжско-Камский .	1.218 т.	8%	29.6%	50.2%	12.2%
Юго-Восток. . . .	971 т.	28%	26%	30.5%	15.5%
Урал.	1.533 т.	44.6%	20.4%	31.6%	3.4%
Центр земледельч.	2.566 т.	3.2%	31%	62.9%	2.8%
Петроградский . .	777 т.	20%	39%	37%	4%
Центр промышлен.	2.531 т.	19.5%	46.3%	31.2%	3%
Западный.	778 т.	28%	50.5%	16.7%	4.8%
Северный.	404 т.	34.8%	44.7%	19.7%	0.8%
Поволжский. . . .	2.351 т.	5.1%	15.4%	61.5%	18%
Итого. . .	12.597 т.	17.9%	34.5%	39.7%	7.9%

При оценке этих порайонных [1]) колебаний надо иметь в виду, конечно, два обстоятельства. Во-первых, не вполне одинаковое значение одной десятины в разных районах в хозяйственном отношении. Во-вторых, то обстоятельство, что среди дворов, относимых по площади посева или всей пахотно-сенокосной земли к полупролетарским и маломощным,—в жизни встречаются иногда дворы торговцев, мельников и т. п. лиц, почти не ведущих земледельческого хозяйства не по бедности, а по всецелому перенесению центра тяжести своей хозяйственной деятельности в торгово-промышленную область. Но эти частные поправки не меняют сколько нибудь существенно общей картины, вырисовывающейся из приведенной таблицы. Они только побуждают считать, что в жизни экономическая роль зажиточно-кулацкой верхушки еще больше, чем представляется по оффициальным цифрам.

Украина по относительному значению в крестьянстве верхней (зажиточно-кулацкой) группы также резко распадается на две части: южную и северную. В южную входят губернии: Одесская (с Николаевской), Екатеринославская (с Запорожской) и Донецкая (с вошедшей в них частями бывшей Кременчугской губ.), с общей площадью крестьянской пахотно-сенокосной земли в 12.716 тыс. десятин.

В северную входят прочие украинские губернии (Киев, Харьков, Полтава, Волынь, Подолия, Чернигов и остальная часть бывшей Кременчугской губ.), с общей площадью крестьянской пахотно-сенокосной земли в 14.067 тыс. десятин (все—по отчетным данным о продналоговом обложении в 1922—1923 хоз. году). Из всей пахотно-сенокосной площади каждой губернии зажиточно-кулацкие дворы занимают по северной полосе только от 5,2% (Подольская) до 18% (Полтавская), а по южной полосе в несколько раз больше—от 37,5% (Екатеринославская) до 50,1% (Одесская).

---

[1]) Состав районов: Волжско-Камский — Вятская, Вотская, Татарская, Марийская, Чувашская; Юго-Восток—Донская, Кубано-Черноморская, Ставропольская, Терская, Кабардинская, Горская, Крым; Урал — Пермская, Екатеринбургская, Тюменская, Челябинская, Башкирская, Уфимская; центр земледельч. — Рязань, Тула, Тамбов, Орел, Курск, Воронеж; Петроградский—Череповец, Новгород, Псков, Петроград, Карелия; центр промышленный — Москва, Кострома, Иваново-Вознесенск, Брянск, Рыбинск, Ярославль, Тверь, Владимир, Нижний Новгород, Смоленск, Калуга; Западный—Витебск, Гомель, Белоруссия; Северный—Архангельская, Зырянская, Северодвинская, Вологодская; Поволжье—Пенза, Симбирск, Саратов, Самара, Царицын, Астрахань, Немкоммуна.

III.

Материалы по обследованию деревни комиссией ЦК РКП (изданные в апреле 1923 года), не дают чего либо нового тому, кто и раньше следил за фактическим развитием отношений в деревне и понимал значение неплановаго, недостаточно регулировавшегося государством развития НЭП'а. Но эти материалы хороши тем, что они доставляют общественному мнению пролетариата сведения, проверенные и осененные авторитетом такого ответственного учреждения, как специальная, на местах работавшая, комиссия ЦКРКП. Потому, оставляя в стороне другие и более обширные имеющиеся сведения о том же, дополним общую картину дифференциации деревни и удельного веса зажиточно-кулацких верхов теми существенными чертами, какие имеются в «Материалах» комиссии ЦК относительно социально-политических следствий хозяйственной роли кулацких и полукулацких верхов в современной деревне.

Относительно налоговой политики мы уже приводили выдержки и сведения, ясно показывающие необходимость пересмотра ее под классовым углом зрения [1]). В этом отношении последний закон о едином сел.-хоз. налоге (от 10 мая 1923 г.) внес некоторую поправку сравнительно с законом 1922 г., поскольку он осуществляет усиление обложения деревенских верхов (защищавшееся автором этих строк в печати с некоторой настойчивостью — см. нашу книжку «Итоги, пути, выводы новой экономической политики»). Но и закон о сел.-хоз. налоге оставил пока без внимания вопрос о необходимости освобождения деревенской бедноты. На таком освобождении мы теряем очень мало в финансовом отношении и выигрываем очень много в политическом и социальном. Кроме того, имеется полная возможность переложить на зажиточный элемент без разрушения его хозяйства и ту долю налога, какую сейчас обязана платить беднота. Поэтому весь даваемый комиссией ЦК материал о необходимости исправления налоговой практики относитель-

---

[1]) Вот еще выдержка из „Материалов" ком. ЦК — о Смоленской губ.: «Налоги для маломощных тяжелы. Более тяжелы, чем для зажиточных. Налоговый пресс более всего мешает маломощному хозяйству подняться, и, наоборот, относительная слабость налогов у зажиточных содействует им. Уравновесить тяжесть налогов разложить их в большем, чем теперь, соответствии с платежеспособностью хозяйств — основной вопрос для маломощного хозяйства (стр. 95).

но деревенской бедноты заслуживает полнейшего внимания. Вопрос этот должен быть решен до начала сбора нового сел.-хоз. налога, т.-е. до августа [1]).

Весьма интересны также материалы комиссии ЦК по вопросу об аренде. В другом месте («Коллективизация бедняцкого хозяйства») привожу оффициальные сведения Укрнаркомзема о безобразном отношении в первые годы НЭП'а местных земельных органов к интересам об'единений крестьянской бедноты. В этом же роде, судя по материалам комиссии ЦК, оказывается и арендная практика земорганов Великороссии.

По обследованной комиссией типичной волости Тамбовской губ. у крестьян было до революции 1917 г. своей пашни 3.419 дес. и арендованной 2.985 дес., а всего 6.404 дес. пашни. Сверх того в волости было 3.741 дес. такой пашни, которую помещики в аренду не сдавали. В волости имеется более тысячи крестьянских дворов, и можно было бы полагать, что революция принесет им расширение землепользования. Между тем, оказывается в 1923 г., что у крестьян пашни и усадебной и сенокосной площади вместе только 6.565 дес., а если считать одну пашню, так даже меньше, чем было в их пользовании до революции. Остальная, имеющаяся в волости пашня, кроме скромной площади совхозов, оказывается (стр. 70), — «отошла в государственный земельный фонд, сдаваемый в аренду уземуправлением». При чем уземотдел сдает землю или только верхам или иногда союзу верхов и середняков с исключением бедноты. Напр., в деревне Никольской 103 домохозяина арендовали из «госфонда» 375 десятин на 3 года с уплатой по 4 пуда ржи с десятины в год. При этом в деревне имеется 102 домохозяина зажиточных и середняка и несколько десятков бедняцких дворов. И вот — в числе 103 арендаторов поголовно все 102 зажиточных и середняка и только 1 маломощный (стр. 82).

Таких примеров «Материалы» приводят целый ряд с той разницей, что за аренду пашни из госфонда земор-

---

[1]) Интересен живой отклик деревенской бедноты. «Для врагов советской власти,—пишет в „Бедноте" от 12 июня крестьянин Перепухов по поводу наших статей,—разрешение этого вопроса явится сильным ударом. Это мероприятие облегчит и улучшит положение миллионов крестьян—бедняков. Это значит завоевать и укрепить у этих миллионов людей преданность и любовь к советской власти и сделать еще более прочной смычку крестьян бедняков с властью, с коммунистической партией и с рабочими. Слушайте, крестьяне-бедняки. О вас власть думает, чтобы сделать вам облегчение в налоге. Разоблачают нас—и мы должны подтянуться».

ганы берут иногда не по 4, а только по 3 пуда ржи с десятины в год. Значит, сразу достигаются три результата:

1) вместо прирезки земли крестьянам из бывших помещичьих владений, не отошедших под совхозы, земорганы заставляют крестьян арендовать ту же землю, какую они арендовали и до революции при помещиках. Это безобразие комиссия описывает таким эпическим слогом: «арендовали землю до революции преимущественно у помещиков, немного у односельчан, теперь более мощные хозяйства арендуют землю из госфонда и частично у односельчан» (стр. 71). Перемена, как видим, сногсшибательная.

2) У помещиков арендовала землю беднота. Предполагая себя действующим, вероятно, в духе «хозяйственного расчета», земорган упрощает дело таким образом, что арендный фонд достается только верхам и отчасти середнякам. Забота о снабжении бедноты инвентарем выразилась в том, что, по словам комиссии ЦК, «попавший маломощным через комитет бедноты и другими путями помещичий сел.-хоз. инвентарь был отобран (после упразднения комбедов,—Ю. Л.) и сдан в совхозы и теперь лежит там в исправном состоянии почти без использования» (стр 71). Эту операцию легко было провести, ибо в те годы, как известно, — «значительная часть бедноты находилась на фронтах» (стр. 71). А когда вернулась, то, будучи без инвентаря, должна была либо «за пользование лошадью и инвентарем отдавать часть собранного хлеба» на определенно грабительски-кабальных условиях (стр. 93, Смол. губ.), либо предлагать зажиточным свои земли «за продналог» (стр. 74), либо, наконец, передавать зажиточным в аренду для «использования на издельных более выгодных зажиточным условиях» (стр. 71). Таково происхождение упоминаемой выше внутридеревенской аренды у односельчан. Резюмэ комиссии Ц. К.: «господствуют кабала и тяжелые условия отработки (бедными на богатых,—Ю. Л.), за истекший 1922 г. в волости не расторгнуто ни одной кабальной сделки, хотя таковые были» (стр. 74).

3) Наоборот, зажиточная часть деревни расширяла в первые годы НЭП'а свое землепользование на более выгодных условиях, чем при помещиках. Арендная плата при помещиках была в 5 или 6 раз выше, иногда даже больше, чем земорган берет теперь с деревенской верхушки за передачу ей «госфонда», проявляя таким путем, наряду с недостатком заботы о бедноте, избыток усердия перед верхами (за счет государства, увеличения эмиссии

и т. д.). С другой стороны, и по отношению к бедноте,— пишет комиссия,—«зажиточные, пользуясь своим преимущественным положением, берут за работу на своих лошадях для бедноты или обработку ее пашни чрезвычайно высокую плату, а за сдаваемую им в аренду землю, наоборот, платят низкую, и все же площадь засева у бедноты очень мала» (стр. 60, Самарск. губ.). В итоге,—резюмирует комиссия по Тамбовской губ., — «условия эксплоатации труда и аренды земли из госфонда и из совхозов благоприятствует процессу нарастания новой буржуазии. Последняя возникает благодаря дешевизне земли и рабочих рук, т.-е. за счет советского государства и бедноты» (стр. 82).

Таким образом, арендная практика земорганов безусловно нуждается в пересмотре и с точки зрения площади тех «госфондов», какую они удерживают за собой вместо прирезки крестьянам разных «лужков» и пашни, так и с точки зрения оказания преимущества беднякам и бедняцким коллективам и прекращения благотворительного понижения арендной платы за счет государства для деревенских верхов. Со стороны Наркомзема необходимо твердое инструктирование местных земорганов в надлежащем классовом духе и беспощадная чистка от людей, не понявших разницы между новой экономической политикой и пренебрежением к бедноте и превратившихся в игрушку и орудие подымающихся буржуазных элементов деревни. К сожалению, в общей печати деятели Наркомзема, не мало уделяющие внимания улучшенным породам коров и свиней, не уделяли еще достаточно внимания улучшению классовой линии местных земорганов. Надо полагать, обнародованные ЦК РКП материалы его комиссии могли бы послужить поводом обратить внимание на эту сторону дела.

Наряду с тем, что мы знаем о почти «наплевистской», иногда практике первых нэповских лет относительно производственных коллективов крестьянской бедноты, и наряду с приведенным выше относительно налоговой и арендной приктики — материалы комиссии ЦК обращают внимание еще на одну сторону: на снабжение крестьян сел.-хоз. машинами путем продажи их из госсельскладов. «Общее количество машин и инвентаря увеличилось» (стр. 39, Моск. губ.). Но, оказывается, «какими-то путями, в особенности после НЭП'а, машиной овладел зажиточный и середнячок, а бедняк попал в арендаторы этой машины. На каких условиях он арендует машину у зажи-

точного и середняка, нетрудно догадаться» (стр. 39). «При нашей политике продажи за наличные тому, кто желает купить себе машину», — говорит комиссия, — она делается «могущественным орудием закабаления маломощного и даже середняка» (стр. 40). Между тем, комиссия установила «стремления бедноты как нибудь вырваться из кабалы зажиточного и приобрести себе машину», а именно «группы бедняков и середняков, которые соединяются вместе для приобретения машины, напр., сеялки» (стр. 40, Моск. губ.). Вывод комиссии: «надо пойти навстречу только маломощному и середняцкому крестьянству и совершенно пресечь возможность захватывать машину в свои руки зажиточному кулацкому элементу» (стр. 40).

Средства для движения в этом направлении заключаются, конечно, в надлежащем регулировании условий сбыта, во внесении классового принципа и в дело продажи с.-х. машин крестьянам. Подобно тому, как новое жилищное законодательство за ту же самую жилую площадь вводит в несколько раз большую плату с буржуазных элементов, чем с рабочих, а в целом обеспечивает поддержание домов,—так и за одну и ту же машину надо много брать с отдельного покупателя и мало с бедняцкого коллектива, обеспечивая в общем промышленности получение средней цены и предоставляя бедняцким коллективам также кредит, рассрочку и прочие облегчения. В этом отношении также необходимо надлежащее инструктирование Наркомземом госсельскладов, следов которого в общей печати, а судя по «Материалам», и в практике, последнее время не было видно. И в этом отношении надо обдумать и пересмотреть постановку снабжения деревни, с точки зрения не одного сомнительного в данном случае «хозрасчета», а с точки зрения сочетания его с общим необходимым направлением классовой политики в деревне.

Мы не касаемся в данной главе специально политики хлебных цен с точки зрения производственных и классовых интересов пролетарского государства (совпадающих в данном отношении, по нашему мнению). Замечание комиссии в этом отношении совершенно бесспорно: «экономическая зависимость бедноты от зажиточного элемента усугубляется отсутствием подчас хлеба, который она вынуждена занимать у имущих» (стр. 61). Но остановимся несколько на наблюдениях этих «материалов» относительно практики землеустройства в нашей деревне.

«Предоставляемые в настоящее время льготы при расселении есть льготы зажиточным, вернее—сильным хозяйствам», — говорят «Материалы» (стр. 90). В тех же случаях, когда маломощные пробуют перегнуть палку в свою сторону и добиться равенства — наличные условия в деревне оказываются неблагоприятными для них и в этом отношении.

Так, в дер. Рытьково (Смол. губ.) на одного зажиточного приходится почти 3 десятины пахотно-сенокосной площади на душу и на одного маломощного две трети одной десятины, т.-е. почти в 5 раз меньше, и «примеров таких—куча» (стр. 89). И вот,—рассказывает комиссия,—«побуждаемые налоговым прессом маломощные в истекшем 22 году перешли в решительное наступление с целью добиться уравнения. Но уже не те времена. Кое где борьба не закончилась, результат ее выяснится только в настоящем году. А там, где закончилась,—не победой маломощных, а компромиссом с зажиточными» (стр. 89). Между тем, казалось бы, при наличности советской власти в стране, комиссии ЦК не пришлось бы писать меланхолически «не те времена», если бы местные органы Наркомзема твердо инструктировались в классовом духе в своей землеустроительной практике. Для того, чтобы оказать путем землеустроительных работ справедливую поддержку бедняцкому большинству против зажиточного меньшинства — для этого у нас и теперь времена должны быть «те», и это обязан внушить Наркомзем всем своим органам. Но для этого он сам должен ясно сознавать необходимость классовой окраски нашей деревенской линии, всегда отдавая себе отчет, как надо ставить конкретно смычку в том или ином отношении, чтобы она оказывалась водой на мельницу не кулака, а бедняка [1]).

---

[1]) По поводу Московск. губ., находящейся у самого центра, «Материалы» комиссии ЦК говорят о постановке землеустроительных работ земорганами следующее: «До сих пор в Яропольской волости, благодаря нашему попустительству, есть бывшие владельцы купчих земель, которые умеют какими то «неведомыми» путями проходить все инстанции и отсуживать в свою пользу купчую землю, не давая ее в уравнительное распределение.

«В селении Васильевском мы познакомились с таким явлением, когда бывшие собственники купчей земли тянут процесс четыре года в высших инстанциях и каждый год засевают землю, а бедняки и малоземельные только посматривают, да посвистывая говорят: «советская власть, советская власть»... по вине и слабости наших партийных аппаратов на местах и отсутствию суровой карающей руки в центре, которая еще кажется не добралась до земельных комиссий. А сделать это давно пора» (стр. 41—42)—у самых ворот Москвы особенно, добавим мы.

Ибо последнее выгоднее советскому государству как в общих социально-политических интересах, так и в смысле более значительного прироста сельско-хозяйственной продукции теперь же.

Сильные экономические позиции зажиточно-кулацкой верхушки, благоприятствование росту их со стороны стихийных нерегулярных процессов НЭП'а, недостаточная определенность классовой окраски (в пользу бедноты) проводившейся на практике государственными органами в деревне линии — все это ведет и к общественно-политическим последствиям, весьма красочно описанным «Материалами» комиссии ЦК. В 1921 г. автор этих строк в «Правде» утверждал, что свобода торговли должна будет стихийно вести к росту буржуазного влияния в деревне и проторять для него путь и политически, а потому, вводя хозрасчет и методы рынка, необходимо одновременно ярко обозначить и усилить нашу классовую линию. Необходимо понять, что если при «военном коммунизме» недостаток внимания к плановому подходу к жизни приносил преимущественно лишь экономический вред, то при НЭП'е пренебрежение государственным регулированием стихийных процессов сверх того прокладывает еще дорогу к «учредительному собранию». Эти замечания рассматривались в то время некоторыми, как простой полемический выпад против начавшегося тогда процветать «разбазаривания», но опыт двух лет показывает наличность более требующих внимания фактов.

Вот что пишет в своем обследовании комиссия ЦК: «группа зажиточных теперь к советской власти относится более дружественно, чем это было до НЭП'а. Конечно, бесспорно, что все они в душе остаются ярыми противниками существующего строя и при удобном случае не прочь будут свести свои счеты. Однако, эта верхушка сейчас с особым удовлетворением старается всюду перед маломощными резко выразить свое одобрение советскому правительству. При оценке существующего положения крестьянского хозяйства, вот это яркое выражение зажиточными группами внешней симпатии современным законам порождает в умах маломощных колеблющееся настроение и неуверенность в возможности восстановить свои хозяйства. Бедняцкая же группа уже блокируется иногда с зажиточными, как бы выторговав себе с их стороны авансом хозяйственную поддержку. Беднота себе в оправдание перед нами приводит факты, говоря: что же, когда государственная помощь отсутствует, кооперироваться между собой нет средств, единственный

выход, идешь на поклон к Тит Титычу» (стр. 68). Верхушка, держащая в руках торговую смычку с городом, всячески подчеркивает свои благодеяния по части снабжения деревни промышленными изделиями—и разыгрывает целые политические симфонии против нас на этой почве: «ведется агитация среди населения за облегчение налогов на торговцев» (стр. 81). Таким путем «дружественное настроение двух крайних групп устраняет между ними борьбу, и это опасно для партии. Две крайние группы, как бы на время забыв свои классовые противоречия, имеют внешний политический блок» (стр. 68). Комиссия очень метко подмечает, что причиной такого противоестественного «блока» является отсутствие в годы НЭП'а активного вмешательства государства в пользу бедноты—«связь по административной линии с уездгородом поддерживается, но фактически, на деле, она кроме сбора налогов ни в чем не выявляется» (стр. 82). В результате в ряде мест три четверти крестьян «политически пассивны», при чем «половина из них даже не принимает участия при выборе в совет, т.-е. совершенно не ходит на сход, а половина принимает участие в голосовании» (стр. 26, Киевск. губ.).

Перед нами яркая картина того, как предоставленная самой себе деревня подпадает постепенно под политическое руководство зажиточно-кулацкого меньшинства, небольшого по численности, но влиятельного по своей хозяйственной мощи. И, когда временами бедноте становится невтерпеж, тогда, лишенная организующей мощи городского пролетариата, она не находит дороги систематической общественной борьбы, использующей факт господства в стране диктатуры труда. Вместо того, она принуждена прибегать к одной из двух давно известных деревне традиционных отдушин для недовольства. Или она начинает мечтать о повторении когда нибудь аграрной революции, не понимая ненужности этого при изменившихся условиях:

«Классовая борьба в деревне ощущается довольно остро, — пишет комиссия непосредственно перед замечаниями о политической пассивности, — «безлошадные вынуждены сдавать свою землю в аренду на испол, за отработки, враждебно косятся на середняков и не скрывают свои мечты еще раз отобрать излишки и даже устроить черный передел» (стр. 25, Киевск. губ.).

Или же начинаются, так называемые, «свои средствия», т.-е., как деликатно выражается комиссия,— классовая борьба далеко выходит за границы словесных

битв. Угрозы, всевозможное экономическое воздействие, использование местных властей, схватки в колья, единичные случаи убийств, сознательной порчи посевов и т. п. (стр. 94, Смол. губ.). Это, разумеется, лучше политической пассивности и реальнее разговоров о «черном переделе». Но все же показывает полную неизвестность деревенской бедноте того обстоятельства, что существующая в стране власть пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством может сыграть весьма полезную и решающую роль во взаимоотношениях бедноты с противостоящей деревенской верхушкой.

Сделать это обстоятельство бедноте широко известным, понятным и очевидным всей совокупностью наших практических мероприятий в деревне и каждым из них в отдельности — вот задача. Вот та смычка, — политическая и производственная смычка беднацкого большинства деревни с городскими рабочими, — какая ставится на очередь дня всем внутренним и международным положением Советского Союза.

«Нужно использовать оживление классовой борьбы, связать маломощных с местной властью, втянуть их в политическую и культурную работу и направить их силы на под'ем земледельческого хозяйства» (стр. 94, Смол. г.) — такой вполне правильный вывод делают «Материалы» комиссии ЦК, открыто подчеркнувшей во введении как «частичную потерю ряда наших позиций в деревне», так и то обстоятельство, что мы имеем здесь дело не с каким либо случайным подбором отдельных фактов: «по данным всего обследования, обнаружились общие для самых разнообразных районов процессы, протекающие в зависимости от местных условий с разной интенсивностью, но в том же направлении» (стр. IV).

При показанном в первых главах (на основании массовых общерусских данных) серьезном и значительном классовом расслоении российского крестьянства — наличность таких иллюстраций, как наблюдения комиссии ЦК в разных губерниях, сама по себе неудивительна. Удивительно тут другое — удивительно в изданных комиссией «Материалах» отсутствие хотя бы одного противопоказания. Это лучше всего показывает, насколько необходимо подвергнуть критической классовой переоценке деревенскую практику «первого периода» НЭП'а и определенно на практике проводить излагаемую нами линию «смычки».

Хлеб, цена и посев.

Широко известное падение хлебных цен с осени прошлого 1922 года вызвало не менее широко распространенные ожидания уменьшения площади крестьянских посевов. Этими печальными предсказаниями полна была наша текущая пресса, начиная уже с декабря. Просматривая статьи всего этого периода нахожу только двух авторов, оспаривавших такие предсказания, как проявление экономического незнания и непонимания,— это заведующий ЦСУ т. П. И. Попов и Ю. Ларин. За этими ничтожными из'ятиями общественная мысль, насколько она отражается в печати, не задумываясь ставила знак равенства между падением хлебных цен и падением сельского хозяйства.

Теперь посевы уже произведены и оказываются увеличившимися весьма значительно. Жизнь решила спор с непреложной очевидностью, и теперь остается только исполнить старый совет Вл. Ильича—«учиться, учиться и еще раз учиться». Учиться понимать и знать процессы современной экономической действительности в их действительном бытии, а не в упрощенно-аляповатом, «из ума своего», изображении. Только тогда сможем мы намечать свою практическую линию без перегибания палки, не впадая в паническую истерику без достаточных оснований для того и не позволяя на место общих интересов развития производительных сил страны вообще и сельского хозяйства в частности подсовывать нам интересы небольших специфически заинтересованных буржуазных групп.

Чудес не бывает. Где же жизненные корни того, что вопреки падению хлебных цен посевы увеличились? Прежде всего надо заметить, что мы имеем здесь дело не с ничтожными колебаниями, а действительно с круп-

ными изменениями, которые не могли бы остаться без крупного же отрицательного влияния, если бы вообще способны были такое влияние оказать.

Средняя цена по СССР за пуд зерновых хлебов (включая хлебофураж) в товарных копейках по индексу Госплана (т.-е. довоенных золотых коп.) франко-вагон (т.-е. с доставкой из деревни к станции жел. дорог):

Сентябрь 1922 г.	74 коп.
Октябрь 1922 г.	66 „
Ноябрь 1922 г.	64 „
Декабрь 1922 г.	53 „
Январь 1923 г.	51 „
Февраль 1923 г.	44 „

Таким образом уже к началу весеннего сева цена понизилась почти на 40% сравнительно с осенней ценой (таблица взята из кон'юнкт. обзора органа НКФ и ВСНХ «Соц. Хоз.» за май 1923 г., стр. 223). Цены на хлеб продолжали падать и в течение всего периода посева вплоть до июня и от довоенной цены по всероссийскому товарному индексу Госплана по Европ. России составляли:

На 1 февраля	73%
„ 1 марта	72%
„ 1 апреля	67%
„ 1 мая	60%
„ 1 июня	59%

Иначе сказать, как только определился хороший урожай 1922 г.,—цены на хлеб стали падать, и падение их замедляется только в самое последнее время (в июне даже немного растут), когда запасы начинают подходить к концу. Но приближение и сбор нового урожая, можно думать, как это обычно бывает, остановят наметившийся было в июне, впрочем, очень небольшой рост.

Хлебные цены упали на 40%, а площадь посева, по подсчету управления сел.-хоз. экономии и плановых работ Наркомзема («Соц. Хоз.», стр. 170—173), возросла на 20,4%. Такого крупного увеличения за один год давно уже не видела Россия. При том озимый клин возрастает на 17,7%, а яровой даже еще больше—на 22,2%, почти на целую четверть. Нет ни одного района России, где не было бы этого увеличения. По вычислению Наркомзема

(там же, стр. 172), имеем такие итоги роста площади посевов:

	Озимые.	Яровые.
Нечерноземная полоса Евр. России (с Белор). .	21.4%	13.4%
Черноземная полоса Евр. Ростии (с Украиной).	11.9%	23.8%
Северный Кавказ	51.4%	25%
Сибирь и Киргизия	54%	25%

Перед нами форменное возрождение земледелия как раз в годину особенно низких хлебных цен. Для того, чтобы понять возможность и внутреннюю закономерность этого процесса, обратимся прежде всего к вопросу о роли производства хлеба в крестьянском хозяйстве вообще. По незнакомству с деревней и со строением крестьянского хозяйства у нас широко распространен предрассудок, будто именно производство хлеба является решительно преобладающим, дающим подавляющее большинство крестьянской продукции вообще. Ничего подобного не было до войны, ничего подобного нет и теперь. Первое, что надо запомнить,—это то, что валовая продукция полеводства вовсе не покрывает собой всю продукцию крестьянского хозяйства, а валовая продукция хлеба в свою очередь далеко не покрывает собой продукции полеводства. Хлеб—лишь одна из составных частей крестьянского хозяйства, при том часть далеко не преобладающая.

Изучение валовой продукции крестьянского хозяйства в довоенное время прочно обосновано на земских обследованиях. Сводка их по потребляющей и производящей полосам Евр. России имеется в работе проф. Литошенко «Бюджет крестьянского хозяйства» («Союз Потреб.», № 6 и сл. за 1923 г.). Данные эти относятся к последним годам перед войной и к первым годам войны. Затем для 1921—1922 хоз. года имеется статистическое обследование крестьянских хозяйств разных губерний (на площади с 45 милл. чел .населения), выполненное силами ЦСУ под руководством того же проф. Литошенко. Далее для 1922—1923 года имеется подсчет Наркомзема по всей советской территории кроме Закавказья, Туркестана и Дальнего Востока (опубликован в № 3 «Соц. Хоз.», стр. 170). Наконец для предстоящего 1923—1924 хоз. года НКЗем предположительно вычислил продукцию, имея в виду размер посевов и предполагая средний урожай. Но в подсчет НКЗема не вошли крестьянские промыслы (работы по заготовке дров и т. д.), и по-

тому он обнимает не всю крестьянскую продукцию, а только около 95%, т.-е, все же почти всю. В интересах сравнения распределения продукции по разным отраслям (полеводство, луговодство, огородничество и т. д.) с довоенным временем, оно оценено всюду в довоенных ценах (но для последних лет НКЗ-подсчитал и в современных ценах, что приводим ниже). В процентах к общей сумме крестьянской продукции на каждую отрасль крестьянского хозяйства приходится:

	До войны.	В 1921—22 г.	В 1922—23 г.	В 1923—24 г.
Полеводство	62.3%	61.6%	53.4%	53.8%
Животноводство	15.7%	21.2%	29%	28.6%
Луговодство	3.8%	4.6%	3.2%	3.3%
Птицеводство и пчелов. .	0.9%	2.5%	5.3%	5.9%
Огородничество	0.6%	5.9%	4.9%	4.3%
Промыслы и прочее (сад, лес)	16.6%	4.2%	(4.2%)?	(4.2%)?
Итого	100%	100%	100%	100%

Таким образом уже до войны доля полеводства в общей продукции крестьянского хозяйства составляла лишь около 60%, а теперь стала даже еще несколько меньше (около 54%)—выросло относительное значение огородничества и животноводства [1]). В частности, что касается животноводства, то особенно увеличилась доля молочных продуктов (в потребляющей полосе с 10,4% до войны—15,3% в 1922 г., а в производящей полосе с 6,6% до 14,3% общей продукции).

При этом надо иметь в виду, что указанных размеров доля полеводства достигает лишь в производящей полосе Евр. России, а в потребляющей опускается до 44.8%. Но решающее значение имеет, конечно, производящая полоса, включающая в себя всю Украину, Дон, Поволжье, земледельческий центр Великороссии, Южный Урал, Северный Кавказ и земледельческие части Западной Сибири и Киргизии. Далеко, однако, не все поле-

[1]) Продукция птицеводства быть может несколько переоценивается Наркомземом, хотя т. Ревякин сообщает в „Соц. Хоз." (стр. 170), что в основу положены данные о птицеводстве по всероссийской переписи 1920 г.

водство покрывается продукцией зерновых хлебов. По подробно разработанным ЦСУ данным довоенных обследований и за 1921—1922 г. (см. указ. ст. проф. Литошенко), получаем следующие результаты, тем более ценные, что они являются не продуктом отвлеченных вычислений, а итогами подсчетов фактических крестьянских бюджетов:

	Зерновые хлеба.	Картофель.	Лен и масл. пр.	Остальн.	Все полевод-ство.
Потребляющая полоса:					
а) до войны	18.8%	3.9%	14.0%	5.6%	42:3%
б) в 1921—22 г. . .	22.3%	13.3%	2.7%	6.5%	44.3%
Производящая пол.:					
а) до войны . . .	41.8%	4.8%	3.7%	12.0%	62.3%
б) в 1921—22 г. .	34.1%	13.2%	3.2%	11.9%	61.6%

Таким образом уже до войны производство всех зерновых хлебов вместе (принимая во внимание соотношение между площадью посевов потребляющего и производящего районов) составляло лишь около 35% всей крестьянской продукции, а в настоящее время составляет только около 30%, т.-е. менее трети. Таков первый факт, какой необходимо иметь в виду при суждении о возможных влияниях низких хлебных цен на крестьянское сельское хозяйство.

Но этого мало. Если производство хлеба в общей крестьянской продукции достигает лишь 30%, то доля отчуждемого на сторону хлеба особенно невелика. Она и не может быть велика в настоящее время в русском сельском хозяйстве по трем причинам.

До сих пор у нас постоянно говорят и вспоминают о довоенном крупном вывозе за границу хлеба (доходившем до 700 милл. пуд.) и о крупном сверх того поступлении его на внутренний рынок,—вместе с экспортом в общем около 1.500 милл. пуд. в год в среднем за пятилетие 1909—1913 г.г., или около 30% всего среднего производства зерновых хлебов в то время (Огановский «Сельск. хоз.», стр. 212),—забывая лишь о малости: об изменившемся типе земледельческого хозяйства в России. Именно хлеб за границу и на внутренний рынок до войны поступал, во-первых, из помещичьего и, во-вторых, из кулацкого крестьянского хозяйства, а на долю продаж «середняков» уже тогда приходилась самая ничтожная

величина. Перед войной наши исследователи определили долю помещичьего хлеба на рынке для периода 1900—1905 г. около 50% (проф. Лященко) и для последующего десятилетия около 35% (проф. Огановский). Остальные две трети, продававшиеся крестьянами,—«отчуждались не всей крестьянской массой, а преимущественно более зажиточными, многопосевными и многоскотными ее группами» (Огановский, стр. 232). Этот факт установлен всей статистикой довоенного времени совершенно твердо и неоспоримо.

Следовательно, если бы общее производство хлеба у нас в точности равнялось довоенному и если бы доля его в общей продукции крестьянского хозяйства даже не понизилась—и то на рынок не могло бы теперь поступать даже в отдаленной степени такое количество хлеба, как до войны. Ибо у нас уничтожено помещичье и значительно уменьшено кулацкое хозяйство в деревне. Кто думает, что продажа хлеба может играть у нас довоенную роль в крестьянском хозяйстве (в том числе экспорт за границу),—тот забывает об этом основном факте или не понимает его значения.

Крестьянское хозяйство в области производства хлеба делилось уже до войны на два типа:

а) потребительское хозяйство, не имеющее хлебных избытков для продажи,—сюда относилась вся беднота и большая часть середняков;

б) кулацко-зажиточное меньшинство, около 20% дворов, продававших на рынке за пределы деревни (в том числе для вывоза за границу) около одного миллиарда пудов (да до полумиллиарда продавали помещики).

Из этого не следует, что потребительское в отношении хлеба большинство крестьянских хозяйств вообще не имело дела с рынком. Нет, оно и продавало и покупало, но только продавало не хлеб, а свинью, овощи, масло и т. д. до своей рабочей силы включительно. После революции бывшие помещичьи и отчасти бывшие кулацкие земли пошли на то, чтобы увеличить количество потребительских крестьянских хозяйств (раздел земли между прежними беспосевными) и на улучшение их положения (увеличение площади их землепользования в таких размерах, что они от этого не только не превратились в кулаков, но не попали обычно и в середняки — больше земли не было: см. подробней главу «Дифференциация крестьянства»). Поэтому даже при той же величине производства хлеба в России вообще—отчуждаемая из сельского хозяйства на сторону его часть должна была бы

быть теперь гораздо меньше, чем до войны, не только абсолютно, но и относительно. Вместо того, чтоб покупать помещичий или кулацкий хлеб, многие теперь, кстати сказать,—едят хлеб собственного производства, и забывать этого никак не приходится.

Развитие производства в дальнейшем в России, поскольку оно будет необходимо, мыслимо поэтому только двумя путями: 1) либо итти дорогой восстановления кулацкого крупно-крестьянского хозяйства с фактическим постепенным развитием его в помещичье (нанимающее много рабочих), хотя бы и без открытого вывешивания такой вывески; 2) либо итти путем государственного содействия поднятию производства в преобладающем ныне потребительско-бедняцком хозяйстве (коллективизация его при помощи кредита для технического улучшения и для более полного использования отведенной ему в настоящее время площади).

Но самая необходимость развития хлебного производства в России не должна пониматься, как развитие производства хлебов для продажи зерна. Проявлением низкого уровня и отсталости русского сельского хозяйства до войны был ярко выраженный зерновой характер его сбыта (если взять сбывавшую хлеб часть, т.-е., преимущественно помещиков и кулаков). По мере повышения экономического и культурного уровня зерно все больше становится сырым материалом крестьянского хозяйства. Таким сырым материалом, который во все большей мере не сбывается на сторону, а употребляется на переработку в более ценные продукты: свиное мясо, коровье масло, куриные яйца и т. д. и т. п. В этом направлении пролегает столбовая дорога развития русского земледелия. Было бы весьма неумно, если бы мы вместо этого поставили себе целью, как делало царское правительство, стремиться вытолкнуть зерно из хозяйства на рынок непременно в виде зерна.

Развитие крестьянского хозяйства в этом отношении начало становиться на правильный путь в силу самого об'ективного положения вещей. Отсутствие в последние годы требования д е н е ж н ы х налогов освободило крестьян от обязательной быстрой массовой выброски зерна на рынок с потерей тем самым возможности обратить это зерно на переработку в своем хозяйстве. Выше приведены итоги оффициальных обследований крестьянского хозяйства, показывающих, что за последнее десятилетие (1913—1923 г.), в крестьянском хозяйстве увеличилось как раз относительное значение животновод-

ства, птицеводства, огородничества—за счет сокращения в общей продукции той доли, какая приходится специально на зерновое хозяйство. Эта линия правильна не только в смысле внутреннего развития хозяйства, но и по отношению к перспективам экспорта: целесообразнее и выгоднее вывозить дорогие масло, мясо, яйца и проч., чем дешевый хлеб. Это тот же вопрос, который стоит в лесной промышленности: вывозить сырые срубленные бревна или превращать их сначала в распиленные доски, клепку, фанеру и пр. Только решение его в сельском хозяйстве много проще, легче и дешевле.

Понижение хлебных цен подтолкнуло крестьянина в сторону того развития своего хозяйства, которое необходимо стране в целом: настоящий год дал особенно крупное увеличение льноводства, хлопководства (втрое), свекловичных плантаций и т. п. культур, в которых государство и промышленность испытывали особую нужду. Понижение хлебных цен ясно показало крестьянину на действительное состояние запросов рынка, и хотя мелкого крестьянина, не продающего или почти не продающего хлеб, и не ударило сколько нибудь сильно, но уяснило ему общую ориентировку рынка (особенно на примере кряхтящего от понижения хлебных цен крупного соседа). Наслышавшись в городе речей и начитавшись статей о вероятном разрушительном действии низких хлебных цен на крестьянское хозяйство,—наблюдатель разводит руками, попав на деревню, и пишет в отчете комиссии ЦКРКП: «Причина развития свиноводства заключается.... как это ни странным покажется, в низких ценах на продукты сельского хозяйства—в дешевой картошке. Погнали крестьяне дешевый продукт сельского хозяйства через живую фабрику—свинью и получили высокие цены на продукты сельского хозяйства» (стр. 37—38 «Материалов обслед. деревни»). Там же сообщается: «свиней разводит главным образом маломощная группа, крестьяне говорили нам—без такого благородного животного, как свинья, никак нам не удержать своего хозяйства от разорения... Свинья—копилка крестьянина» (стр. 37). Прибавлю, что даже в форме производства самогонки происходит процесс переработки дешевого зерна в плохую, но дорогую водку. В этом, равно как в употреблении отбросов на прокорм скота (тоже превращение дешевого сырья в дорогой продукт), и заключаются прежде всего экономические корни развития самогоночного производства. Радикальным средством против него может явиться поэтому только

либо поднятие заработков городского населения (усиливающее спрос рабочих на мясо, молоко и прочие продукты производственной переработки зерна в сельском хозяйстве),—либо развитие государством более широкого технического и экспортного применения спирта для поглощения таким образом соответственной части зерна и картофеля. Первый путь является при нынешних условиях более вероятным—вообще увеличение заработка городских рабочих имеет совершенно исключительное положительное значение для развития крестьянского хозяйства, ибо создает и расширяет рынок как раз для продуктов, подымающих крестьянскую экономику на высшую ступень.

Таким образом одно уже исчезновение помещичьих и сокращение кулацких хозяйств делает невозможной прежнюю роль хлеба в общей сумме продаваемых крестьянством продуктов, и нет надобности стремиться, чтобы она была непременно прежней—и для крестьян и для страны выгоднее и необходимее радвитие культуры технического сырья для промышленности, превращение зерна в свинью или корову и т. д.

Но в этом же направлении действует и другая причина—существование натурального налога, взимаемого с крестьян хлебом. Для предстоящего 1923—1924 хоз. года налог этот законом о едином сельхозналоге от 10 мая сохранен почти только для производящей полосы, но это как раз и есть полоса хлебных избытков. На эту часть Советского Союза (считая Украину и пр.), в ржаных единицах приходится около 400 милл. пуд. Сверх того, по газетным сообщениям деятелей НКФ, в губерниях, где установлено денежное взимание налога, может быть до 30% взято натурой в интересах облегчения крестьянству уплаты налога. По тем же сообщениям, всего разверстано около 400 милл. пуд., следовательно 30% от «денежных губерний», дадут еще до 100 милл. пуд. В общем размер натурналога на предстоящий хоз. год, особенно если принять во внимание волостные сборы (предусмотренные примечанием к § 1 закона о сельхозналоге), составит не менее 500 милл. пуд. (столько же примерно собрано натурой и в оканчивающемся 1922—1923 хоз. году, считая продналог, помольный сбор и так называемые «самочинные сборы» на волостные и иные местные нужды). Мы видели, что перед войной вся продажа зернового хлеба из деревни в город и за границу составляла в среднем около полутора миллиардов пудов в год. Если теперь помещичье хозяйство исчезло, кулац-

кое зажиточное сократилось, по крайней мере, вдвое, и до полумиллиарда берется натурналогом,—то совершенно ясно, что роль хлеба во всей сумме крестьянских продаж должна быть совершенно второстепенной. В этом и заключается секрет сильного роста посевов при одновременном и предшествовавшем сильном падении хлебных цен. Размер посевов современной деревни определяется в общем вовсе не уровнем хлебных цен—вот весь и секрет. Совершенно неправильны и вздорны поэтому постоянно практикующиеся у нас сопоставления цены промышленных изделий, напр., сел.-хоз. орудий, с ценой хлеба. В общем и целом (с оговоркой относительно одной группы, о которой ниже), крестьянство приобретает средства для покупки промышленных изделий от продажи чего угодно, но не хлеба. Поэтому и цены промышленных изделий надо сравнивать не с ценой хлеба, а с ценами на лен, масло, хлопок, свеклу, шерсть, птицу, кожи и т. д. и т. п. И тогда получаются совсем другие соотношения вместо появляющихся у нас постоянно на страницах газет для пуганья экономических младенцев фантастических величин. Если бы эти величины соответствовали действительному положению вещей, мы давно имели бы такие события, какие, конечно, не наступили, раз все это для непродающей хлеба основной массы крестьянства остается только невинными статистическими фокусами, заполняющими газеты по экономической наивности и неискушенности наших товарищей и по естественным тенденциям не принадлежащих к их числу идеологических представителей крупно-крестьянского кулачества. К разряду этих идеологических представителей относится теперь почти вся некоммунистическая интеллигенция, видящая в подымающемся кулаке оплот развития и спасения буржуазных отношений вообще и мобилизующая ему на помощь и защиту все свои ученые и всякие иные средства, силы, связи и влияния.

Вот маленькая иллюстрация. По оптовому всероссийскому индексу Госплана на 1 июня 1923 г., цена хлеба 59% довоенной, а цена текстильных фабрикатов 249% довоенной. Вот готовый материал для напускания тумана, вольного или невольного,—как же, разница чуть не в 5 раз! Между тем, основная подавляющая масса крестьянства как раз не продает хлеба и покупает отнюдь не одни текстильные фабрикаты, а также соль, металл,

сел.-хоз. орудия, посуду и т. д., и т. д. А продает крестьянин главным образом продукты животноводства, технические растения (текстильное сырье) и т. д. По тому же оптовому индексу Госплана на 1 июня 1923 г., от довоенной цена составляла:

текстильного сырья	166%
всех промышленных товаров	154%

Разумеется, сопоставлять только с ценами на лен, коноплю и т. д. было бы тоже неправильно. Но если взять все элементы (составные части) денежного дохода крестьянина (продажа хлеба, продажа картофеля, промысловый заработок, продажа льна и т. д.), если каждый из них оценить в том проценте, какой указывает индекс (59% зерно, 81% животные продукты, 166% текстильное сырье и т. д.) и взять приходящуюся на каждый из них долю—то в сумме в среднем получим, что крестьянин получает за продаваемую часть с своей продукции около 93% довоенной цены, т.-е. почти полную довоенную цену. Все промтовары, как указано, достигают в среднем лишь 154% довоенной цены, т.-е. примерно лишь на половину больше, что во много раз меньше той разницы в пять или шесть раз, какая обычно фигурирует в наших газетах.

Есть, однако, одна группа крестьян, небольшая по численности, но влиятельная по деловым и духовным своим связям с городской буржуазией и с буржуазной интеллигенцией, группа, дальнейшему росту которой низкие хлебные цены действительно кладут преграду, действительно составляют досадное препятствие. Это—кулачество, крупнокрестьянские враги бедноты селений и городов. Кулачество действительно имеет крупные избытки хлеба. В Курской губ., напр., в 1922—1923 г. у сеющих свыше 8 десятин приходится на 282 пуда зерна на душу («Прод. и Рев.» № 2 за 1923 г.). У них остается много на продажу и после уплаты продналога и сверх собственного потребления. Но на такую кулацкую группу по всей РСФСР в 1922—1923 хоз. году приходится только 2.4% всех крестьянских дворов, менее одной сороковой части. Вот по этой группе кулаков низкие хлебные цены ударяют, действительно, чувствительно. Она помогает себе, между прочим, весьма замечательным путем. Так как именно эта группа одновременно держит в своих руках снабжение деревни промышленными продуктами, именно ей принадлежат деревенские лавки,—то она необычайно подымает розничную

цену закупаемых ею в городе для перепродажи промышленных изделий. Никогда еще разница между оптовыми и розничными промышленными ценами не была так велика, как теперь (см. нашу книжку «Итоги нов. эк. пол.», стр. 69—70). Деревенский кулак (из всех деревенских дворов нанимают наемных рабочих 2%, главным образом, из этой группы), он же деревенский паук-ростовщик и лавочник,—подымая в городе крик о несоответствии промышленных цен с хлебными, у себя в деревне так взвинчивает в свою пользу розничные цены на промышленные изделия для обирательства своих односельчан, как не снится и в самые лунные ночи самому хозрасчетному тресту.

Уже следующий деревенский слой—зажиточные, обнимающие 5,5% дворов,—довольно слабо заинтересованы в хлебных ценах при наличии натурналога. Ибо у них имеется в среднем менее 90 пудов на душу. («Прод. и Рев.», там же, см. подробней статью «Дифференциация крестьянства»), и за вычетом расхода на посев и корм скоту, на собственное потребление и уплату натурналога—для продажи остается количество, дающее сравнительно весьма небольшую часть всего их денежного дохода (остальная часть денежного дохода получается от продажи льна, конопли, продуктов животноводства, свеклы и т. д.). Но один первый слой, кулаческий (2.4% дворов), сосредоточивает в своих руках до 15% всей хлебной продукции, именно он может продавать несколько десятков милл. пуд. зерна сверх сдачи налога, именно он связывается деловыми нитями с городскими закупочными организациями, именно он выступает вперед и в деле размещения в деревне займа и в использовании хозяйственной кооперации и т. д. Крайне поучителен отчет «Крымского общества с.-х. кредита» (единственного, существующего уже год,—см. «Эк. Жизнь» от 14 июня, ст. «Первый опыт»). В то время, как подавляющее большинство крестьянских хозяйств имеет менее 2 десятин посева на двор,—отчет сообщает, что из отпущенных за этот год ссуд на нужды полевого хозяйства и хлебопашества «на хозяйства до 2 десятин посева приходится всего 10% количества ссуд (одна десятая), а по сумме их еще меньше». Иначе сказать, как деликатно сказано в «Эк. Ж.», это первое советское общество с.-х. кредита («в известной мере явившееся прототипом учреждаемых ныне районных обществ с.-х. кредита», как там сообщается)—стремилось кредитовать главным образом хозяйства «имеющие некоторую хозяйственную мощность».

Вот это отрицательное явление (методы борьбы с которым указаны в ст. «Коллектив. бедняцкого хозяйства»), когда даже в советском кредитном с.-х. обществе на малоимущее большинство приходится меньше десятой части всего выданного кредита,—это дает возможность иллюстрировать, насколько упорно пробираются верхние слои деревни ко всяким благам, насколько умеют они отстаивать свои интересы—и в том числе организовывать и производить общественное давление в вопросе о хлебных ценах.

Между тем, если, даже не сбрасывая со счетов этой верхней кулацкой группы, определить, какую роль в общем среднем крестьянском бюджете играет продажа хлеба за деньги или путем товарообмена, то даже и тогда получается величина более скромная. Центр. Стат. Управл. опубликовало произведенное им обследование крестьянских бюджетов за 1921 г. по 7 урожайным производящим губерниям (Тульская, Орловская, Курская, Рязанская, Пензенская, Уфимская). Из всего бюджета крестьянских хозяйств приходится на поступления от продаж и товарообмена:

	Средняя площадь посева.	Голов скота в перев. на крупный.	Душ в хоз.	Весь бюджет.	Процент от рынка.
До 2 десятин посева	1.4 дес.	2.3 гол.	4.9 ч.	328 р.	13.7%
От 2 до 4 дес. посева	3 „	3 „	5.9 „	366 „	13.3%
Все хоз. (включая имеющих свыше 4 дес. пос.)	5.5 „	4 „	7.5 „	481 „	15%

Первые две группы (до 4 дес.) обнимают по РСФСР в среднем около 90% крестьянских дворов. Присоединение к ним высшей группы подымает несколько средние величины для всех хозяйств, взятых вместе (последняя строка), но не особенно значительно. Вся же основная масса крестьянства из всей продукции только около 14% отчуждает на рынок (за деньги или в обмен). Обследование ЦСУ за 1921—1922 г., упоминавшееся выше, показывает долю в валовой продукции каждой отдельной составной части ее в крестьянском хозяйстве. С другой стороны, обследование ЦСУ дает возможность сравнить с этим состав всей суммы продаж крестьянского хозяйства по ее составным частям. Получаем такой результат:

	Из валовой продукции.	Из суммы продаж и обмена.
Зерновые хлеба	34.1%	16.3%
Картофель	13.2%	16.0%
Масличные и проч. техн. растения	14.3%	9.2%
Огороды, пчелы и сады .	8.5%	20.6%
Луговодство	4.6%	0.8%
Животноводство	21.2%	36%
Птицеводство	1.7%	2%
Промыслы	2.4%	—
	100%	100%

Эта таблица с чрезвычайной яркостью отражает нынешний средний тип крестьянского хозяйства. Мы находим здесь все характерные черты уже не середняцко-зернового, но «карликового» строения, соединяющего потребительски-зерновой характер с относительным развитием в качестве рыночных более ценных производств, требующих большого приложения труда. Животноводство и огородничество являются основными рыночными культурами. Луговодство отдает свои продукты почти целиком собственному хозяйству—на рынок они поступают, пройдя через животное, уже в виде молока и т. п. Картофель широко идет на сторону—естественная вещь при уменьшении доходов городского рабочего сравнительно с довоенным временем, что повлекло за собой частичное вытеснение в его питании более дорогой пищи картошкой. Технические растения (лен, конопля, махорка и др.) в заметной мере оставляются для переработки в собственном хозяйстве. Доля зернового хлеба в сумме продаж еще вдвое ниже, чем в сумме продукции, и составляет всего одну шестую.

Выше мы видели, что все продажи в среднем (включая товарообмен) покрывают лишь 15% бюджета, если брать при том только производящие урожайные губернии (в потребляющей полосе товарность крестьянского хозяйства, по обследованию ЦСУ, была значительно ниже, не говоря уже о голодавших губерниях). Для 1922—1923 хоз. года, если взять весь СССР (с потребляющей полосой),—Наркомзем определяет рыночность крестьянского хозяйства, т.-е. поступившую на внедеревенский рынок (помимо натурналога) часть его продукции, даже менее этой величины, а в предстоящем 1923—1924 г., в связи с ростом посевной площади, считает возможным повысить эту величину до 20% («Соц. Хоз.» № 3, стр. 173), что,

может быть, является даже некоторым преувеличением, если брать всю Россию в целом. Из всего увеличения на зерновые хлеба, по подсчету НКЗ, придется менее половины. Так как в предыдущих 15% хлеб участвовал в размере одной шестой, то даже в предстоящем хоз. году—при расчетах НКЗ, которые следует считать довольно оптимистическими, — рыночное поступление хлеба не составит более 5% всей крестьянской продукции, считая по довоенным ценам.

Но цены на хлеб упали. Если в предстоящем хоз. году сохранится наиболее низкий их уровень, какого они только достигли в текущем году (59%), то это равносильно потере двух пятых, т.-е. 2% от всей крестьянской продукции (за 5% по количеству деревня получит 3% по современной цене). К этому и сведется вся «катастрофическая» потеря сельского хозяйства от «неслыханно» низких хлебных цен.

Легко видеть, что эта потеря совершенно уравновешивается выигрышем на продаже одних только технических растений (в основном—текстильного сырья). В самом деле, хлеб составил около 16% всей суммы продаж, считая по довоенным ценам, но так как его индекс цен около 60% довоенной цены, то потеря составляет две пятых от 16%, т.-е. 6,4% всей суммы. С другой стороны, технические растения давали свыше 9% суммы продаж по довоенным ценам, а индекс текстильного сырья 166% довоенной цены. Значит на этом выигрывается две трети, т.-е. те же примерно 6%, какие теряются на хлебе.

Но если бы даже этого и не было—все равно потеря на низких хлебных ценах двух процентов продукции не могла бы остановить роста посевной площади. Ибо теряют ведь на низких ценах только немногочисленные верхушечные элементы, а расширяет посевы вся основная масса крестьянства. Низкие хлебные цены способствуют преодолению слишком односторонне-зернового направления хозяйства, низкие хлебные цены подрезают у кулаков охоту расширять хлебные посевы, но они вовсе не делают невозможным расширения сельского хозяйства и не делают сельско-хозяйственного промысла менее выгодным для основной массы крестьянства.

Поскольку государство взимает налог с крестьян натурой зерном—крестьянин производящих губерний будет поддерживать посевы хлебов в размере, достаточном для нужд собственного хозяйства и для уплаты налога, чтобы таким образом иметь возможность целиком обращать в свою пользу свою денежную выручку от продажи ры-

ночных продуктов своего хозяйства (технических растений, мяса и пр.). Для среднего и мелкого крестьянина гораздо выгоднее, чтобы государство брало с него налог натурой—зерном, чем чтобы оно требовало деньги. Если бы требование денежных налогов повело к массовому выбрасыванию зерна на рынок (вместо обращения его на прокорм дополнительного количества скота, птицы и т. д.), то это было бы ударом не только для развития производительных сил страны, но и для самих крестьян, особенно мелких и средних. Ибо мелкий и средний крестьянин принужден в таких случаях продавать свое зерно сравнительно за бесценок своему крупному хозяину-односельчанину (кулаку), который затем уже перепродает дальше. Чтобы не допускать этого, государство должно определять натурную часть налога в размере, обеспечивающем потребление городов и дающем возможность экспорта избыточной части, как это у нас приблизительно и делается. Рыночные цены на хлеб при таких условиях будут заботиться о том, чтобы крестьянское хозяйство получало правильное направление, ограничивая производство хлеба ради хлеба разумными пределами и развивая производство хлеба для прокорма скота и птицы и производство иных необходимых промышленности и стране вообще и потому хорошо поставленных на рынке крестьянских продуктов.

Глубоко ошибочно было бы думать, что сохранение натуральной части сельхозналога не только на 1923—1924 хоз. год, а в качестве длительного установления, было бы ударом по развитию рыночного и денежного характера крестьянского хозяйства. После всего приведенного ясно, что оно было бы равносильно только укреплению и без того проявляющегося уже здорового устремления русского земледелия к развитию незерновой продукции, где и лежит область дальнейшего роста денежно-рыночной реализации крестьянской продукции.

Ясно также, почему резкое падение цен на хлеб за последний год не помешало росту посевов и не помешает ему и впредь. Потому, что здесь действуют и проявляются гораздо более могущественные интересы, чем страх потери 2% на отчуждаемой хлебной продукции. Здесь действуют интересы самосохранения сельского населения и роста потребления как личного (у бедноты еще недостаточного), так и для переработки в более ценные рыночные продукты—этого достаточно. Небольшой проигрыш на хлебных ценах в общем покрывается совокупностью других выгод (поскольку сохраняется натурналог зер-

ном), а в частности падает на ничтожный численно кулаческий слой, затрудняя ему дальше раскидывать свои сети и закабалять себе остальную деревню. К сожалению, можно думать, что кулачество сумеет приспособиться и к низким хлебным ценам, также перейдя в большей против нынешнего мере к нехлебным культурам, хотя для него такой переход сложнее и труднее. Бедняку же, которому обычно не хватает хлеба, низкие цены на него подчас даже помогают подняться, позволяя больше отложить на покупку необходимых с.-х. орудий или лошадь и т. п.

Таким образом уровень цен на хлеб спокойно можно предоставить определять рынку без каких-либо специальных, чрезвычайных и экстренных мер для его поднятия в роде тех, которые неоднократно предлагались в печати (в роде предоставления продающей избытки сверх налога зажиточно-кулацкой группе всей разницы между русскими и заграничными ценами за экспортируемый хлеб; в роде прекращения отпуска натурналогового хлеба фабрикам, желдорогам и т. п. для увеличения спроса на покупной хлеб в деревне и т. д.). Экспорт русского хлеба за границу для нас необходим. Но он необходим не для прироста кулацких доходов (у середняка хлеба после уплаты натурналога для вывоза за границу не остается), а для прироста государственных доходов и для облегчения и этим группам переходного периода от производства зерна для сбыта в зерне к производству его для превращения в другие продукты. Поскольку в том или ином районе повышение хлебных цен действительно экономически целесообразно (было бы глупым педантством отрицать возможность этого)—оно будет достигнуто развитием рыночных отношений без каких-либо сверхобычных вмешательств государства с целью взвинчивания хлебных цен. Растущее улучшение жел.-дор. связи служит достаточной предпосылкой для таких исправлений, поскольку они жизненны. Не останется без влияния в таких районах, конечно, и снятие с рынка избытков путем вывоза их за границу, почему именно здесь и должны сосредоточиваться заготовки для такого вывоза.

Надо заметить только, что сами по себе надежды значительно поднять общерусский уровень хлебных цен развитием вывоза хлеба за границу не могут оправдаться уже по недостаточности для этого разницы между внутренней русской и заграничной ценой хлеба (подробнее см. в гл. «Деревня и рубль»). Ведь нынешняя общерусская цена хлеба, 59% от довоенной величины на 1 июня по индексу Госплана,—кажется такой

низкой отчасти просто по той причине, что для сравнения в качестве «довоенного» обычно берется только один год, именно 1913, отличавшийся особо высокими ценами (87 к. пуд ржи в среднем). Но это неправильно. Надо брать среднюю цену за более длительный период. Средняя годовая цена пуда ржи по Европ. России в каждый из указанных ниже периодов составляла (в зол. довоенных коп.):

1881—1885 г. г.	79 коп.
1886—1890 „ „	56 „
1891—1895 „ „	70 „
1896—1900 „ „	60 „

Затем в 1901—1910 г.г. средняя годовая цена составляла по черноземной полосе Евр. России 70 к. за пуд и в нечерноземной (потребляющей) 89 коп. (оффициальные данные по 1900 г. у проф. Л. Лященко, стр. 239—240, а с 1901 г. у проф. Кондратьева—«Хл. рын.»). По отношению к 87 к. (цена 1913 г.), нынешние 59%, т.-е. 51 к. зол. довоен., представляются действительно небольшим. Но по отношению, напр., к 60 коп. (цена 1896—1900 г.г.), это составляет 85% даже и для хлеба. Следовательно, все сопоставления с так назыв. «довоенными» ценами надо принимать с большой осторожностью, отдавая себе отчет, имеется налицо сравнение со случайно выдернутым, особенно высоким по цене хлеба годом (как в индексе Госплана) или с реальной средней ценой длительного периода.

Поскольку речь идет о ценах, так главное внимание государства должно быть сосредоточено не на поднятии хлебных цен, а на доставке крестьянину изделий государственной промышленности без удорожания их «накладными расходами» и громадной наживой частных и особенно деревенских перепродавцев. А для этого основное средство—вытеснение частной торговли не только из оптовой, но и из розничной торговли, особенно в деревне. В этом и заключается дорога к действительной смычке государственной промышленности с деревенским рынком. Но для этого надо провозглашать не равенство между кооперацией и частным торговцем, не желательность ограничения государственной промышленности только оптовыми операциями, не постановку якобы «на службу государству» частного торгового капитала (а в действительности капитуляцию перед злейшим врагом бедняка и середняка пауком-высасывателем, сдачу ему «торговой смычки» с деревней). Для этого надо поставить себе определенную задачу выши-

бить частного торговца из розничной торговли основными произведениями государственной промышленности, покровительствовать начинаниям госорганов в области розничной торговли, дать деревенской потребительской кооперации крупные преимущества перед частным торговцем сложением с нее налогов и облегчением кредита сравнительно с частными лицами и т. п. Вот единственная дорога, которая может удешевить для крестьянской бедноты и середняка промышленное изделие.

Возьмите сейчас цены даже на самый дорогой фабрикат, какой только покупает крестьянин,—на текстильные изделия. По индексу Госплана на 1 июня, цена его 249% от довоенной. Сравнивать это надо, разумеется, не с ценой хлеба (59%), которого ни бедняк, ни середняк не продает, а с ценою текстильного сырья, которого крестьянство продает не на меньшую сумму, чем на сколько покупает текстильных изделий. Цена его на 1 июня по тому же индексу 166% от довоенной (кстати сказать, потому в значительной мере и дороги сравнительно текстильные изделия, что деревня дорого берет за текстильное сырье —не мешает помнить и об этом вместо одного только непрерывного проливания слез о текстильной дороговизне). Таким образом рост цен текстильных изделий на 50% больше роста цен на крестьянское текстильное сырье. Но это соотношение совершенно нормально для послевоенных отношений не только для России, а для всего мира. Даже в Соединенных Штатах Сев. Америки, которые не обнищали, не разорены войной и т. д.,—даже там нынешней весной 1923 г. индекс цен текстильных изделий на 51% выше среднего индекса цен в стране (см. «Торг. Бюллет.» берл. предст. НКВТ). В еще большей степени это же явление наблюдается в Германии и др. странах.

Но в России, когда мануфактура по оптовой цене попадает деревенскому скупщику (он же глава кулацкого хозяйства в сельском хозяйстве), то он, пользуясь своей монополией, взвинчивает в деревне на нее розничные цены в свое удовольствие. При таких условиях всякое удешевление оптовых фабричных цен (благодаря пересмотру трестов, большей концентрации и т. д.), идет на пользу только частноторговому перекупщику и деревенскому кулаку. Задача придавить и выпибить его, конечно, труднее и хлопотливее, чем «поклониться» ему и отдать в его руки торговую власть в деревне,—но она должна быть поставлена и разрешена, для работы

в каком направлении имеется достаточно практических зацепок и возможностей.

Проповедь привлечения «деревенского частноторгового капитала» к несению функций (обязанностей) по осуществлению смычки города с деревней есть обратная сторона попыток превратить вопрос о повышении хлебных цен в центральный вопрос хозяйственной жизни страны. Общественные корни и того и другого коренятся в деревенском кулачестве, которое одно в деревне действительно заинтересовано в обоих этих отношениях и которое пользуется теперь более или менее осознанной поддержкой всей буржуазной интеллигенции. Недостаточная осведомленность в вопросах экономической действительности, недостаточное распутывание социальных корней определенных домогательств и их значения для развития производительных сил страны—все это вызывает иногда и у многих наших товарищей недостаточно продуманный и слишком поверхностный подход к вопросам деревенской жизни—что может пойти на пользу только нашему врагу-кулаку, а не тому бедняку, которому мы сами друзья. Поскольку факт роста посевов при наличности низких хлебных цен несомненен—он принесет пользу и идеологическую, побудив больше задуматься над сложностью экономических явлений.

Сельхозналог и беднота.

Основной вопрос о размере сельхозналога на 1923—1924 хоз. год решен законом 10 мая 1923 г. Размер налога определен около 420 милл. руб зол., что, с нашей точки зрения, представляется правильным, как раз эту величину предлагали мы в своих статьях перед партийным с'ездом (февраль—апрель 1923 г.)—см. в приложении выдержки из моей речи на XII партс'езде.

Ниже приведены некоторые относящиеся сюда сведения о фактических размерах увеличения крестьянского обложения на предстоящий хоз. год сравнительно с оканчивающимся хоз. годом (гл. «Деревня и рубль»). Считая все виды прямого и косвенного обложения, общее увеличение составит около 100 милл. руб. зол. в год, т.-е. как раз ту цифру, какую я указывал в качестве экономически возможного и политически приемлемого «первого предела» роста обложения деревни [1]). Поэтому настоящая глава посвящена не вопросу об общей сумме налогов с деревни, а о другом моем дос'ездовском предложении, неразрывно внутренним смыслом связанном с первым вопросом,—об освобождении от налога деревенских низов (см. в приложении дос'ездовскую статью «Классовая смычка с деревней»). Увеличение обложения должно целиком пасть на деревенские верхи, и за этот счет надо пойти навстречу как потребностям государственной промышленности, так и деревенским низам, облегчив их положение,—вот обе стороны вопроса, но из

---

[1]) Смотри также нашу книжку «Итоги, пути, выводы пов. Экон. пол» стр. 125: «первая практическая задача — унификацией крестьянского обложения облегчая для деревни его технику, в то же время увеличить рессурсы государства... Это должно составить теперь в год, пожалуй, до 100 милл. довоенных золотых рублей, т. е. примерно еще свыше двух процентов всей нынешней крестьянской продукции».

них вторая,—освобождение от налога бедноты,—все еще не получила пока практического разрешения. Предстоящая в начале июля сессия ВЦИК должна поручить правительству разрешить его до начала взимания нового сельхозналога, т.-е. до августа. Правильно определив общий размер единого с.-х. налога, мы должны правильно распределить его между различными слоями деревенского населения. Иначе сказать, за общим законом о сельхозналоге должен затем последовать специальный, посвященный особым интересам деревенской бедноты. Мы партия, по социальному составу своему, преимущественно городская. Для многих деревня рисуется в несколько отвлеченном образе «крестьянина вообще», трудового середняка такого типа, каждый представитель которого подобен любому другому. Это «городское» представление о «деревне» питается отчасти также сильной уравнительной струей, прошедшей по деревне после октябрьской революции и в период комбедов. Однако, с тех пор прошло много времени, проявление экономического неравенства облегчено условиями НЭП'а, и современная деревня в классовом отношении далеко не однородна. Источниками наших сведений о современном расслоении крестьянства на различные группы, о хозяйственной мощности этих слоев и о роли их в продналоге (в будущем—в едином сел.-хоз. налоге) являются отчетные данные Наркомпрода РСФСР и Наркомпрода Украины о выполнении продналога в нынешнем 1922—1923 хозяйственном году. Для взимания продналога в каждом селении, в каждой волости составлялись списки, в которых указывалось количество десятин пахотно-сенокосной земли на душу по каждой отдельной крестьянской семье, количество приходившегося на каждую отдельную семью предшествовавшего продналога (в ржаных единицах, т.-е. в переводе на пуды ржи) и т. д. Эти волостные отчеты сведены были потом на местах в уездные, затем в губернские и доставлены в центр. Перед нами сейчас отчеты, обнимающие взимание 418 милл. пуд. продналога (в ржан. единицах), т.-е. почти все 100% фактически взысканного продналога (не считая Закавказья, Белоруссии, Туркестана, Дальневосточья). В том числе около 99 милл. пудов приходится на Украину и около 319 милл. пуд. на Великороссию (точнее—на РСФСР без Туркестана и Дальневосточья). Следовательно, мы имеем данные не теоретически исчисленные, а практически установленные на месте в каждой отдельной деревне, при том достаточно свежие и полные.

Согласно этим данным, все крестьянство делим на три слоя (бедняки, середняки, зажиточные) и приводим таблицу, показывающую в процентах: 1) какая часть всей пахотно-сенокосной земли приходится в общем на каждый слой; 2) какая часть всего продналога за 1922—1923 хоз. год пришлась в общем на каждый слой, и 3) какая часть крестьянских дворов относится к каждому из этих слоев. Сведения даются отдельно по Украине и по Великороссии (РСФСР) в виду отличий в законодательстве, в фактическом отношении их общественных сил и потому в налоговой практике между обоими этими государствами. Таблица имеет такой вид:

	Украина		Великороссия		
	Земля.	Налог.	Земля.	Налог.	Число дворов.
Бедняки	13.8%	11.3%	16.3%	8.3%	33.5%
Середняки	59.7%	65.7%	63.7%	63.6%	58.5%
Зажиточные . . .	26.5%	23.0%	20.0%	28.1%	7.9%
	100%	100%	100%	100%	100%

Эта таблица показывает, между прочим, что ничтожная горсть дворов (менее 8%) сосредоточивает в своих руках более четверти всей продукции (а на Украине, вероятно, более трети—процент продукции для этой высшей группы должен быть заметно выше процента площади пахотно-сенокосной земли). Зажиточных дворов вчетверо меньше против бедняцких, но у них не только больше земли, чем у всех бедняков, но и продукция их (о которой надо судить по налогу) почти вчетверо больше продукции бедняков. Таким образом, зажиточный двор, примерно, в пятнадцать раз богаче двора бедняцкого. Так велико экономическое неравенство в современной деревне. Вместе с тем таблица показывает, что на Украине классовый принцип обложения выдержан гораздо меньше, чем в Великороссии. Середняки и особенно бедняки обложены на Украине тяжелее, чем в Великороссии, а украинские зажиточные крестьяне обложены, наоборот, легче великороссийских. Больше того: украинские зажиточные крестьяне обложены легче даже украинских середняков и платят с единицы площади, примерно, столько же, сколько украинские бедняки. Если принять во внимание, что процент продукции у зажиточных должен обгонять процент площади, а у бедняков, наоборот, должны отставать, то украинские зажиточные, пропорционально к своей продукции, платят даже меньше украинских бедняков. Хотя в Велико-

россии нет «комнезаможей», но дело поставлено лучше, и улучшение украинской практики необходимо предусмотреть в постановлениях будущего украинского закона о размере ставок для тамошних высших групп.

Наглядно сравнительную тяжесть обложения каждого слоя можно иллюстрировать, показав по приведенной выше таблице, сколько процентов всего продналога падает на каждый один процент пахотно-сенокосной площади, имеющейся у бедняков, середняков и зажиточных в отдельности. Результат таков:

	Украина.	Великороссия.
Бедняки	0.82%	0.51%
Середняки	1.09%	1.00%
Зажиточные	0 87%	1.40%

Необходимость подтянуть украинскую постановку дела к постановке великороссийской не может таким образом вызывать сомнения.

В состав «бедняков» по Великороссии (РСФСР) в приведенных выше таблицах включены три низшие разряда по обложению, т.-е. имеющие не свыше трех четвертей десятины пахотно-сенокосной земли на душу, а по Украине только два низшие разряда, т.-е. имеющие не свыше полудесятины на душу. По экономической характеристике это равнозначущий слой в виду большей результатности сельского хозяйства на Украине, чем в РСФСР (Великороссии).

Для целей обложения вся эта крестьянская беднота (до трети всего крестьянского населения), может быть разбита на две подгруппы: самую бедную (полупролетарскую) и просто бедную. По Украине в низшую подгруппу войдут имеющие менее четверти десятины на душу (т.-е. первый разряд девятиразрядной скалы обложения), а по Великороссии имеющие менее полудесятины на душу (т.-е. первый и второй разряды). По указанным данным Наркомпрода Украины и Наркомпрода РСФСР о сборе продналога в текущем 1922—1923 хоз. году, имеем для обеих подгрупп бедноты такие результаты по отношению к общему количеству земли, к общей сумме продналога и к общему числу крестьянских дворов:

	Украина.		Великороссия.		
	Земля.	Налог.	Земля.	Налог.	Число двор.
Полупролетарии	4.3%	2.6%	6.2%	2.3%	17.9%
Просто бедняки	9.5%	8.7%	10.1%	6.0%	15.6%
	13.8%	11.3%	16.3%	8.3%	33.5%

Как мы видим, низшая подгруппа (в РСФСР имеющие менее полудесятины на душу, т.-е. низшие два разряда) дает совершенно ничтожную часть налога—около двух процентов. Между тем на нее приходится пятая часть всех крестьянских дворов. Этот слой нахожу необходимым вовсе освободить от налога. Хозяйственно он слишком маломощен для обложения. Политически он достаточно многочисленен для того, чтобы заслуживать особенного внимания. Социально он всего нам ближе и часто просто тожественен с некоторыми элементами пролетариата. Наконец, в финансовом отношении взыскание ничтожного сбора с громадного количества мельчайших хозяйств (с нескольких миллионов дворов) должно явно обойтись дороже, чем дает весь сбор.

Что касается второй группы бедноты (около шестой части всех крестьянских дворов), то в применении к ней необходимо освободить от уплаты налога хотя бы следующие категории:

1) не имеющих своего посева;

2) имеющих посев, но не имеющих ни одной головы взрослого рабочего скота;

3) имеющих урожай ниже известной нормы, примерно, ниже 50 пуд. с десятины при наличном вообще в стране урожае.

Эти слои как раз и являются особенно зажабаленными высшим группам крестьянства. Они принуждены нанимать лошадей и иногда инвентарь по ростовщическим ценам. Они покупают хлеб, а не продают его. Это полупролетарский слой деревни, наиболее близкий в классовом отношении промышленному и транспортному пролетариату, который часто и является в город или на жел. дорогу на время или надолго именно из этой среды деревенской полупролетарской бедноты. Это тот слой, политическое завоевание которого является нашей первейшей задачей в деревне. Потому экономическая помощь ему, хозяйственное облегчение тяжелого положения именно этого слоя должно не упускаться ни на минуту из виду. Он способен вполне быть прочной политической опорой советского строя при условии внимания к нему в хозяйственном отношении: 1) в налоговой политике, 2) в освобождении государственным кредитом от кабального угнетения деревенскими верхами. При этих условиях он твердо выдвинет и поддержит в руководстве волостью коммунистов. Без этого, наоборот, низ-

шие слои деревни, как раз низшие слои должны стать при НЭП'е питательной средой для черносотенного настроения, очагом социального недовольства и бандитизма. Наши предложения освобождают от налога пролетарскую подгруппу и половину просто бедняцкой (беспосевных, без рабочего скота, т.-е. тоже полупролетариев), т. е. в общем до четверти деревни, и являются необходимой предпосылкой для дальнейшей соответственной политической и экономической работы в деревне. Вместе с тем они не требуют никакой ломки техники налогового дела, никакого пересоставления списков, перегруппировки разрядов и т. п. Само собой, что освобождение от налога нельзя механически равномерно распространять на все три низшие разряда крестьян одинаково по всей территории РСФСР. Смотря по характеру хозяйств, по качеству почвы и прочим условиям, в одних губерниях беднейшими, полупролетарскими могут оказаться только хозяйства первых двух разрядов (до полудесятины на душу) или даже только одного первого разряда (до четверти десятины), а в других губерниях к ним придется присчитать, наоборот, даже и четвертый разряд (до одной десятины на душу); точный ответ можно получить, только разобрав отчетные данные Наркомпрода о группировке крестьян по разрядам и о сборе налога по каждому отдельному району, по каждой отдельной губернии: к этому мы теперь и перейдем.

Надо заметить еще, что мало пахотно-сенокосной земли имеют в деревне иногда торговцы, владельцы разных промышленных заведений (мельницы и т. п.) и кустарных предприятий, дающих значительный доход. Общее их количество доходит до одной пятой части всех мало-пахотных дворов, по приблизительной оценке начальника ЦСУ тов. Попова. Освобождать от налога такие зажиточные элементы, конечно, не приходится, и это должно быть оговорено в том же специальном законе. Если отсчитать пятую часть от приведенного выше количества низшей группы по РСФСР (33,5 процента дворов и 8,3 процента налога), то действительной полупролетарской бедноты окажется около 27 процентов всех деревенских дворов (четверть), и вносят они около 6,64% всего налога. Допустим, что в какой-нибудь средней местности крестьянство должно внести 640 тыс. пуд. налога. Это значит, что 40 тыс. пудов вносит деревенская беднота и 600 тыс. пудов остальные. Освобождение деревенской бедноты от налога при таких условиях

означало бы уменьшение всей суммы налога с 640 тыс. пудов до 600 тыс. пудов без изменения ставок для платящих.

При приведении данных по районам мы будем, согласно указанному выше, уменьшать на одну пятую и процент малопахотных дворов и процент уплачиваемого ими налога, чтобы учесть только действительную бедноту, а не лавочников, крупных кустарей и подобных.

1. Поволжье.

Сюда входят губернии: Самарская, Саратовская, Симбирская, Пензенская, Немкоммуна, Царицынская и Астраханская. Общее количество крестьянских дворов 2.351 тыс. Общая сумма разложенного в текущем 1922—1923 хоз. году продналога 85,8 милл. пудов ржаных единиц. Количество подлежащих освобождению от налога бедняцких дворов—около 18 процентов общего числа крестьянских дворов всего района. Общее уменьшение налога от этого на 4,76 проц. При этом подлежат освобождению до третьего разряда Пенза и Симбирск, до четвертого Саратов, Немкоммуна, Астрахань и Царицын и до пятого Самара. По каждой отдельной губернии процент общего уменьшения налога от такого освобождения следующий:

Пензенская	2.58%
Симбирская	8.54%
Саратовская	2.22%
Немкоммуна	3.25%
Астраханская	4.1%
Царицынская	4.55%
Самарская	7.40%

2. Казанско-Вятский район.

Сюда входят Татреспублика, Вятская губ. и области Чувашская, Марийская и Вотская. Общее количество крестьянских дворов 1.228 тыс. Общая сумма разложенного в 1922—1923 хоз. году продналога 24,5 милл. пудов ржаных единиц. Количество подлежащих освобождению от налога бедняцких дворов—около 21 процента общего числа крестьянских дворов всего района. Общее уменьшение налога от этого на 5,2 проц. При этом подлежат освобождению первые два разряда в Вятской губ., Вотской, Чувашской и Марийской областях и четыре разряда в Татреспублике. По каждой отдельной губер-

нии, области и республике процент общего уменьшения налога от такого освобождения следующий:

Вятская губ.	2.94%
Вотская область	9.6%
Татреспублика	6.08%
Марийская	4%
Чувашская	1.84%

3. Юго-Восток.

Сюда входят губернии, области и республики: Донская, Кубано-Черноморская, Ставропольская, Терская, Горская, Кабардинская и Крымская. Общее количество крестьянских дворов 971 тыс. Общая сумма разложенного продналога 49,6 милл. пуд. ржаных единиц. Количество подлежащих освобождению от налога бедняцких дворов 32 проц. общего числа крестьянских дворов всего района. Общее уменьшение налога от этого на 6,07 процента. При этом подлежат освобождению первые два разряда в Кабардинской и Горской республик., первые три в Донской, Кубано-Черноморской и Ставропольской губ. и первые четыре в Крыму и Терской области. По каждой отдельной губрении, области и республике процент общего уменьшения налога от такого освобождения следующий:

Донская	4.24%
Кубано-Черноморская .	6.35%
Ставропольская	4.72%
Терская	7.5%
Крым	7.7%
Кабарда	8.5%

4. Урал.

Сюда входят губернии: Пермская, Екатеринбургская, Челябинская, Тюменская и Башкирия. Общее количество крестьянских дворов 1.533 тыс. Общая сумма продналога 17,8 милл. пуд. рж. единиц. Количество подлежащих освобождению от налога бедняцких дворов около 30 проц. общего числа крестьянских дворов всего района. Общее уменьшение налога от этого на 4,98 проц. При этом подлежит освобождению только первый разряд в Пермской и Тюменской и первые два разряда в Екатеринбургской и Челябинской губ. и в Башкирии.

По каждой отдельной губернии и республике процент общего уменьшения налога от такого освобождения следующий:

Челябинская	4.64%
Екатеринбургская . . .	9.00%
Башкирия	4.72%
Пермская	1.08%
Тюменская	2.40%

5. Центрально-земледельческий.

Сюда входят губ.: Тульская, Тамбовская, Орловская, Воронежская, Рязанская и Курская. Общее количество крестьянских дворов 2.566 тыс. Но относительно Курской и Рязанской губ. данные о продналоге мне еще не доставлены. По остальным общая сумма продналога 58,4 милл. пуд. рж. единиц. Количество подлежащих освобождению от налога бедняцких дворов около 13 с половиной проц. общего числа крестьянских дворов. Общее уменьшение налога от этого на 2,84 проц. При этом подлежат освобождению первые три разряда в Тульской, Тамбовской и Воронежской и четыре в Орловской губ. По каждой отдельной губернии процент общего уменьшения налога от такого освобождения следующий:

Тульская	0.9%
Воронежская	0.98%
Тамбовская	2.04%
Орловская	6.96%

6. Промышленный.

Сюда входят губернии: Московская, Нижегородская, Смоленская, Калужская, Тверская, Владимирская, Ярославская, Иваново-Вознесенская, Костромская и Брянская. Общее количество крестьянских дворов 2.531 тыс. Общая сумма продналога 49,9 милл. пуд. ржан. единиц. Количество подлежащих освобождению от налога бедняцких дворов около 20 проц. общего числа крестьянских дворов. Общее уменьшение налога от этого на 4,17 проц. При этом подлежит освобождению только один первый разряд в Московской губ., первые два разряда в Нижнем, Калуге, Твери, Ярославле, Владимире, Костроме и Иваново-Вознесенске и, наконец, первые три разряда в Брянске и Смоленске. По каждой отдельной

губернии процент общего уменьшения налога от такого освобождения следующий:

Московская	1.52%
Нижегородская	1.6%
Калужская	2.24%
Тверская	2.4%
Ярославская	3.92%
Владимирская	2.18%
Иваново-Вознесенская .	4.7%
Костромская	4.56%
Брянская	8%
Смоленская	7.84%

7. Северо-Запад.

Сюда входят губ.: Петроградская, Новгородская, Псковская, Череповецкая и Карелия. Общее количество крестьянских дворов 777 тыс. Общая сумма продналога 14,9 милл. пуд. рж. ед. Количество подлежащих освобождению от налога бедняцких дворов около 26 проц. общего числа крестьянских дворов. Общее уменьшение налога от этого на 5,8 проц. При этом подлежит освобождению первый разряд в Карелии, первые два разряда в Петроградской и Череповецкой и первые три в Новгородской и Псковской губ. По каждой отдельной губернии процент уменьшения налога от такого освобождения следующий:

Карелия	2%
Петроградская	7.72%
Череповецкая	5.3%
Псковская	5%
Новгородская	6.88%

8. Запад.

Сюда входят губ.: Витебская, Гомельская и Белоруссия. Общее количество крестьянских дворов тоже 777 тыс. Данных по продналогу по Белоруссии у меня нет, а по остальным губ. его сумма 13,7 милл. пуд. рж. ед. Количество подлежащих освобождению от налога—около 22 проц. крестьянских дворов. Общее уменьшение налога от этого на 3,6 проц. Подлежат освобождению первые 2 разряда. Процент уменьшения налога от такого освобождения следующий:

Витебская	3.66%
Гомельская	3.56%

9. Север.

Сюда входят губернии: Архангельская, Вологодская, Северодвинская и Зырянская область. Общее количество крестьянских дворов 404 тыс. Сумма продналога 4,9 милл. рж. ед. Подлежат освобождению около 27 проц. дворов. Уменьшение налога от этого на 4,72 проц. Подлежит освобождению только первый разряд в Архангельской губ. и Зырянск. области и первые два разряда в Вологодск. и Северодвинск. губ. По отдельным губ. процент уменьшения налога от такого освобождения:

Архангельская	3.03%
Вологодская	4.8%
Северодвинская . . .	4.32%
Зырянская	14.2%

10. Украина.

Украина делится по характеру группировки крестьян в связи с продналогом на три полосы. В первую входят губ.: Волынская, Подольская, Киевская и Харьковская с общей суммой налога в 1922—1923 хоз. году в 46,5 милл. пуд. ржаных единиц. Здесь может быть освобожден от налога только первый разряд (до четверти десятины на душу). Это дает уменьшение налога в общем на 3,5 проц., а по отдельным губерниям:

Харьковская	3.2%
Киевская	3.2%
Волынская	2.64%
Подольская	4.9%

Во вторую полосу входят губернии: Полтавская и Черниговская, с общей суммой налога в 26,6 милл. пуд. ржан. единиц. Здесь могут быть освобождены первые два разряда (до полудесятины на душу), и это дает уменьшение налога в общем на 5,8 проц., а по отдельным губерниям:

Полтавская	5.36%
Черниговская	6.8%

В третью полосу входят Донецкая, Екатеринославская и Одесская губернии с суммой налога в 25,8 милл. пуд. Здесь могут быть освобождены первые три разряда

(до трех четв. дес. на душу). Это дает уменьшение налога, в общем, на 5,76 проц., а по отдельным губерниям:

Донецкая	4.32%
Екатеринославская . . .	6.96%
Одесская	5.28%

11. Итоги.

В общем мы рассмотрели группировку по 9 районам РСФСР и по Украине. Рассмотренная территория обнимает 88 проц. всего налога по всему Союзу Советских Республик. В итоге получается возможность освободить от налога почти 20 проц. всех крестьянских дворов, потеряв на этом только около четырех с половиной проц. всего налога. Игра, безусловно, стоит свеч и политически и экономически.

Мы видели выше, что к бедноте относятся 27 проц. дворов, дающих около 6 проц. налога. Значит около четверти бедняков останутся неосвобожденными и на этот раз, а именно наиболее близкая к середнякам прослойка. Существующая ныне девятиразрядная группировка крестьян по налогу не позволяет достичь более полных результатов. Пришлось бы или распространить освобождение в некоторых губерниях и на середняков, или сломать принятую группировку, увеличив количество разрядов. То и другое сейчас невозможно.

Но большим шагом вперед в деле проведения классовой линии в нашей деревенской политике будет и то, если мы сможем освободить от налога даже не все, а 20 проц. беднейших крестьянских дворов—ведь это составит почти до 20 милл. чел. населения деревни. Ничего подобного не было у нас проведено при взимании продналога в текущем 1922—1923 хоз. году, и этим можно оценить принципиальное и практическое значение указываемой нами линии, являющейся именно той линией, вступить на которую необходимо.

Интересно при этом, что если сравнить бывшие голодающие и бывшие благополучные районы, то в первых оказывается выше и процент подлежащих освобождению хозяйств и доля теряемого налога. В районах, включающих бывшие неблагополучными губернии, мы теряем, таким образом, от 5 до 6 проц. налога, а в районах сплошь благополучных только от 3 до 4 проц.

Разумеется, потеря эта только относительная. И при указываемом освобождении бедноты от налога мы все

же получим от деревни больше прежнего. Да иначе и не могло бы, конечно, оказаться, при постоянно укрепляющемся положении сельского хозяйства.

К тому же потеря эта более чем покрывается одним только приравнением степени обложения украинских зажиточных к степени обложения великороссийских зажиточных крестьян. И по Украине и по Великороссии (РСФСР) к группе зажиточных отнесены имеющие свыше двух десятин пахотно-сенокосной земли на душу. На Украине продукция с такой площади должна быть еще выше, чем в РСФСР. Но если даже обложение зажиточных на Украине по отношению к площади их земли довести только до такой пропорции, как в РСФСР, и то будем иметь достаточный результат. В РСФСР на зажиточных при 20% площади приходится 28% налога. Значит, на Украине при 26,5% площади, при той же пропорции, на них должно приходиться 37% налога. А фактически приходится, как мы видели в первой таблице, только 23%. Значит, одно только доведение обложения украинских зажиточных до обложения великорусских зажиточных покроет чистую потерю государства от облегчения обложения низов (ср. распределение общей суммы налога между Украиной и РСФСР).

Но даже если бы обложение украинских зажиточных почему-либо не было бы на этот раз уравнено с обложением зажиточных крестьян в РСФСР, все равно размер прямого обложения в 420 милл. руб. зол. настолько отличается от фактического размера прямого обложения деревни в 1922—1923 хоз. году, что совершенно оставляет в тени эту потерю, особенно если принять во внимание, что от уменьшения числа плательщиков уменьшаются и издержки по взиманию.

Деревня и рубль.

I.

Незыблемым положением нашей финансовой политики считалось, что в основе достижения необходимой устойчивости рубля может лежать только оздоровление самого народного хозяйства, рост производства и увеличение государственных рессурсов. Последнюю зиму в общем наблюдалось меньшее падение рубля в среднем за месяц, чем было за год перед тем. Это служило как бы наглядным подтверждением правильности наших расчетов на благоприятное влияние под'ема хозяйства и верности взятой линии: в центр внимания ставить увеличение материальных рессурсов государства. Этому и должны были служить в частности наша налоговая и экспортная политика, как они достаточно определились к настоящему времени.

В конечном счете это было своего рода ставкой—и правильной ставкой—на щедринское «ён достанет». Не на великодушной помощи иностранных капиталистов, не на обманчивых чудесах финансовой ловкости в кавычках (в роде выведения министрами буржуазных государств избыточного бюджета при нищем населении),—но на энергии, настойчивости и выдержке собственного трудящегося населения строит свои расчеты Советский Союз и в этом деле. А при принадлежности четырех пятых населения страны к крестьянству—задача обеспечения устойчивости рубля в преимущественной мере сводилась, естественно, к привлечению к ее разрешению нашей деревни. Исключительная важность хлебного экспорта (вывоза за границу), исключительная важность нового единого сельхозналога в этом отношении не раз уже подчеркивались в нашей печати.

Но ускорение падения рубля в апреле и мае 1923 г., — явление, между прочим, весьма преходящего харак-

тера и обусловленное специальными особыми причинами,—потрясло в некоторых кругах доверие к указанной выше и до сих пор считавшейся сравнительно общепринятой линии. Неожиданное, значительное и быстрое падение рубля в апреле вызвало известное разочарование, стремление «переоценить ценности», подвергнуть сомнению принятую линию. Влияние сомнений может оказать отрицательное влияние на практический ход вещей, если они получат широкое распространение.

Наиболее яркое выражение в печати стремление к изменению центра тяжести финансовой политики получило в статье т. Киселева о «Порочном круге нашего денежного обращения» (в «Эк. Жиз.» от 16 мая), которую мы берем за исходный пункт, чтобы осветить реальное значение хлебного экспорта и сельхозналога для финансового положения Советского Союза вообще и для работы по укреплению курса рубля в частности.

В виду колебаний курса рубля, несмотря на улучшающееся общее хозяйственное положение страны,—не мог не встать, выражаясь словами тов. Киселева, вопрос: «какие же выходы надо искать для ликвидации вызванных этим явлением осложнений нашей экономической кон'юнктуры?» Сам тов. Киселев говорит по этому поводу так: «Пока их (выходов) предлагалось два: увеличение денежного обложения деревни и развитие хлебного экспорта. Мы не останавливаемся здесь на более подробном рассмотрении этих двух мероприятий и, подчеркивая еще раз желательное развитие их, как факторов в данный момент пока еще второстепенного значения, мы предлагаем в качестве единственного выхода из нынешнего парадоксального положения финансово-экономической кон'юнктуры страны—создание целесообразной системы регулирования денежного рынка» («Э. Ж.», № 107).

Статья тов. Киселева, таким образом, в чрезвычайно яркой форме противоречит существующей политике стремления к оздоровлению финансов мерами материального укрепления государственного хозяйства (обложение, экспорт)—идеей иного рода: о достижении оздоровления денежного обращения мерами формального характера. Обложение деревни и хлебный экспорт—второстепенное, а главное—в искусстве «регулировать денежный рынок» так, чтобы курс рубля не испытывал потрясений и при второстепенном значении мер материального свойства.

Такое «искусство» граничит, на мой взгляд, с колдовством. Центр тяжести нашего внимания попрежнему должен остаться сосредоточенным на мерах материальных, не отвлекаясь надеждами при помощи каких-либо искусных фокусов перепрыгнуть через выдержку, необходимую для оздоровления путем наростания материальных факторов для него. Дорога к упразднению «порочного круга нашего денежного обращения» лежит через требующую времени и выдержки настойчивую работу по осуществлению материальных мер для поднятия хозяйства, а не через попытки формальным «искусством» перехитрить имеющиеся условия.

Разумеется, острые потрясения курса рубля, подобно пережитому в последнее время, располагают публику к исканию спасительных рецептов нового образца. Ведь под'ем хозяйства страны может происходить лишь постепенно, материальные улучшения требуют больших усилий и выдержки, — разве не соблазнительно об'явить их пока еще «факторами второстепенного значения», а в качестве «единственного выхода» (подумайте: единственного!) сосредоточить внимание на мерах формального характера, на улучшении техники распределения денежных знаков в стране и т. п. Такое изменение политики, на мой взгляд, означало бы к старому «опасному недугу» (денежного обращения)—присоединить еще новый «опасный недуг» (пренебрежения к действительно решающим мерам материального свойства, как обложение, экспорт и пр., и отодвигание их на задний план).

Между тем такое изменение политики, такое сбрасывание со счетов (в качестве «пока еще второстепенных») мер материального характера может быть оправдываемо отнюдь не деловой оценкой их действительного значения, а только нервным настроением под влиянием пережитого потрясения курса рубля. Спокойная оценка того, что предпринято советским государством в области материальных мер, способна значительно ослабить пессимистические умонастроения тех, кто, подобно тов. Киселеву, готов видеть «единственный выход» только в колдовстве—в искусстве такого «регулирования», какое якобы способно дать устойчивый рубль без заботы о развитии материальных предпосылок для этого, именно как о самом первостепенном.

Первый шаг к устойчивому рублю при прочих равных условиях заключается в сосредоточении в руках государства новых дополнительных средств вместо ресурсов, извлекаемых путем бумажно-денежной эмиссии.

Тов. Киселев и некоторые другие недооценивают в этом отношении принятые меры в области обложения и экспорта, почему и надо остановиться подробно на этих пунктах.

Тов. Киселев прежде всего недооценивает прирост государственных средств вследствие изменений в обложении деревни, внесенных законом 10 мая о с.-х. налоге. В передовице «Эк. Жизни» от 16 мая указано, что общая величина обложения по единому с.-х. налогу составляет около 420 милл. зол. руб. Единый с.-х. налог вводится для скоро начинающегося 1923—1924 хозяйственного года, а в нынешнем 1922—1923 хозяйственном году сумма государственных и местных прямых налогов и сборов с деревни, как упоминает та же передовица, достигает около 390 милл. зол. руб. Для полной сравнимости этих цифр надо иметь в виду три обстоятельства:

1) как видно из закона о с.-х. налоге, имеющем дать 420 милл. зол. руб., в него не входят ни косвенные налоги, ни волостные и сельские сборы.

2) Как видно из изданного начальником центроналога НКФ т. Левиным к XII с'езду РКП обзора «Налоги и крестьянство» (изд. «Кр. Нови»), в указанную выше величину обложения деревни в текущем хоз. году (390 милл. зол. руб.) входят и законные налоги (на сумму 320 милл. руб.) и самочинные сборы (приближенно оцениваемые в 70 милл. руб., в том числе и на волостные и сельские нужды).

3) Косвенные налоги с крестьян в текущем году, как сообщает НКФ в той же брошюре «к XII с'езду», дают 45 милл. руб. зол. В предстоящем хоз. году косвенные налоги с крестьян дадут более по крайней мере на 30 милл. руб. (введены некоторые новые важные налоги, напр., на мануфактуру, увеличены прежние, расширяется вообще производство и потребление подакцизных товаров и т. д.).

Волостные и сельские сборы не были до сих пор установлены особыми законами и являются, пользуясь выражением НКФ, «самочинными налогами». В будущем, согласно примечанию к § 1 закона о с.-х. налоге, они будут взиматься в пределах особых положений особо от с.-х. налога. Их сумма принимается примерно в 30 милл. руб. зол. (по 2 тысячи в год на волость при 15 тыс. волостей). Остальные самочинные сборы, пример-

но на 45 милл. руб. зол., просто подлежат упразднению. Таким образом, все обложение деревни в нынешнем 1922—1923 хоз. году состоит из следующих трех частей:

а) государственные и местные, натуральные и денежные, прямые налоги—всего 320 милл. зол. руб;

б) все косвенные налоги—всего 45 милл. зол. руб.;

в) самочинные сборы (в том числе волостные и сельские)—всего 70 милл. руб. зол. Эта последняя цифра в отличие от первых двух никому точно не известна, но НКФ предполагает, что в самочинном порядке взято с крестьян, считая в ржаных единицах, около 100 милл. пуд. Если считать пуд по 70 коп. зол., это и даст около 70 милл. руб. зол. Но действительное движение цен на хлеб в 1922—1923 году таково, что выше 60 коп. среднюю цену пуда за год считать не следует, и потому сумму самочинных сборов правильнее считать не свыше 60 милл. руб. зол.

Таким образом за подходящий уже к концу нынешний хоз. год все обложение деревни в целом дает около 425 милл. руб. зол. Для предстоящего хоз. года все обложение деревни складывается из таких частей: сельхозналог 420 милл. руб. зол., косвенные налоги около 75 милл. руб. зол. и легализуемые волостные налоги около 30 милл. р. зол., а всего около 525 милл. руб. зол. Таким образом, в итоге получаем увеличение государственных средств путем обложения деревни на сто милл. руб. зол. в год. Это такая сумма, пренебрегать которой в борьбе против эмиссии и т. п. т. Киселев не должен.

Конечно, мы отдаем себе отчет, что целиком употребить эти 100 милл. руб. зол. только на уменьшение эмиссии не удастся (как и доход от экспорта хлеба, о котором ниже). Напомню, что когда в декабре 1922 г. в докладе на всероссийском совещании промышленности и затем на с'езде советов я выдвинул мысль о создающихся уже экономических условиях для возможности увеличения деревенского обложения (позже, в февральских статьях в «Эк. Жизни» точнее указал первым пределом такого увеличения сумму в сто милл. руб. зол. в год),—то уже и тогда указывал на необходимость использовать это увеличение для двух целей. Во-первых, для уменьшения эмиссии и, во-вторых, для уменьшения обложения налогами государственной промышленности. То и другое должно было увеличить реальные средства нашей индустрии. Уменьшение налогов с нее

— прямо, а уменьшение эмиссии косвенно, но еще более значительно. Промышленность получает от государства средства по своему бюджету и за государственные заказы (а, по отчету ВСНХ, одни только государственные заказы покрывают половину всей валовой продукции промышленности). Все это при значительном сокращении эмиссии должно было получить гораздо большую устойчивость, чем теперь, промышленность перестала бы терять при использовании получаемых дензнаков на падении их курса, и этим положение ее с оборотными средствами облегчилось бы весьма значительно.

У нас достижение такого результата, т.-е. прочной остановки падения курса рубля,—это также упускает, повидимому, из виду т. Киселев,—облегчается еще тем, что не требует полного прекращения эмиссии, а только значительного ее сокращения (примерно на две трети). Ибо у нас происходит постепенный под'ем промышленного и земледельческого производства. При всей своей сравнительной медленности он все же обеспечивает рост товарного оборота, способный поглощать прирост количества и реальной суммы денежных знаков без падения курса рубля в пределах не менее ста милл. зол. руб. в год (ср. рост реальной суммы совзнаков и банкнот, взятых вместе). Разумеется, прочно понизить эмиссию на две трети не так просто, раз она дает свыше 300 милл. зол. руб. в год. Но задача эта для предстоящего 1923—1924 хоз. года весьма облегчается увеличением государственных средств от обложения деревни (100 милл. руб. зол.) и от вывоза хлеба за границу (см. ниже). Эти факторы отнюдь нельзя, таким образом, отнести к разряду «второстепенных»; это есть, наоборот, столбовая дорога оздоровления государственных финансов и денежного обращения, пролагаемая для нас постепенным поднятием производства.

Почти одновременно с утверждением 10 мая закона о введении на будущий год с.-х. налога появилось в газете и сообщение НКФ о предстоящем понижении налогов с государственной промышленности. Особенно важно уменьшение промыслового налога с 6% до 3% оборота, а равно необложение этим налогом акциза (по некоторым важным отраслям промышленности составляющего до четверти цены изделий). Жизнь развивается быстро: когда в декабре 1922 г. в докладе, резолюция по которому единогласно была принята всероссийским совещанием госпромышленности, я предлагал в пред-

стоящем 1923 г. по соображениям экономической целесообразности и об'ективной возможности одновременно с некоторым увеличением деревенского обложения (см. выше) провести в жизнь необходимое понижение обложения промышленного,—докладчик НКФ т. Владимиров возражал еще весьма горячо против таких намерений. Прошло 5 месяцев, пришло время от «обсуждения» переходить к «проведению»—и мы с удовольствием видим НКФ, в том числе значит и т. Владимирова, на правильном практическом пути. Но во всяком случае на возмещение государству потери от уменьшения налогов с промышленности пойдет лишь сравнительно небольшая часть того избытка в 100 милл. руб., какой дает прямое обложение в 1923—24 хоз. году (с.-х. налог) сравнительно с прямым обложением текущего года. Следовательно, возможность для серьезного уменьшения эмиссии в предстоящем хоз. году существенно увеличивается. Перейдем теперь к экспорту хлеба.

II.

Когда в связи с практической постановкой на очередь хлебного экспорта вопрос о нем подвергался обсуждению также и в печати (конец 1922 и начало 1923 г.) — были выдвинуты две точки зрения. Одна всего полнее была формулирована в «Эк. Жизни» т. Поповым и проф. Кондратьевым, другая—автором этих строк. Первая подходила к экспорту хлеба исключительно с точки зрения повышения крестьянской выручки за хлеб и потому последовательно требовала допущения частной торговли по вывозу хлеба за границу. Конкуренция многочисленных частных экспортеров между собой при закупке у крестьян хлеба для вывоза его за границу, естественно, должна была бы вызвать повышение цены крестьянского хлеба почти на величину разницы между хлебными ценами русскими и иностранными.

Другая точка зрения на экспорт хлеба, формулированная в печати мною, исходила преимущественно из мысли об увеличении этим путем государственных средств и потому требовала полной государственной монополии по вывозу хлеба за границу. Являясь единственным посредником между Россией и Европой в вывозе хлеба и не имея конкурентов—советское государство легко могло бы прибрать к своим рукам главную часть разницы между русскими и иностранными ценами за вычетом издержек по транспорту и т. д. Полу-

чаемые доходы должны итти на уменьшение эмиссии, т. е. на фактическое увеличение оборотных средств государственной промышленности (в том числе и занятых в ней лиц), а в некоторой доле на организацию коллективного производственного кредита беднейшим низам крестьянства.

Внесенная на апрельский партийный с'езд тов. Каменевым резолюция о деревне в общей форме говорила об «облегчении выхода крестьянского хлеба за границу», не давая указания, должен этот выход осуществляться исключительно путем государственной монополи или и путем допущения частной торговли. Секция с'езда приняла внесенную т. Буденным поправку о допущении только государственного экспорта и тем поставила «точки над и». С'езд утвердил эту поправку, принятую и докладчиком т. Каменевым,—и потому тов. Киселев не имеет никакого основания сбрасывать со счетов государственный доход от экспорта хлеба, как величину второстепенного значения в деле борьбы за уменьшение эмиссии и оздоровление денежного обращения. Попробуем определить величину этого дохода по оффициальным данным о ценах.

Как известно, в текущем году вывезено пока за границу менее 30 милл. пуд. хлеба, и это дало государству тем более крупный доход, что вывозился хлеб не покупной, а продналоговый. Вывоз хлеба начался в этом году с очень большим опозданием, впервые после ряда лет, без налаженной для этого специальной государственной организации (ныне организуемой), в условиях, когда страна только стала оправляться от голода—потому он не успел еще достичь большего развития. Но в предстоящем 1923—24 хоз. году нет препятствий к значительному увеличению этого вывоза, не менее чем до 200 милл. пуд.—при условии, что он сможет продаваться на заграничных рынках не дороже тамошних цен. Основным рынком для сбыта нашего хлеба за границу является Германия, требующая преимущественно рожь. Для вывоза пшеницы заметную роль, возможно, будет играть Италия уже и теперь, но решающим рынком для нас является пока немецкий.

Оптовая цена 1 пуда ржи в твердых (довоенных) золотых копейках в Берлине публикуется в оффициальном «Торговом Бюллетене» берлинского представительства нашего НКВТ. Несмотря на громадные колебания курса марки—оптовая цена пуда ржи в Берлине, вы-

раженная в довоенных золотых копейках, оказывается довольно устойчивой. Она составляла:

12 марта	1 р. 18 к.
26 „	1 „ 21 к.
23 апреля	1 „ 15 к.
28 „	1 „ 12,5 к.
18 мая	1 „ 02 к.

У нас в России средняя оптовая цена пуда ржи в твердых (довоенных) золотых копейках по индексу Госплана составляла:

21 апреля	49 к.
1 мая	48 к.

Следует заметить, что в Германии, как и у нас, номинальное, т.-е. в бумажных марках, повышение цен на хлеб против мирного времени гораздо меньше, чем на промышленные товары. Наприм., по публикуемому «Франкф. Газетой» общегерманскому индексу—в начале мая 1923 г. цены на все германские товары в среднем повысились в 6.600 раз против довоенного. Но в том числе цены на хлеб повысились гораздо меньше, а, наоборот, цены на текстильные товары повысились в 14.066 раз. Таким образом, в Германии, как и у нас, хлеб относительно в три и более раз дешевле текстильных товаров сравнительно с довоенным временем. Отставание цены хлеба от цены промышленных изделий теперь вообще международное явление, поэтому, несмотря на сильное понижение цены хлеба в России сравнительно с довоенной,—разница между нею и берлинской ценой не превышает указанной выше величины.

Конечно, первое полугодие после сбора урожая цены на рожь в Германии ниже, чем в марте и апреле, когда начинает чувствоваться истощение хлебных запасов. Выше мы видели, что средняя берлинская оптовая цена в марте и апреле 1923 г. около 1 р. 17 к. за пуд. Между тем оптовая цена пуда ржи в Берлине, также в зол. коп., составляла после сбора урожая 1922 г. в среднем за месяц:

в сентябре	1 р. 04 к.
„ октябре	1 „ 03 „
„ ноябре	1 „ 04 „

В среднем за год можно считать около 1 р. 10 к. за пуд. Ожидать повышения хлебных цен в Европе и Германии после урожая 1923 г. не приходится, ибо «сведе-

ния о состоянии озимых на европейском континенте благоприятны» («Торг. Бюл.» от 5 мая), и «равным образом благоприятные сведения поступают из Австралии, Индии и Аргентины». Как велик может быть при таких условиях чистый доход советского государства от государственного хлебного экспорта?

При средней берлинской оптовой цене в 1 р. 10 к. надо оставить германскому покупателю хоть 6 или 7 коп. прибыли, чтобы он вообще стал покупать у нас рожь для оптовой продажи ее в Берлине по 1 р. 10 к. Не менее 3 или 4 коп. должен стоить провоз от германского порта до Берлина с нагрузкой и выгрузкой и организационными расходами. Наконец, морской фрахт от Петербурга до Германии с нагрузкой и выгрузкой и прочими расходами еще около 5 коп. Таким образом, пуд ржи для заграницы в Петрограде должен стоить не более 95 коп. зол. Доставка в Петроград по ж. д. из районов заготовки при нынешнем ж. д. тарифе, согласно приведенным проф. Лященко в «Эк. Ж.» от 13 мая сведениям («К вопросу о жел.-дор. тарифах»), стоит около 25 коп. зол. В интересах экспорта эти тарифы понижаются теперь на 10%. Организационные и пр. расходы по заготовке, доставке и продаже хлеба надо считать около 7 коп. на пуд. Остается таким образом 65 коп. за пуд. Так как русская цена ржи около 50 коп., то остается в пользу государства около 15 коп. зол. чистого дохода на каждом вывезенном пуде. Поскольку часть вывозимого хлеба пойдет из поступлений от с.-х. налога, и часть будет заготовляться в районе с особенно низкими ценами (в среднем 30 коп. пуд),—средний чистый доход можно считать не менее 20 коп. и даже 25 коп. на пуд. При этом еще в районе с особенно низкими ценами на хлеб заготовительная цена его при покупке у крестьян может быть даже довольно чувствительно для этих районов повышена,—примерно с 30 до 40 коп. зол.

При вывозе 200 милл. пуд. это дает, во-первых, чистый доход не менее 40 и до 50 милл. руб. зол. Во-вторых, увеличить примерно настолько же валовой доход транспорта и тем понизит на некоторую сумму и дефицит его (также покрываемый эмиссией), почему можно считать уменьшение потребности в эмиссии на сумму нескольких десятков милл. руб. зол. в год. Вывезти же 200 милл. пуд. хлеба в год по состоянию русского транспорта и заграничного спроса вполне возможно. По состоянию русского земледелия можно было бы и больше. Ведь, уже в текущем 1922—23 хоз. году избыток хлеба в Рос-

сии, по осторожным подсчетам ЦСУ, составлял около 100 милл. пуд. (из него мы вывозим пока лишь около 30 милл. пуд.). Но предстоящий урожай должен дать гораздо более прошлогоднего (1922 г.) уже в силу одного расширения площади посевов, даже при средней урожайности (которую в среднем для страны можно считать обеспеченной). Озимые посевы, по подсчету ЦСУ, возросли в среднем более чем на одну шестую. Яровой клин тоже возрастает (вопреки пессимистическим ожиданиям уменьшения посева под влиянием низких хлебных цен). По сообщению «Эк. Ж.» от 16 мая, на Украине, напр., по подсчету НКЗема, площадь озимого и ярового клина вместе с 14 милл. дес. в 1922 г. повышается до 16 милл. дес. в 1923 г. (т.-е. достигает уже 84% посева 1916 г. вместо прежних 70%). Эти сведения означают, что Советский Союз соберет примерно на 500 милл. пуд. хлеба больше, чем в 1922 г. Значит, в материале для экспорта недостатка не будет.

Конечно, нельзя просто считать, что для экспорта у нас будет теперь уже 600 милл. пуд., т.-е. повторение прошлогоднего избытка в 100 милл. пуд. и дополнительный избыток в 500 милл. пуд. от расширения посева. Во-первых, около 200 милл. пуд. из дополнительного избытка надо считать на покрытие дополнительных 100 милл. руб. зол., на какие увеличено обложение деревни для предстоящего хоз. года сравнительно с ныне оканчивающимся. Во-вторых, значительную часть надо считать на дальнейшее расширение земледелия и животноводства, с целью более полного приближения его к довоенному уровню. Но за всем тем, даже при наибольшей осторожности, у нас останется для вывоза за границу скорее больше, чем меньше 200 милл. пуд. С таким количеством справится и наш транспорт при систематической работе в течение года во всех подходящих направлениях. Для непрерывности этой работы, и по другим соображениям, окажется, вероятно, целесообразным вывезти за границу часть зерна, полученного в виде натурной части с.-х. налога, а потребление неземледельческого населения строить в соответственной части на покупном хлебе (закупаемом у крестьян кооперацией и Хлебопродуктом).

* * *

В общем итоге таким образом можно сказать, что оба средства материального увеличения государственных рессурсов (обложение деревни и государственный хлеб-

ный экспорт) в начинающийся скоро новый хоз. год способны дать государству примерно около половины той суммы, какая необходима для полного уничтожения вредного влияния эмиссии на курс рубля в настоящее время. Это уже настолько крупное достижение в деле борьбы с эмиссией, что никак нельзя «в качестве второстепенного» сбрасывать его со счетов, а наоборот—на дальнейшем развитии тех же материальных предпосылок оздоровления надо сосредоточивать внимание и впредь. Тогда, если в 1923—24 хоз. году мы убьем вредное влияние эмиссии на половину, то в 1924—25 хоз. году добьем его до конца, а в следующем вообще прекратим печатанье новых денег (если до тех пор не последует войны). Нам надо не менять политику в области основных методов борьбы за оздоровление финансов и денежного обращения, не переходить от ставки на меры по накоплению материальных средств к ставке на формальное «искусство», но продолжать с необходимой выдержкой итти по тому пути, на какой только что стали.

До окончательного успеха не раз еще повторятся значительные скачки в движении курса рубля, поскольку, особенно по тем или иным причинам, эмиссия не будет итти до некоторой степени равномерным потоком (с учетом постепенного уменьшения по мере прироста заменяющих ее средств), а будет испытывать то чрезмерное суживание, то последующее за ним скачкообразное расширение с дальнейшим потрясением курса (сравни февраль, март, апрель 1923 г.). Но такие скачки курса столь же неизбежны по пути к полному оздоровлению, как встряхивание на «воздушных ямах» при полете на аэроплане, и вовсе не приходится нервничать из-за них вплоть до проповеди в качестве «единственного выхода» полного перенесения центра внимания с мер материального на меры формально-технического характера. Накопление материальных средств в распоряжение государства для уничтожения бюджетного дефицита и прекращения печатанья новых денег—вот действительный «единственный выход» вместо измышления финансовых фокусов на пустом месте.

Мы уже 2½ года твердим о необходимости прекратить эмиссию, а она абсолютно почти непрерывно растет и составляет последнее время в среднем за год около 30 милл. руб. в месяц в золотом исчислении. Тогда как без падения курса рубля можно выдержать длительно при данных условиях лишь не более 10 милл. руб. зол.—

и то лишь временно, пока продолжается процесс первоначального производственного развертывания страны, требующий увеличения денежной массы (или повышающий цену старых денег при неизменности их количества). Только теперь, благодаря обеим указанным выше мерам материального характера (обложение деревни и государственный экспорт),—впервые создается возможность ожидать и на деле для предстоящего хозяйственного года сведения эмиссии с 30 милл. до 20 или 15 милл. руб. зол. в месяц. А пока боролись против эмиссии преимущественно резолюциями или попытками из одного государственного кармана переложить в другой государственный же карман (попытки усиленного обложения государственной промышленности), до тех пор сумма эмиссии из полугодия в полугодие неизменно оказывалась все выше и выше.

Только теперь мы встали на верную дорогу в деле оздоровления денежного обращения. Стать на эту дорогу дал нам возможность постепенный под'ем промышленного и земледельческого производства. Без него нельзя было бы проводить политику увеличения материальных средств государства, а без этого увеличения нельзя уничтожить дефицит и эмиссию. Финансовое хозяйство—это не алхимия и не волшебная магия, где чудесными или умно придуманными фокусами предполагается возможным заменить материальную зависимость земных явлений.

Подчинить всю совокупность мероприятий, в том числе финансовых, интересам развития производства, развития производительных сил, руководимых диктатурой пролетариата,—в этом и заключается дорога к оздоровлению самих финансов. Оздоровление финансов вырастает надежно только на почве предварительного оздоровления хозяйства и по мере его проявления—эту, азбучную истину необходимо, очевидно, при нашем уровне хозяйственной культуры напоминать вновь и вновь. Если в Москве скопляется, скажем, 40% всех денег, но это нужно для производства,—то это правильно, ибо финансы—служанка производства. И раньше, чем вносить перемены, надо неоспоримо доказать, что производственно-хозяйственные условия страны такого распределения денежных знаков не требуют. Такого доказательства нет—наоборот, можно думать, что развитие товарного оборота в провинции сможет без принудительного вмешательства государства передвинуть туда необходимую долю денежных знаков

без особых трудностей. Остановка, стало быть, за этим товарным оборотом, за ростом государственной торговой организации в провинции и т. п., а не за техникой разассигновывания денег и за тому подобными мерами формального свойства. Из чего, конечно, отнюдь не следует, что в формальном отношении можно проявлять какую угодно небрежность, нелепость и пр.,—нет. Но исправление этих плохих качеств, естественно, может быть, привлекающее внимание специалиста, не должно выпячиваться на первый план, с об'явлением второстепенными и не стоющими следовательно пока центрального внимания как раз мер решающего материального характера. Словом, как во всех областях народного хозяйства, так и при постановке денежно-финансовых вопросов, необходим подход с точки зрения экономиста, а не специалиста инженерного, банковского и т. п. дела. На почве и в рамках общей экономической постановки вопроса только и возможен полезный труд специалистов. Замена же одного другим неизбежно приводит к воскрешению в памяти знаменитого изречения Козьмы Пруткова: «специалист подобен флюсу»—и каждый из них найдет «единственный выход» как раз в той технической подробности, с какой чувствует себя интимнее.

С точки зрения же экономиста, и само прекращение эмиссии является не самоцелью, а служебным средством по отношению к укреплению хозяйства пролетарского государства. Потому, если в силу каких-либо обстоятельств в будущем для этого хозяйства оказалось бы почему-либо выгодным даже эмиссию сократить в меньшей степени, чем в какой было бы достигнуто увеличение заменяющих ее средств,—мы это хладнокровно бы и сделали, покупая, напр. некоторое расширение размаха некоторым замедлением темпа упразднения эмиссии. Для нас и здесь был бы вопрос расчета, факта выгодности, а отнюдь не принципа.

Бюджет и деревня.

Одним из центральных вопросов русской жизни является и долго еще будет являться вопрос о степени участия крестьянства в несении тягот государственного и местного хозяйства. Необычайно небрежное обращение со статистическими данными не раз вело в этой области к самым превратным представлениям. Иногда спокойно сравнивается нынешняя продукция сельского хозяйства с довоенной, при полном забвении, что до революции до 15% валового производства приходилось на капиталистические предприятия в сельском хозяйстве, а не на крестьянские. Иногда сумма нынешних государственных и местных доходов сравнивается только со старым государственным бюджетом при полном забвении о доходах волостных, городских и земских. Иногда при сравнениях совершенно упускаются из виду промысловые доходы крестьянства, и падающая на крестьян часть общего бремени сравнивается только с сельско-хозяйственной частью их доходов. Иногда к бремени, падавшему до войны на крестьянское хозяйство, совершенно забывают присчитывать уплату аренды на землю помещичью, удельную, казенную и монастырскую, а также платежи в крестьянский банк и по прочим покупкам права на землю. Иногда забывают понизить цену нынешней продукции, соответственно нынешнему падению цен на деревенские продукты. Иногда сравнивают подсчеты, произведенные по разным индексам, отличающимся друг от друга на 15 и 20% и более. Иногда падение хлебных цен упрощенно распространяют на всю крестьянскую продукцию. Иногда определяют бюджет крестьянского хозяйства, как будто бы оно сплошь на все 100% было товарным и продавало на рынке решительно все свои продукты. Иногда соединяют вместе целый ряд таких методологических ошибок и присоединяют к ним еще некоторые дополнительные.

Между тем, в этой области, раньше, чем судить вкривь и вкось, необходимо уяснить себе действительную картину, а не те ее извращения и искажения, какие получаются в результате указанных выше неграмотных и небрежных операций. В этом прежде всего и состоит сейчас наша задача. Пользуемся мы исключительно оффициальными материалами, при чем всюду, где имеет место пересчет в довоенные рубли,—мы заимствуем его у Наркомфина, произведшего этот пересчет по всероссийскому индексу кон'юнктурного института НКФина.

Продукция сельского хозяйства складывается из земледелия, животноводства, огородничества, садоводства. Перед войной, в нынешних пределах Советского Союза годовая цена этой продукции составляла около 6 миллиардов довоенных рублей. На этой величине сходятся как подсчеты прежних правительств, так и нашего ЦСУ. Например, известная работа министра временного правительства Прокоповича о национальном доходе 50 губ. Европ. России дает около 5½ миллиардов для этого района, что, за пропорциональным вычетом временно отошедших территорий (Бессарабия, Латвия и пр.) и с прибавлением Азии и Кавказа, приведет к величине немногим свыше 6 миллиардов. Наше ЦСУ определяет цену продукции сельского хозяйства в 1912 г. в тогдашних золотых рублях в нынешних пределах Советского Союза в 6.117 милл. руб. (ст. т. Попова в сборнике комиссии СТО «На новых путях», стр. 193, вып. 3). Из этой оценки можно, следовательно, исходить с достаточным приближением к истине.

Цену годовой продукции сельского хозяйства нельзя смешивать с годовым доходом крестьянского хозяйства. Чтобы получить крестьянский доход, надо из цены сельско-хозяйственной продукции вычесть ту часть, какая приходится на некрестьянское (помещичье, капиталистическое) производство, а затем надо прибавить к ней не-сельско-хозяйственные, т.-е. промысловые, доходы крестьянства.

Не следует смешивать капиталистического производства в сельском хозяйстве с помещичьей собственностью. Площадь помещичьих полей была гораздо больше того посева, какой помещики засевали при помощи наемных рабочих. Ибо большую часть своих полей помещики сдавали в аренду крестьянам, и арендованные таким образом земли обычно яв-

лялись частью крестьянского хозяйства (и орудием обложения его в пользу помещиков путем взимания арендной платы за право пользования землею). По всероссийской сельско-хозяйственной переписи 1917 г., на настоящий капиталистический посев приходилось всего лишь около 10% всего посева страны, хотя площадь крупного землевладения занимала гораздо большую долю всех удобных (т.-е. пригодных для сельского хозяйства) земель. На основании многочисленных исследований земской статистики в разных частях России, известно, что капиталистические хозяйства более чем на половину превышали хозяйства крестьянского типа по величине урожая с одной десятины и т. д. Потому из всей годовой цены довоенной продукции сельского хозяйства приходится около 15% на продукцию капиталистического, некрестьянского хозяйства. Следовательно, из всех 6 миллиардов на продукцию сельского хозяйства крестьян приходилось до войны около 5,1 миллиарда рублей.

Строгий подсчет дал бы для крестьянского хозяйства, пожалуй, еще меньшую долю. Ибо, во-первых, к довоенному хозяйству крестьянского типа отнесены все владения менее ста десятин в каждом. Между тем, несомненно, часть их, особенно в области огородничества и садоводства (или, например, табачные плантации), были капиталистическими хозяйствами с десятками наемных рабочих. Во-вторых, при этих подсчетах условно считались некапиталистическими хозяйствами все крестьянские надельные владения (т.-е. полученные при освобождении от крепостного права, или вообще наделенные государственной властью, например, отведенные казакам, переселенцам, колонистам и пр.). Между тем, хотя и немного, но все же были и на этих землях (особенно среди казаков и колонистов) капиталистические хозяйства со сравнительно значительным количеством наемных рабочих. По обеим этим причинам приведенный расчет надо считать преувеличенным в пользу крестьянского хозяйства «нормального типа». Действительный размер продукции среднего крестьянского некапиталистического хозяйства был меньше, действительное положение крестьян до войны было несколько хуже, чем мы это здесь принимаем.

Что касается доходов крестьян от промыслов, то сюда входят как доходы от кустарной промышленности, так и от работы по найму в помещичьих экономиях, в отхожих промыслах (извозный, строительный промысел,

лесные работы, услужение и т. д.), присылки от отпущенных на фабрики членов семьи и пр. Совокупность этих промысловых доходов крестьянства составляла перед войной около 1.300 милл. руб. в год (подробную сводку имеющихся данных читатель найдет в выходящей скоро книге т. Л. Крицмана «Пути русской революции», посвященной в значительной части дореволюционной экономике). При этом мы не принимаем, конечно, во внимание работы по найму внутри самого крестьянства. Поскольку одни крестьяне нанимали других, происходило лишь соответственное распределение итогов продукции между хозяевами и рабочими, при чем обе части входят уже в 5 миллиардов рублей, составляющих годовую цену продукции сельского хозяйства крестьян до войны. Наоборот, поступления от работы в помещичьем сельском хозяйстве должны быть засчитаны, как являющиеся дополнением к собственной продукции крестьянского хозяйства, а не простым ее распределением.

Конечно, если бы выделить специально крестьянина середняка, кулака и беднейшего, то пришлось бы учитывать и внутрикрестьянские отношения найма. Тем, что мы этого не делаем, мы опять-таки получаем для дореволюционного времени приукрашенную картину положения середняка и беднейшего. Но мы не делаем этого, во-первых, по недостатку охватывающих всю Россию достаточно полных данных, а во-вторых, — из желания скорее прикрасить положение среднего крестьянина до войны, чем принять его мрачнее действительного. Такое желание об'ясняется стремлением никоим образом не преувеличивать тяжести обложения, лежавшего на крестьянстве до войны (в интересах беспристрастного сравнения с нынешней тяжестью).

Таким образом, в итоге, валовая сумма годового крестьянского дохода до войны в нынешних пределах Советского Союза составляла около 6.400 милл. довоенных рублей, по нескольку преувеличенному расчету. Между тем, в нынешних пределах Советского Союза на 1 января 1914 г. на крестьянское население приходилось около 110 милл. человек (согласно данным ЦСУ в вып. I тома VIII его «Трудов»). Это дает в среднем 58 рублей довоенных валового дохода в год на одну душу крестьянского населения. Часть этого дохода поступала в денежной форме, от промыслов и от продажи части сел.-хоз. продуктов, а часть потреблялась в натуральной форме внутри самого хозяйства в виде известной доли производимого им хлеба, масла и т. д. В общем, на это

натуральное потребление приходилось около 50% всего среднего крестьянского бюджета. На другую свою половину крестьянское хозяйство было вовлечено в денежно-товарное хозяйство уже до войны.

Из 58 руб. на душу в среднем, которыми в общем, — в натуре и в деньгах,—обладал крестьянин в год до войны, он должен был выплачивать царско-помещичьему государству весьма значительную часть в разных видах:

а) по государственному бюджету;

б) по земскому и волостному бюджету;

в) по платежам за право пользования ненадельной землей в виде арендной платы;

г) по платежам за право пользования ненадельной землей в виде процентов в «крестьянский банк» и за покупные обществами и товариществами земли;

д) по страхованию.

Все эти платежи установлены весьма точно, ибо соответственные данные публиковались при царизме весьма аккуратно, так что спора о размерах падавших тогда фактически на крестьянское хозяйство платежей не было раньше и не существует теперь. Мы исключаем из сравнения платежи по страхованию по трем причинам: 1) в общей сумме они играли незначительную роль, 2) в настоящее время крестьянство обложено на страхование (от огня и так далее) еще меньше, чем до войны, 3) нет под рукой полных данных о страховании. Этот незначительный пропуск может изменить общую картину лишь ничтожно, притом в сторону сравнительного преуменьшения довоенного обложения крестьян, а не сравнительного преувеличения (ибо до войны тяжесть страхования была больше нынешней). Таким образом, мы и тут несколько приукрашиваем довоенное положение крестьян, в действительности оно было хуже.

Поступление государственных доходов за 1913 год составило в тогдашней Российской империи 3.321 милл. руб. довоенных. Для надобностей сравнения работники НКФ исключили отсюда ту часть доходов, какая собрана на территориях, не входящих ныне в Советский Союз (Латвия, Эстония и т. д.). Тогда для нынешних пределов Советского Союза остается 2.712 м. р. довоенных (стр. 69 вып. 3 за 1923 г. «Эк Сборн.», изд. «Эк. Ж.»). Но из этого нужно исключить оборотные рас-

ходы, т.-е. расходы по эксплоатации железных дорог, казенных заводов, почтово-телеграфной связи, по заготовке водки и т. д., покрывавшиеся доходами от них. Ибо эта оборотная часть расходов и доходов не являлась обложением населения, а представляла собой реальную цену действительно доставляемых населению продуктов или услуг. Общая сумма этих оборотных поступлений по всей Российской империи за 1913 г. составила около 1 миллиарда руб., а для нынешних пределов Советского Союза около 800 милл. руб. Чистое обложение по государственному бюджету составило таким образом по всей империи около 2.300 милл. руб., а в нынешних пределах около 1.900 милл. руб. Если бы тяжесть обложения распределена была поровну между всеми жителями (в соответствии с их числом, а не с их доходом), то на душу это дало бы в среднем около 14 руб. довоенных в год. Но доход крестьян был настолько ниже среднего дохода прочих частей населения, что путем государственного бюджета даже царское правительство, как показывает детальное рассмотрение статей дохода, брало с крестьян только по 10 руб. в год в среднем с души. В то время, как на остальных жителей приходилось в среднем почти по 30 руб. на душу.

Совокупность фактических поступлений по местным бюджетам за 1913 г. составила в бывшей Российской империи около 700 милл. руб., несчитая Польши и Финляндии. Но из этой суммы около 300 милл. руб. приходится на городские самоуправления (точнее, 297 милл. руб., согласно стр. 117 вып. 1 сборника комиссии СТО «На новых путях»). Эта часть при определении крестьянского обложения вовсе не принимается во внимание (хотя некоторые сборы поражали и посещавших базары крестьян и т. д.). Затем около 100 милл. руб. приходилось на волостные и сельские сборы, что можно считать почти полностью падавшим на крестьян. Наконец, что касается земств, то по 40 губ. Европ. России, где введено было земское самоуправление, — земские доходы составили 273 милл. руб. за 1913 г. (стр. 117 вып. 1 сборника комиссии СТО «На новых путях»). В отошедших от нас Латвии, Эстонии, Литве и Карсской области земств не было. Надо выключить Бессарабию и части отошедших к Польше губерний Волынской и Минской, после чего останется около 260 милл. руб. Сверх того, земские сборы, хотя в значительно меньших размерах, собирались и в остальных нескольких десятках губерний и казачьих областей, где земств не было,

в общем около 40 милл. Таким образом все земское обложение в нынешних пределах Советского Союза составляло перед войной около 300 милл. руб. в год.

По приводимым в сборнике комиссии СТО сведениям (стр. 117 там же), из всех доходов земств приходилось на сборы с земель, лесов и прочих недвижимых имуществ 64%, т.-е. около 200 милл. руб. Отбрасывая сборы с промышленных и прочих некрестьянских имуществ, получаем, что на крестьян падала почти половина всего земского бюджета, или свыше 140 милл. руб. довоенных в год.

Всего по местному бюджету (волостной и земский) крестьянское обложение составляло таким образом перед войной в среднем 2 рубля довоенных в год с души. Государственное и местное обложение вместе во всех их видах и формах, прямых и косвенных, достигало в деревне, следовательно, всего около 12 руб. в год с человека. Но этой ценой крестьянин покупал себе право работать только на той земле, которая была отведена ему государством в надел. А мы знаем, что крестьяне наделены были землей недостаточно, — с таким расчетом, что они обязательно должны были приарендовывать и прикупать у помещиков землю сверх надельной. Значительная часть крестьянского хозяйства велась на такой приарендованной и прикупленной земле. И за право пользоваться ею деревня облагалась в пользу господствовавшего класса уже не в форме государственного и местного прямого и косвенного обложения, а в форме прямой уплаты помещикам непосредственно (при аренде) или через крестьянский банк (при покупках).

Размеры аренды и арендной платы многократно, но не одновременно, по всей России обследовались земскими статистическими бюро. Известно, что в последнее время перед войной арендная цена с десятины за пользование землей значительно возросла. Она сильно колебалась по районам, но в каждом районе установлен крупный рост. К сожалению, нет общей сводки за 1913—1914 хозяйственный год, последний перед войной. У нас есть несколько более устарелая и несомненно преуменьшенная, хотя признаваемая всеми авторитетной, сводка С. Маслова, оценивающая аренду в 450 милл. руб. для Европ. России, без Кавказа, Польши и Финляндии, с крестьянским населением около 90 милл. чел. В среднем это дает 5 руб. на душу в год на уплату аренды, и мы принимаем во избежание всяких споров эту величину, хотя и считаем ее преуменьшенной по ряду соображений

и данных, которые приводить сейчас не место (действительная величина должна быть не менее 6 руб. с души).

Наконец, что касается ежегодных уплат в пользу помещиков за прикупленные к надельным земли, то здесь надо принять во внимание среднюю ежегодную площадь прикупок за последнее десятилетие перед войной, продажную цену, величину процентов в иронически названный царским правительством «крестьянским» банк и вносимую сразу при сделке часть. В итоге оказывается, что все это ложилось в среднем на душу крестьянского населения в размере всего 1 рубля довоенного в год.

Общая тяжесть государственного и местного обложения, включая аренду и ипотечные платежи, достигала таким образом перед войной в среднем 18 руб. в год с крестьянской души при среднем годовом крестьянском доходе в 58 руб. на душу. Крестьянину оставалось, следовательно, для себя и для своего хозяйства по 40 руб. в год на человека (частью натурой и частью деньгами). Посмотрим теперь, как обстоит дело в настоящее время, в 1922—1923 хозяйственном году.

Продукция сельского хозяйства в 1922—1923 хоз. году, по подсчету ЦСУ, составляет 70% от продукции сельского хозяйства до войны (см. «Кризис сбыта» т. Попова в № 3 «Эконом. Обозр.», стр. 10: «Сельско-хозяйственное производство сократилось по сравнению с довоенным временем на 30%»). В интересах легкости сравнения абсолютных размеров нынешней продукции сельского хозяйства с довоенной, мы будем проводить пока сравнение в довоенных ценах, как будто бы реальные цены на продукты сельского хозяйства не понизились сравнительно с довоенным временем. А поправку на понижение цен до нынешнего уровня введем тогда, когда дойдем до продажи деревней части своей продукции (для уплаты налогов и для удовлетворения непродовольственных потребностей).

Таким образом, если нынешняя продукция сельского хозяйства составляет 70% довоенной, то довоенная цена нынешней продукции равна 4,2 млрд. руб. довоенных (вместо 6 млрд.). Действительная величина скорее несколько выше, ибо, если взять прямой подсчет данных ЦСУ, то тов. Попов получает 4 млрд. рублей без Закавказья, Туркестана и Дальневосточья (см. ст. т. Попова «К вопросу о политике цен», № 47 «Экон. Жизни» за 1923 г.), а на эти три окраины вместе придется, конечно,

более, чем на 200 милл. руб. продукции сельского хозяйства. Так что мы можем считать оценку в 4,2 млрд. руб. для всей совокупности продукции земледелия, животноводства, садоводства и огородничества Советского Союза скорее преуменьшенной, чем преувеличенной. Почти вся эта продукция приходится теперь на крестьянское хозяйство, ибо роль совхозов все еще столь невелика, что целиком уложится в то преуменьшение, на какое отстает от действительности цифра 4,2 млрд. руб. Вряд ли вся продукция совхозов превышает значительно 100 милл. руб. по довоенным ценам.

Стоит отметить, что если вся нынешняя продукция сельского хозяйства по отношению к довоенному времени сократилась на 30% и составляет лишь 70% прежнего, то в том числе крестьянская продукция, продукция крестьянского сельского хозяйства сократилась менее чем на 20% (с 5,1 млрд. руб. до 4,2 млрд. руб.) и составляет теперь свыше 80% довоенного. Сокращение сельского хозяйства, как и естественно при данных условиях, в значительной мере имело у нас место за счет исчезновения не крестьянского, а помещичьего капиталистического сельского хозяйства. Притом мы имеем здесь дело с годом, следовавшим непосредственно за годом исключительно тяжелым по неурожаю в длинном ряде губерний, почему в этих губерниях нельзя было полностью засеять полей и т. д. Теперь перед нами кампания 1923 г., которая следует за удовлетворительным в общем урожаем 1922 г., и потому размах крестьянского хозяйства чувствительно усиливается. По данным ЦСУ, площадь озимых посевов оказалась на 18% больше предшествующей, а, по сведениям НКЗема, посев яровых увеличивается на 22% в среднем. Таким образом, если в 1923 г. промышленность подымается до 30% своей довоенной продукции, считая по довоенным ценам [1]) (за 1922 г. в среднем, согласно подсчету Госплана, она достигла 24%), то крестьянское сельское хозяйство достигнет уже не менее 90% своей довоенной продукции, тоже считая по довоенным ценам.

---

[1]) Счет по довоенным ценам дает возможность сравнить размеры производства в их натуре: больше или меньше произведено ситца или хлеба. Но для сравнения реальной цены нынешней продукции в настоящее время надо вспомнить, что реальные промышленные цены в среднем поднялись на треть, а реальные сельхоз. цены в среднем понизились на четверть. Так что по цене, а не по количеству предметов, соотношение таково: для промышленности 40%, а для крестьянского сельского хозяйства меньше 70% довоенной цены их продукции.

Если по размерам производства крестьянское сельское хозяйство уже в 1922—1923 хоз. году отставало от своей довоенной величины менее, чем на одну пятую (а по современной своей цене менее, чем на одну треть), то гораздо значительнее оказывается сокращение промысловых доходов крестьянина. Осталась сильно сжавшаяся кустарная промышленность (оценивавшаяся ЦСУ для 1922 г. несколько выше 100 милл. руб. по довоенным ценам—если взять 1922—1923 хоз. год, то оценку эту придется повысить), затем довольно значительные лесные работы, очень слабый платный извоз, незначительные занятия в совхозах, торфяные работы и т. д. Присылки из города, можно считать, прекратились. В целом доход крестьянства от промыслов сократился, примерно, в пять раз против довоенного и составляет лишь около 250 милл. руб. довоенных в год.

Общая сумма крестьянского дохода составляет, таким образом, в 1922—1923 хоз. году всего около 4.450 милл. руб. по довоенным ценам, при чем составные части этого дохода изменились таким образом:

	до войны	теперь
от сельского хозяйства	80%	95%
„ промыслов	20%	5%

Крестьянский бюджет, как и следовало ожидать при данных условиях, стал в гораздо большей степени сельско-хозяйственным, чем раньше. Что же касается размеров его на душу, то он достигает лишь немногим больше 40 руб. на душу в год по довоенным ценам, в том числе 38 руб. от сельского хозяйства и 2 рубля от промыслов. А до войны он равнялся 58 руб., в том числе 46 руб. от сельского хозяйства и 12 руб. от промыслов, при чем за вычетом всех видов обложения крестьянству оставалось 40 руб. для себя и своего хозяйства. Теперь же из 40 руб. приходится еще платить налоги, да отчасти еще терять на цене при продаже поступающей на вольный рынок части своей продукции. Перейдем к установлению обеих этих величин.

Подсчет падающего на крестьян обложения значительно облегчается в настоящее время тем, что нет аренды, нет ипотечных платежей, надо только определить крестьянскую долю во всей совокупности государствен-

ных и местных доходов. Для этого мы пользу
тировочным государственным и местным бі
1922—1923 хоз. год, составленным Наркомф
военных золотых рублях по всероссийском
кон'юнктурного института НКФ и опублікова
чение марта (государственный бюджет тов. С
вым в «Торг.-Пром. Газ.» от 1-го марта и ме
«Экономической Жизни» от 27 марта).

Вся сумма государственного бюджета соста
гласно этому, 1.211 милл. довоенных руб. золо
бы получить товарные рубли Госплана, надо в
бюджета НКФина увеличить на 10%, т. ч. об
ма бюджета по Госплану будет 1.333 милл. ру
ных. Но в интересах сравнения и во избежание лишних пересчетов мы будем везде дальше считать не в товарных рублях Госплана, а так, как считал Наркомфин, в золотых довоенных рублях по всероссийскому индексу кон'юнкт. инст.

Из государственного бюджета необходимо исключить оборотные поступления, не являющиеся обложением населения, а лишь платой (притом обычно уменьшенной ниже себестоимости) за фактически оказываемые хозяйственные услуги. Сюда относятся транспорт и Наркомпочтель, что вместе составляет 295 милл. руб. Остальные оборотные поступления в бюджете незначительны, на них можно считать около 6 м., так что без этой оборотной эксплоатационной части весь государственный бюджет составляет на текущий хозяйственный год 910 милл. р., которые и должны быть собраны с населения в различных видах (продналог, эмиссия, денежные налоги, займы и пр.).

Что касается местного бюджета, то все поступления по нему ожидаются в размерах 315 милл. руб. Из этого нужно исключить, во-первых, выдачу из средств государственного бюджета (денежные и натуральные дотации и ссуды), как уже засчитанные по государственному бюджету, что составляет 75 милл. руб. Во-вторых, надо исключить оборотные эксплоатационные расходы по коммунальным и прочим предприятиям (48 милл.) и имуществам (2 милл.), а всего 50 милл. Таким образом, та часть местного бюджета, которая в разных видах и формах является обложением населения (напр., в виде значительного чистого дохода от предприятий и имуществ в размере 70 милл. руб.), эта часть составляет лишь 190 милл. руб. в год.

Вся сумма предполагаемого извлечения средств из населения всеми приемами и во всех формах по государственному и местному бюджету вместе составляет, таким образом, всего 1.100 милл. руб. Можно, конечно, сомневаться, будет ли бюджет во всех решительно частях выполнен в 100%. Действительность не приучила нас к этому, а так как из бюджетного года половина уже прошла, то не найдется никого, кто решился бы признать преувеличением предположение, что в общем бюджет будет за год недовыполнен на 10%. Если бы удалось достичь, что бюджет на деле будет недовыполнен за год только на 10% и составит реально 1.000 милл. р., вместо предположенных 1.100 милл. руб.,—все были бы довольны таким результатом. Но мы все-таки будем вести подсчет, как будто бы все предположения обязательно будут выполнены в 100%, и только в конце подсчета уменьшим результат на 10%, чтобы не слишком преувеличивать тяжесть обложения против реально существующей.

Надо подсчитать, какая часть всех 1.100 милл. руб. падает на крестьянство. Сначала приведем основные черты нашего подсчета, а затем для сравнения сообщим результаты, к каким пришли по этому поводу работники Наркомфина, в лице сообщившего их в «Правде» тов. Владимирова.

По государственному бюджету с крестьян поступает. во-первых, натурналог в размере 250 милл. руб. Из остальных 60 милл. прямых налогов (промысловый, денежная часть гужналога и т. д.) с крестьян поступает около 17 милл. руб. Затем, из 145 милл. руб. косвенных налогов и пошлин на крестьян, как показывает детальный разбор, приходится не свыше 30%, что дает около 45 милл. руб. Из эмиссии, определяемой бюджетом в 311 милл. руб., надо считать на долю крестьян теперь треть, что дает 104 миллиона руб. Правда, работники Наркомфина в полемике против меня не раз утверждали, что эмиссия теперь почти целиком поражает именно промышленность и рабочих. Но полагаю, что было бы преуменьшением крестьянского обложения, если бы действительно почти ничего не считать из эмиссии на долю крестьян. Треть взята мною по той причине, что почти вся эмиссия через НКФ или Госбанк раньше всего попадает для выдачи заработной платы рабочим и служащим, как состоящим на бюджете, так и хозрасчетным. При их численности и при нынешнем среднем заработке легко видеть, что этого достаточно для помещения всей

эмиссии и требуется еще даже добавка, выдаваемая обычно транспорту и прочим натуральными отпусками в счет ассигновок (из продналога) и добавлением дензнаков из денежных поступлений. Между тем бюджет рабочих и служащих показывает, что на продовольствие сельскохозяйственного происхождения они тратят в настоящее время в среднем лишь одну треть своего бюджета. Не выше трети эмиссии идет, таким образом, на извлечение продуктов от крестьян (скорее меньше, ибо часть этой трети остается у городских посредников).

Что касается 72 милл. руб., ожидаемых от займов, то поскольку речь идет о хлебном займе, то он погашается так быстро, что не может быть речи об обложении, об извлечении этим путем из деревни средств надолго,—это, действительно, краткосрочная кредитная операция, завершающая весь свой круг менее, чем в один год. Поскольку же речь о выигрышном займе, он размещается преимущественно в городах (попадающая в деревню часть более чем уравновешивается размещаемой в городе частью хлебного займа).

Остальные денежные поступления необоротного характера по государственному бюджету составляют 71 м. руб. и по характеру этих поступлений падают не на деревню. Зато с нее собираются на местные нужды «самочинные» сборы (исполкомами) на сумму, вероятно, около 45 милл. руб. зол. в год.

Наконец, что касается местного бюджета, то из 190 милл. прежде всего, как было уже указано, на чистый доход от предприятий и имуществ приходится 70 милл. Из остальных 120 милл. на долю крестьянского обложения приходится менее 52 милл. руб., и это еще весьма хороший процент в сравнении с тем, что было в предшествовавшем бюджетном году (1922)—увеличение в несколько раз. Все легальное прямое обложение составляет, таким образом, около 320 милл. руб., косвенное около 45 милл. руб., самочинное тоже около 45 м. р. и эмиссионное около 100 м. р. (некоторые считают самочинное несколько выше, но зато эмиссионное ниже).

В общей совокупности на крестьян падает не свыше 511 милл. руб. из общей суммы (1.100 милл. руб.) по всем видам извлечения рессурсов по государственному и местному бюджетам вместе, в том числе половина приходится на натурналог, одна пятая на эмиссию и остальное на денежное обложение (около 30%). Выше мы указали, что полученный результат для его реаль-

ности надо уменьшить не менее, чем на 10%. Собственно, мы делали подсчет с такими преувеличивающими долю крестьян допущениями, что можно было бы без риска допустить уменьшение и более, чем на 10%. Но, ограничиваясь даже только этими 10%, получаем, что вся падающая на крестьян тяжесть обложения во всех его видах составляет реально только 460 милл. руб. довоенных на 1922—1923 хоз. год, считая все.

Это по нашему подсчету, а по оценке замнаркомфина тов. Владимирова, опубликованной им в «Правде» (ст. «Жить по средствам»), вся тяжесть крестьянского обложения достигнет в 1922—1923 г. лишь 450 милл. руб. Следовательно, в данном случае почти точно сходятся результаты подсчетов и моих, и наркомфинских. Я не очень склонен поздравлять себя с таким результатом, ибо преувеличенность оценки НКФина вряд ли может вызывать сомнения — у меня же преувеличенность преднамеренная, вытекающая из толкования всех сомнительных случаев в сторону переоценки наличной тяжести крестьянского обложения, чтобы не впасть в ее недооценку.

Во всяком случае, раз и критики и апологеты сходятся на одном, то можно считать с уверенностью всю годовую тяжесть крестьянского обложения никак уж не превышающей 450 милл. руб. А так как, согласно данным нашего ЦСУ, на сельское население у нас приходится теперь 110 милл. чел. (как и перед войной в наших пределах), то все обложение составляет теперь 4 р. довоенных в год на душу, если считать в современных ценах, в которых составлен бюджет. Если бы все обложение крестьяне покрывали исключительно хлебом (чего в действительности нет), то, для выражения этой величины в довоенных цифрах, ее надо было бы увеличить на треть (ибо довоенные хлебные цены выше нынешних), и тогда мы получили бы 5 р. 30 к. Это значит: если бы весь налог уплачивался хлебом, то надо было бы продать столько хлеба, сколько до войны стоило 5 р. 30 к. Наконец, если не предполагать реальный бюджет на 10% ниже предложенного НКФином ориентировочного, а ожидать выполнение его в 100%, то полученную величину надо соответственно увеличить. Тогда получим размер совокупности крестьянского обложения (при оценке продукции в довоенных ценах) почти в 6 руб. на душу. Это, кстати сказать, и есть та величина, которую приводит член коллегии НКФина т. Преображенский.

До войны вся совокупность обложения составляла на душу, как мы знаем, 18 руб. в довоенных ценах. Абсолютная тяжесть обложения деревни уменьшилась.

Для невнимательного или для неосведомленного наблюдателя это маскируется тем, что прямое обложение стало больше (благодаря продналогу). Прямое обложение теперь выше, чем при царизме, даже если взять все население Советского Союза, а не только одних крестьян. В 1913 г. все прямые государственные налоги в нынешних пределах Советского Союза дали только 210 милл. руб. (стр. 69 «Эк. Обозр.» за март 1923 г.), а, по ориентировочному бюджету НКФина на 1922—1923 хоз. год, они должны дать 310 милл. руб., не считая еще местных надбавок к государственным налогам (напр., к промысловому). Но косвенные налоги, составлявшие раньше основную массу доходов (водка, акцизы, пошлины), сократились во столько раз по сравнению с довоенными, что это сокращение более чем покрывает рост прямых налогов.

Однако, крестьянину, который помнит, сколько он платил до войны прямых налогов, и совершенно не знает, сколько с него собиралось косвенных (и совершенно не присчитывает к обложению аренду), крестьянину кажется, что с него берут больше прежнего. Прежний режим брал гораздо больше нашего таким косвенным скрытным путем, что крестьянин замечал меньше, чем когда мы берем в общем мало, но прямо. Ведь у нас косвенным путем берется почти лишь одна эмиссия да неполучившие особо крупного значения акцизы и т. п.

Совершенно ясно, однако, что для благосостояния крестьянства решающее значение имеет не форма, а размер взимания. Чтобы оценить относительную тяжесть установленного обложения для нынешнего крестьянского дохода, надо учесть процент товарности нынешнего крестьянского хозяйства, сделать поправку на понижение сельско-хозяйственных цен для соответственной части продукции и т. д., к чему теперь и переходим.

Мы видели, что в довоенных ценах нынешний средний годовой доход деревни составляет 40 руб. на душу, из них 2 руб. от промыслов и 38 руб. от сельского хозяйства. Из этого дохода отчуждается на сторону: 1) натуральный налог, 2) продается часть для уплаты денежных налогов, 3) продается часть с целью закупок

для себя. Сверх того, сумма рыночных отношений крестьянина должна вести к извлечению из его хозяйства части, соответствующей падающей на него доле эмиссии. Иначе на его долю не приходилось бы вообще вовсе покрытия эмиссии в какой бы то ни было доле.

Мы видели выше, что если предположить выполнение государственного и местного бюджета в 100%, то на долю деревни пришлось бы 511 милл. руб. обложения во всех его явных и скрытых формах, считая в современных ценах. На душу это дает около 4 р. 60 коп. (что при уплате только выручкой от продажи хлеба потребовало бы продажи такого его количества, какое до войны стоило бы около 6 руб.). Из этих 4 р. 60 коп. приходится, как мы знаем, на натурналог около 2 р. 30 коп., на эмиссию около 1 руб. и на денежное обложение около 1 руб. 30 коп. на душу в год, считая по современным ценам в довоенных золотых рублях по индексу НКФ.

За покрытием натурой внутрихозяйственных потребностей (пища людей, корм скота, семена и пр.) и за исключением внутрикрестьянских сделок, у деревни остается на продажу для 1922—1923 г., по подсчету ЦСУ, не более чем на 500 милл. руб. зол. по современным ценам (см. ст. т. Попова «Кризис сбыта» в «Эк. Обозр.» за март 1923 г., стр. 9). Покупки крестьянами друг у друга продуктов полеводства и скотоводства совершенно правильно не включены нашим ЦСУ в эту величину, ибо являются лишь внутренней передвижкой, несущественной для определения взаимоотношения деревни с внешним для нее миром (напр., уплата налогов государству, покупка продуктов промышленности). Наоборот, эти внутренние передвижки и отношения между различными частями деревенского населения весьма важны для учета, в какой доле падает проводимое ныне обложение на беднейшего крестьянина, в какой на середняка и в какой на зажиточного. Выяснение действительного классового распределения нынешнего деревенского обложения между различными частями населения деревни является для нас одним из важнейших вопросов. Но сейчас мы занимаемся здесь не им, а вопросом о совокупности деревенского обложения и товарной связи деревни с городом, как целого. Для такого рассмотрения вполне правильно произведенное ЦСУ исключение внутрикрестьянских сделок из учета рессурсов для оборота вообще и никем не оспаривалось.

Итак, из всей своей промысловой и сельско-хозяйственной продукции крестьяне имеют на продажу в теку-

щем сельско-хозяйственном году на сумму до 500 милл. руб. золотом, что дает на душу около 4 руб. 50 коп. в год. Из этого нужно заплатить 1 р. 30 коп. с души денежных налогов и сборов, а 3 р. 20 к. в современных ценах остаются для всяких закупок для себя предметов ремесленной и фабричной промышленности, для оплаты поездок по железной дороге и пользования почтой, для хотя бы льготной уплаты за получаемый лес и т. д. Вместе с тем, при производстве этих закупок и уплат на 3 р. 20 к. современных, из крестьянина должен быть извлечен падающий на него 1 р. в год по современным ценам на душу, составляющий его долю в эмиссии. Ибо другого случая извлечения из него этой доли эмиссии нет: остальную часть своего дохода он или потребляет натурой в своем хозяйстве, или сдает государству тоже натурой.

В действительности дело происходит даже еще сложнее: ведь из 1 р. 30 к. денежного обложения с души, крестьянин вносит в форме прямых государственных и местных денежных налогов, примерно, лишь треть, т.-е. 45 коп. А остальные 90 коп. с души с него взимаются различными видами косвенного обложения. Так что если он всего продает на 4 р. 50 коп. с души по современным ценам, то из них он в виде прямых налогов внесет государству и местным исполкомам лишь 45 коп., а остальные свыше 4 руб. потратит как бы для удовлетворения своих нужд. Но в действительности при закупках и уплатах за оказываемые услуги из этих 4 руб. он внесет 90 коп. государству и местам, путями косвенного обложения. И кроме этого, производя эту продажу своей продукции на 4 руб. и затем удовлетворяя свои потребности на эту выручку,—он должен еще при этой операции потерять продуктов бесплатно на 1 рубль на душу, чтобы покрыть приходящееся на его долю извлечение продуктов путем эмиссии.

Откуда берутся те 4 руб. 50 коп. на душу по современным ценам, на какие крестьянин продает своей продукции? Отчасти из промыслового дохода, отчасти из продукции сельского хозяйства. Кустарные изделия, главным образом, обслуживают самое деревню (самодельные ткани, колеса и т. д.). Промысловые заработки употребляются преимущественно на внутрикрестьянские закупки продовольствия, ибо прирабатывают на стороне обычно члены тех семейств, где не хватает своего продовольствия. Потому для закупок в городе и т. п. из промысловых доходов можно считать лишь небольшую часть, примерно 30 к. на душу по современным ценам

(весь промысловый доход, как мы помним, 2 руб. в год на душу, и так как он, несомненно, в подавляющей части получает указанное выше назначение, то ошибка здесь вообще не может быть велика).

Остальные 4 р. 20 коп. на душу по современным ценам надо получить, продав соответственную часть своей сельско-хозяйственной продукции. По оптовым индексам Госплана, средний уровень цен для хлебных продуктов составляет теперь 72% довоенных цен, а средний уровень цен продуктов животноводства до 84%. В среднем сельско-хозяйственные цены составляют, таким образом, около трех четвертей довоенных. Поэтому, чтобы выручить по современным ценам 4 руб. 20 коп. золотом, надо продать на одну треть больше сельско-хозяйственных продуктов, чем пришлось бы для этого продать до войны. К 75% надо прибавить 25% для получения 100%, так и выходит, что при падении цены на четверть приходится продавать товаров больше на треть для получения требуемого количества рублей золотом. Таким образом, для получения 4 руб. 20 коп. по современным ценам надо продать такое количество сельско-хозяйственных продуктов, какое до войны стоило 5 руб. 60 коп.

Выше мы видели, что в виде натурналога в среднем вносится по 2 руб. 30 коп. на душу по современным ценам. Натурналог почти сплошь вносится хлебом, так как роль натуральной части трудгужналога в общей массе натурального обложения сравнительно невелика. Цена хлеба, по оптовому индексу Госплана, пала на 28% против довоенной и уже длительно стоит на этом уровне. Потому натурналог на 2 р. 30 к. золотом на душу по современным ценам соответствует такому количеству хлеба, какое по довоенным ценам стоило 3 руб. 10 коп. Мы знаем, что вся крестьянская продукция сельского хозяйства составляет теперь почти 38 руб. на душу по довоенным ценам, — значит натурналог по отношению к ней составляет в среднем 8%.

У нас часто сравнивают размер натурналога не со всей продукцией сельского хозяйства, а только с продукцией хлеба (включая картофель), и, понятно, получают неправильно преувеличенный результат. Ведь цена хлеба и картофеля составляет только менее половины цены всей продукции сельского хозяйства, а остальное приходится на продукты животноводства (масло, кожи, мясо, молоко и т. д., считая, конечно, и собственное крестьянское потребление), на продукты садоводства и огородничества, на технические растения (лен, хлопок, табак и т. д.) и на

все остальные продукты полеводства кроме хлеба и картофеля (напр., свекла, сено с лугов и пр. [1]). Если бы натуральный налог с сельского хозяйства неправильно расчитывать не на всю продукцию сельского хозяйства, а только на хлеб с картофелем, то должно было бы получиться не 8%, а много больше. И действительно, по произведенному т. Поповым в ЦСУ подсчету (см. «Эк. Обозр.» за март 1923 г., стр. 12), оказывается, что «продналог и другие поступления в натуре по отношению к валовой продукции зерновых культур и картофеля составляют в 1922—1923 году по РСФСР 14%, по Украине—11%, а в среднем по Союзу Советских республик—13%».

Теперь можно подвести некоторые итоги «товарности» крестьянского хозяйства и относительной тяжести обложения.

До войны, как упоминалось, крестьянское хозяйство было денежно-товарным свыше, чем на 50% своего бюджета. Остальная часть потреблялась натурой. Теперь крестьянское хозяйство является денежно-товарным примерно только на 25% и натуральным на 75% своего бюджета. Весь бюджет, если считать по довоенным ценам, составляет 40 руб, на душу, из них:

а) Промысловые доходы 2 руб. (из них небольшая часть на уплату налогов и т. д.).

б) Натурналог на 3 руб. 10 коп.

в) Продается сельско-хозяйственной продукции на 5 руб. 60 коп. (для оплаты налогов и приобретаемых некрестьянских товаров и услуг).

Остается для натурального потребления внутри собственного хозяйства свыше, чем на 29 руб. по довоенным ценам. А до войны оставалось для этого также не более, чем на 29 руб. (т.-е. 50% от 58 руб. всего дохода на душу). тоже считая по довоенным ценам. Иначе сказать, уровень натурального потребления крестьянином и его хозяйством не понизился сравнительно с довоенным временем даже и абсолютно. Крестьянство полностью сохранило эту важную позицию. На этой части своего бюджета, кстати сказать, оно ничего не теряет и от падения сельско-хозяйственных цен, ибо потребляет ее натурой (а она составляет почти три четверти всего бюджета).

На понижении цен крестьянство теряет только при продаже той части продукции, какую вообще продает,—

---

[1]) См. главу «Хлеб, цены и посев».

истина неоспоримая. А продает оно сельско-хозяйственных продуктов всего на 5 руб. 60 коп. на душу в год по довоенным ценам из всей своей сельско-хозяйственной продукции в 38 руб. на душу в год по довоенным ценам. Следовательно, продает оно всего только немногим более 14% своей сельско-хозяйственной продукции, одну седьмую часть [1]. Понятно, потеря на ценах не может иметь решающего значения для хозяйства при такой роли продажи, даже если эта потеря составляет, как теперь, в среднем 25% сравнительно с довоенными ценами. Ибо это сводится к потере лишь около 3% всей продукции в год.

Продавая сельско-хозяйственных продуктов на 5 руб. 60 коп. зол. в год на душу по довоенным ценам, деревня получает за это в действительности лишь 4 р. 20 к. зол. Следовательно, потеря равна излишней отдаче такого количества хлеба, какое до войны стоило 1 р. 40 к. В этом и заключается секрет покрытия крестьянами той доли эмиссии, какая на них теперь падает. Механизм заключается в том, что город дает деревне известное количество бумажных денег и в обмен за него получает столько сельско-хозяйственных продуктов, сколько до войны стоило 5 руб. 60 коп. довоенных. А затем, когда крестьянин сейчас же то же самое количество бумажных денег пред'являет для оплаты налогов, или для оплаты железнодорожных услуг, или для закупки городских изделий и т. д., это самое количество бумажных денег считается способным оплатить лишь 4 руб. 20 коп. довоенных по современным ценам. В результате, государство (и снабжаемый им эмиссией город) извлекает из деревни хлеба и других сельско-хозяйственных продуктов на 1 руб. 40 коп. по довоенным ценам, не давая ничего реального взамен, кроме «эмиссионных» бумажек, тут же принимаемых обратно по пониженной расценке, раз речь идет уже не о закупке на них продукции сельского хозяйства.

В итоге, на руках у государства и вообще города оказывается извлеченной этим путем продукция сельского хозяйства на 1 руб. 40 коп. по довоенным ценам с каждой души крестьянского населения в среднем в год. По современным ценам это составляет около 1 руб. золотом,

---

[1]) По прямому обследованию ЦСУ («Стат. Ежегодник», изд. 1923 г., стр. 322—323), в 1921—1922 г. из всего валового доходного бюджета крестьянина (натурального и денежного вместе) на поступления от продаж и обмена приходится в производящем районе 14,9% и в потребляющем районе только 5,3%.

ибо, как мы знаем, современная реальная цена сельско-хозяйственных продуктов в среднем на 25% ниже их довоенной цены. Так и извлекается тот один рубль золотом путем эмиссии с каждой крестьянской души, какой падает на нее, как мы видели, по государственному бюджету. Другого пути для такого извлечения из крестьянства эмиссионного дохода при нынешних условиях нет, ибо в остальных частях своего бюджета крестьянское хозяйство или натурально, или сдает государству налог натурой же и т. д. (см. выше).

Понятны поэтому ребячество и неоконченность такого подхода к делу, когда кто-нибудь пожелал бы сразу и сохранить в государственном бюджете доход от эмиссии,—этак миллионов на триста золотом в год, в том числе не меньше, чем на сто миллионов, с деревни, — да при этом еще одновременно уравнять нынешние реальные сельско-хозяйственные цены с довоенными, поднять их с 75% до 100%. При нынешнем положении понижение уровня сельско-хозяйственных цен против довоенного является основным методом извлечения эмиссионного дохода из деревни. Вычеркнуть же эмиссионный доход из своего бюджета, вычеркнуть этот скрытый вид обложения Советский Союз имеет возможность лишь путем увеличения на равную сумму явных видов обложения.

Эмиссионный доход не падает с неба и не рождается каким-нибудь образом. В условиях каждого типа хозяйственных взаимоотношений действует соответственный механизм его извлечения. При военном коммунизме свой, при господстве рыночных методов свой. Ныне, в условиях применения товарно-рыночных методов,— эмиссионный доход, поскольку он падает отчасти на деревню, может извлекаться путем только более низкого уровня сельско-хозяйственных цен сравнительно со средним уровнем цен в стране. Выше мы видели, что для деревни это означает потерю лишь около 3% продукции, т. е. величину сравнительно незначительную для уничтожения «стимула» (достаточного побуждения, достаточной заинтересованности) к дальнейшему ведению хозяйства. Эта величина и является скрытым налогом на деревню в форме эмиссии.

Государство заинтересовано в замене этого скрытого налога явным по целому ряду всем известных соображений, о которых можно здесь не распространяться, хотя

бы потому, напр., что главной массой своей тяжесть эмиссии падает теперь как раз на пролетариат. Так как пролетариат выступает на рынке не продавцом вещественных товаров, а продавцом рабочей силы, то здесь механизм извлечения эмиссионного дохода несколько иной, но тоже лежащий, разумеется, в области рыночных отношений,—другого пути для извлечения эмиссионного дохода нет. Только здесь он извлекается не обесценением товаров, а обесценением рабочей силы, выступающей на рынке в качестве потребителя после получения заработной платы. В самом деле, у нас имеется около 5 миллионов рабочих и служащих.

Средний заработок около 12 руб. товарных в месяц, что дает около 60 милл. руб. в месяц на всех. Между тем на пролетариат падает около 200 милл. руб. эмиссии в год, т.-е. около 18 милл. руб. в месяц. Значит, для возможности этого заработок должен обесцениваться в среднем на 30% в месяц.

Механизм этого обесценения очень прост. Допустим: рабочие по окончании месяца работы точно, сполна и аккуратно получают на 12 товарных рублей советские бумажные деньги по курсу дня. Для обесценения, соответствующего величине падающей на них доли эмиссии, они должны потерять примерно 30% из этих 12 руб., ибо на общий месячный заработок в 60 милл. руб. падает извлечение эмиссией в 18 милл. руб. Это и происходит путем постепенного роста примерно на 30% дороговизны в тот месяц, в который рабочие фактически расходуют полученный ими заработок, т.-е. в месяц, следующий за его получением. Таким образом, реально всяких продуктов и услуг рабочий получит в конце концов значительно меньше, чем те 12 руб., какие он получил 30 апреля за работу в течение апреля месяца. Это означает, что разница, т.-е. соответственная часть его рабочей силы, вошедшая в цену изготовленных на фабрике или заводе изделий, — разница получена фактически фабрикой бесплатно, т.-е. за ту часть бумажных денег, за какую потом, в течение последующего месяца своей жизни, рабочий ничего не получил на рынке, вследствие постепенного обесценения бумажных денег в течение этого месяца.

С тех пор, как у нас установились сравнительно устойчивые рыночные отношения, как изжиты были последствия голода и т. д., — примерно с ноября 1922 г., — у нас и происходит среднее обесценение советского рубля примерно на 30% в месяц. Конечно, каждый тип отношений имеет свои особенности, и нельзя ожидать сохране-

ния наличных рыночных отношений неизменными на ряд лет подряд. Они были иными весной 1922 г. и будут, вероятно, иными весной 1924 г.—будут меняться пропорции, численные выражения эмиссионного дохода, и постепенно он вообще сойдет на-нет, замененный переложением обложения, главным образом, на другие классы. Точно также нельзя некритически распространять представление о роли указанного механизма извлечения эмиссионного дохода, напр., на период военного коммунизма, когда денежная часть заработной платы вообще была сравнительно весьма малой, и т. д.

Вся тяжесть обложения деревни, если считать, что будут на 100% выполнены и государственный и местный ориентировочные бюджеты НКФ, как мы видели, составляет 4 руб. 60 коп. зол. в современных ценах на душу в год, в том числе 2 руб. 30 коп. натурналога, 1 руб. 30 к. денежных поступлений и 1 руб. от эмиссии. При исчислении тяжести обложения правильно оставить в стороне доход от эмиссии, самая возможность реализации которого является следствием нынешнего соотношения уровня рыночных цен, а не следствием принудительного взыскания государством, каким является поступление натуральных и денежных налогов. Ибо уровень цен на вольном рынке не устанавливался у нас государством, а государство должно было с ним считаться, как с наличной величиной, и затем уже пытаться повлиять на него в желательную сторону. Пока такие попытки были невелики по размаху и не имели в общем масштабе особо крупного значения по результатам. Более низкий уровень сельско-хозяйственных цен сложился у нас не в результате злонамеренных козней государства, а в силу того соотношения сил на рынке, какое является совершенно естественным при нынешнем соотношении размеров сельско-хозяйственной и промышленной продукции в Советском Союзе и прочих наличных экономических условиях.

Это означает, что если бы даже никакой эмиссии не было, то уровень хлебных цен все же был бы ниже уровня цен текстильных товаров. Не потому хлебные цены низки, что есть эмиссия, а потому возможно извлечение эмиссионного дохода от крестьянства, что хлебные цены низки. Если бы при низких хлебных ценах не было бы этой (крестьянской) части эмиссии, то разница

в ценах все же оставалась бы, и крестьянин ничего на этом не выиграл бы — только разница была бы не эмиссионным доходом, а доходом торгового посредника и городского покупателя крестьянских продуктов. Таким образом, при наличности низких хлебных цен эмиссия не является средством усиления обложения крестьянского хозяйства, средством увеличения извлечения из него реальных ценностей без реального их возмещения. Она является лишь средством использования в интересах государства, и без того, и независимо от того существующей потери в крестьянском бюджете, средством распределения этой потери между разными выигрывающими на ней элементами.

Устраните эмиссию, и при данном уровне хлебных цен крестьянину не станет от этого легче (от устранения эмиссии, однако, много выиграет пролетариат). Устраните налоги — и при тех же самых ценах крестьянин выиграет на этом весьма реально. Вот в чем заключается разница. Падающая теперь на крестьянство часть эмиссии, благодаря нынешнему соотношению цен, не отягчает положения деревни сравнительно с тем, какое было бы, если бы этой части эмиссии вовсе не было. Вот почему для установления именно относительной тяжести крестьянского обложения нет необходимости теперь включать в него и эмиссию, составляющую 1 руб. золотом с души в современных ценах в год.

Без эмиссии обложение составляет 2 руб. 30 коп. натурой и 1 руб. 30 коп. деньгами на душу в год в современных ценах, если все ориентировочные предположения НКФ будут выполнены в 100%. При переводе на довоенные цены это составит 3 руб. 10 коп. натурой и 1 руб. 70 коп. деньгами (см. выше), а всего 4 руб. 80 коп. по довоенным ценам.

Весь крестьянский доход составляет в 1922—1923 хозяйственном году, как мы знаем, 40 руб. на душу в год по довоенным ценам. Но из этого надо вычесть ту часть, которую крестьянин теряет при продаже, благодаря тому, что современные сельско-хозяйственные цены ниже довоенных. Тем самым мы учтем между прочим и извлечение из крестьянского хозяйства эмиссионного дохода. Выше мы видели, что при продаже сельско-хозяйственной продукции крестьянин, благодаря этой разнице цен, теряет 1 руб. 40 коп. по довоенным ценам (продавая на 5 руб. 50 коп. по довоенным ценам, выручает на деле лишь 4 руб. 20 коп. зол. руб.). Учитывая это обстоятельство, получаем крестьянский доход уже не в 40 руб., а только в 38 р.

60 к. на душу по довоенным ценам. А так как обложение равно 4 руб. 80 коп. по довоенным же ценам, то оно составляет в настоящее время всего 12,6%. Это в том случае, если все ожидания НКФ сбудутся на 100%. Достаточно быть им выполненными на 95%, чтобы тяжесть крестьянского обложения не превышала в настоящем хозяйственном году 12% по отношению к совокупности сельско-хозяйственной и промысловой продукции крестьянства. Легко понять, что если перевести обратно все обложение и всю продукцию на современные цены (все элементы для чего выше даны), то от этого величина процента не изменится. Если же пожелать присчитать и эмиссию, то надо присчитать и ту потерю в 1 руб. 40 коп. на душу на сельско-хозяйственных ценах, которая эту эмиссию покрывает.

До войны совокупность обложения составляла, как мы знаем, 18 руб. на душу по довоенным ценам при совокупности сельско-хозяйственной и промысловой продукции крестьянства в 58 руб. на душу в среднем в год по довоенным ценам. Следовательно, относительная тяжесть крестьянского обложения составляла тогда около 31% всего крестьянского бюджета, а теперь лишь около 12%.

Но мало установить, что абсолютная тяжесть всей совокупности крестьянского обложения (с арендой, с эмиссией и т. д.) теперь в три раза меньше довоенного и что относительная тяжесть налагаемого советской властью на крестьян бремени теперь тоже в два с половиной раза меньше довоенного. Важно еще отметить, что же у крестьян после этого остается, насколько ухудшился, понизился их фактический уровень сравнительно с довоенным в результате общего обнищания и разорения всей страны в итоге войн последнего десятилетия.

До войны за вычетом всех видов обложения у крестьян оставалось по 40 руб. на душу в год по довоенным ценам. Теперь весь валовой сельско-хозяйственный и промысловый доход крестьян составляет только 40 руб. на душу в год по довоенным ценам, после вычета отсюда потери в 1 руб. 40 коп. на уровне хлебных цен (покрывающей и эмиссию) и после вычета 4 руб. 80 коп. обложения, а если, что вернее, считать недовыполнение предположений НКФ хотя бы на 5%, то после вычета на обложение 4 руб. 60 коп. по довоенным ценам, — остается у крестьян только 34 руб. на душу в год. Значит, хотя обложение сократилось и абсолютно и относительно и хотя влияние низких хлебных цен, как мы видели, в общем

невелико, все же реальный уровень крестьянского остатка сократился в среднем по России на 15%, а именно с 40 руб. до 34 руб. (при расчете на современные цены меняются только абсолютные цифры, но не проценты, ибо разница в цифрах учтена и по обложению и по рыночным сделкам, как указывалось выше в соответственных местах).

Следует со всей силой подчеркнуть, что мы имеем здесь дело с общерусской средней, неисключающей перенесших голод 1921—1922 г. районов. Если не принимать их во внимание, то средний уровень остальных крестьянских масс уже теперь надо признать не ниже 100% их довоенного уровня. Между тем никто, конечно, не сомневается, что переживающие и изживающие последствия голода районы нуждаются в различных налоговых послаблениях. Вопрос о размерах крестьянского обложения интересует нас, разумеется, не в применении к этим лишь оправляющимся после голода районам, а в применении к основной массе крестьянства. Здесь должен быть учтен также факт, что продолжающаяся «мирная передышка» приводит к непрерывному дальнейшему чувствительному поднятию уровня крестьянского хозяйства. Теперь предстоит подготовлять и разрабатывать размеры крестьянского обложения на 1923—1924 хоз. год. Между тем озимые посевы, по данным ЦСУ, оказались уже на 18% больше прошлогодних, а, согласно Наркомзему, можно ожидать чувствительного увеличения и яровых. Даже бывшие голодные районы начинают уже заметно оправляться. При таких условиях можно ожидать с уверенностью, что «крестьянская средняя» в хозяйственном году, начинающемся через несколько месяцев, с осени 1923 г., окажется даже выше 100% довоенных и по отношению ко всему Советскому Союзу в целом, а не только к непострадавшим от неурожая 1921 г. районам.

Между тем продукция государственной промышленности за 1922 календарный год составила, по известному подсчету Госплана, 24% довоенной продукции, а в течение 1923 года должна подняться примерно лишь до 30% довоенной. Заработная плата рабочих в начале 1923 г. составляла в среднем лишь около 50% довоенной, по известным данным ВЦСПС, подтвержденным всеми соответственными органами, и хорошо будет, если к началу 1924 г. подымется в среднем по Советскому Союзу хотя бы до 75% довоенного уровня.

При таких условиях вполне понятно, почему, всецело стоя на почве сохранения союза рабочих и крестьян, и именно в силу правильного учета основных интересов этого союза, — последний Всероссийский С'езд Советов на самом рубеже 1923 г. единогласно постановил:

«1. Основной задачей финансовой политики советской власти является такое перераспределение ресурсов между сельским хозяйством и промышленностью, торговлей и транспортом, которое в наибольшей степени способствует развитию производительных сил всего народного хозяйства. Такое перераспределение совершенно необходимо не только для индустрии, но и для земледелия, которое без восстановления транспорта, портов, элеваторов, производства искусственных удобрений, сельско-хозяйственного машиностроения и всех связанных с ним отраслей промышленности не может с выгодой реализовать на внутреннем и внешнем рынках свою возростающую продукцию».

Популяризация и обоснование этого постановления должны составлять одну из существеннейших частей агитационно-пропагандистской деятельности нашей партии. Тем более, что пока соответственная кампания, к сожалению, не успела еще достаточно развернуться. Пробудить к ней внимание, вооружить партийные силы соответственными материалами и необходимо и своевременно, чтобы вопросы налогового обложения деревни не стали отравленным оружием в руках наших врагов для убеждения деревни, что с нее требуется несоразмерно много и без надобности для нее. Предстоящий 12-й партийный с'езд должен поэтому с особой силой подчеркнуть возможность и необходимость полного соответствия обложения с действительной платежеспособностью деревни.

С тех пор, как была написана статья «Деревня и бюджет» (начало апреля 1923 г.) и до настоящего времени (середина июня) появились две работы, составленные по оффициальным материалам НКФина и НКЗема ответственными работниками этих органов. Именно начальник Центроналога т. Левин выпустил брошюру «Налоги и крестьянство», а управление с.-х. экономии и плановых работ НКЗема определило валовой и условно-чистый доход от сельского хозяйства на душу крестьянского населения («Социалистическое Хозяйство» за май 1923 г., ст. т. Ревякина). Сверх того, НКЗем сам подсчитал, как

тяжело ложится на душу крестьянского населения вся сумма обложения в настоящее время (за 1922—1923 хоз. год). Кроме того, в вышедшей недавно работе проф. Огановского («Сельское хозяйство», т. I «Экон. геогр. России») содержится определение его, каким процентом падало на крестьянскую продукцию до войны все тогдашнее обложение (включая аренду и оплату земельных платежей). Сопоставление итогов всех этих работ с нашими оценками дает следующие результаты.

1. Обложение до войны я определяю в 31% всего крестьянского бюджета, а проф. Огановский в 30%. Совпадение можно считать полным.

2. Обложение в настоящее время (за 1922—1923 хоз. год) я определяю в 12,6% крестьянской продукции, а т. Левин из НКФ в 9% к валовой продукции (стр. 20 его брошюры), не считая «самочинных» налогов (стр. 21), оцениваемых НКФ около 60 милл. р. зол. в год. и не считая указанной выше падающей на крестьян доли эмиссии. С этими добавлениями получится 13,1%, т.-е. разница всего на десятые доли процента.

3. Продукцию крестьян от сельского хозяйства в 1922—1923 г. я определяю в 38 руб. зол. (по довоенным ценам) на душу, а НКЗем в 34 руб. (стр. 171 «Соц. Хоз.», № 2), при чем не приняты во внимание вовсе продукция садоводства, хлопководства, шелководства и разные мелкие культуры, как горчица, рапс и др. (там же, стр. 170). Поэтому и эту цифру надо признать почти точно сходящейся с принимаемой нами.

Таким образом, основные исходные пункты (тяжесть довоенного обложения и нынешнего, нынешняя продукция) можно считать, повидимому, неподлежащими спору, что тем более подчеркивает делаемые из них нами выводы.

Оффициально принятой считается у нас для 1922—1923 хоз. года сумма всех видов обложения крестьян (прямого, косвенного и самочинного) не в 511 милл. руб. золотом, как вычислено было в предварительном порядке выше, а от 525 до 535 милл. зол. руб., что, конечно, не составляет существенной разницы (320 м. р. прямое обложение и от 105 до 115 м. р. косвенное и «самочинное»). Эмиссия при этом не принимается во внимание, правильность чего мы обосновали, уяснив, что эмиссионный доход с деревни является сейчас в основном тождественным с разницей, возникающей благодаря наличности сравнительно низких хлебных цен.

Классовая смычка.

... И, увидя Потока, к нему свысока
Патриот обратился сурово:
— Говори, уважаешь ли ты мужика?
Но Поток вопрошает:—„Какого?“
— Мужика вообще, что смиреньем велик!
Но Поток говорит:—„Есть мужик и
мужик“...

Без политической и хозяйственной смычки с большинством деревни, пролетариат при нынешнем международном положении не сможет длительно, прочно удерживать в своих руках государственную власть в России. Это ясно. Потому после окончания гражданской войны, после разгрома Колчака, Деникина и т. п. помещичьих генералов, я предложил упразднить разверстку, установить натурналог в два раза ниже разверстки, а все остальное получать от крестьян путем свободного обмена. Это предложение принято было в 1920 г. всероссийским совещанием совнархозов с участием представителей профсоюзов, но не получило сразу осуществления, решено было даже не печатать его, чтобы не смущать умы. Те же товарищи, которые с ревностью неофитов заклинают меня теперь в важности смычки с крестьянством [1]), так мало подготовлены были к вопросу при окончании гражданской войны, что понадобился в 1921 г. гром кронштадтских пушек для раз'яснения им необходимости вступления на этот путь.

Таким образом ясно, что спор теперь идет вовсе не о необходимости смычки. Выражаясь грубо, нечего моим же добром бить мне челом. Я очень рад, что мои критики усвоили себе неизбежность «смычки», — но не следует расшибать лба, когда молишься богу. Надо хладнокровно отдать себе отчет, с к е м смыкаться и к а к смы-

[1]) Настоящая глава напечатана в качестве дискуссионной статьи в „Правде“ 15 апреля 1923 г. и воспроизводится здесь с устранением полемических ударений.

каться. Исходным пунктом моей позиции является признание того факта, что современная деревня делится на несколько отдельных классовых слоев с противоположными интересами. Потому нельзя просто «вообще» смыкаться с деревней («мужик вообще, что смиреньем велик»), а надо определенно ориентироваться на смычку с малоимущим большинством деревни («есть мужик и мужик»). Из этого неизбежно вытекают делаемые мною практические выводы о налоговой политике в деревне, о политике хлебных цен и т. п.

По оффициальным данным, опубликованным в «Экономической Жизни» от 7 апреля, крестьянское население по количеству пахотно-сенокосной земли на душу в каждом хозяйстве делилось в 1922 г. на такие группы:

до 3/4 десятины	33.5%
от 3/4 до 1 дес.	18.9%
от 1 до 2 дес.	39.8%
свыше 2 дес.	7.8%
	100%

Первые две группы (составляющие более половины всего крестьянства)—это заведомые бедняки, обычно безлошадные и часто безинвентарные, столь мало собирающие со своего хозяйства, что обычно вовсе не продают хлеба, а, наоборот, его покупают. Даже третья группа (около 40% деревни) за вычетом продналога почти не продает хлеба. Напр., по Курской губ., Никол. вол., по обследованию тов. Яковлева, из этой группы продает хлеб лишь пятая часть. Она продает, главным образом, продукты животноводства, технические растения и т. д.—и прикупает хлеб столь же часто, как и продает его. Наконец, высшая или «кулацкая» группа, несмотря на свою немногочисленность (менее 8%), сосредоточивает в своих руках столь большую долю производства, что, напр., в 1922 г. уплатила почти четверть всего продналога по РСФСР. Здесь на душу приходятся нередко сотни пудов хлеба, и налог мог бы быть свободно увеличен.

Для смычки с деревней у нас сделано было два важных практических предложения:

1) повысить хлебные цены на внутреннем рынке путем приостановки реализации государственного хлеба и т. п. искусственных мер (начал. ЦСУ тов. Попов), а равно путем покровительства частной торговле при

вывозе хлеба за границу и предоставления крестьянам всей разницы между русскими и заграничными ценами;

2) понижение тяжести обложения для высших групп крестьянства, для высших его 8%, почти на четверть (Наркомпрод), ибо средние и без того обложены столь скромно, что для них понижать никто не предлагает.

Я утверждаю, что такая постановка дела означала бы смычку не с большинством деревни, а с ее верхушкой, к большому вреду для бедняков и полубедняков и для государственной промышленности. Сейчас малоимущая половина деревни находится в лапах кулаков, опутавших бедную часть деревни своим кредитом денежным, инвентарным и т. п. Сейчас хозяйство малоимущей половины не может быть поднято вообще, как мелкоиндивидуальное (не хватит на всех отдельных плугов, отдельных лошадей и т. д.). Сейчас хозяйственный уровень даже середняцкой деревни не может быть удержан без усиления притока в деревню металла, без поднятия тяжелой индустрии. Сейчас для поднятия тяжелой индустрии и низших слоев деревни крупные дополнительные средства можно извлечь только путем захвата государством значительной части дохода деревенской верхушки. Повышение хлебных цен искусственными мерами и уменьшение налогов для деревенской верхушки означали бы сейчас усиление кабальной зависимости деревенской бедноты, т.-е. большинства деревни, от ее верхушки. Вместе с тем это означало бы крушение надежд на прилив дополнительных средств в промышленность для увеличения нашей военной и хозяйственной мощи.

Кто не понимает недопустимости рассматривания деревни, как однородного целого, при решении вопросов о смычке, тот еще слишком механически усвоил себе понятие о смычке и нуждается в дополнительных уроках. Необходима не «смычка вообще», а смычка по классовой линии. Смычка именно с бедным большинством деревни обещает дать гораздо больше для развития производительных сил и политического укрепления, чем беспомощные некритические вопли о смычке без классовой оценки каждого предлагаемого мероприятия.

Позиция в вопросе о практическом определении нашего отношения к деревне в настоящее время должна заключаться поэтому в следующем:

1) увеличение обложения путем значительного усиления налогов для сельской верхушки, которое она мо-

жет выдержать (отнять у нее ту часть, какую она не вкладывает в собственное хозяйство, а употребляет для ростовщического закабаления бедноты), с одновременным освобождением от налогов низшей части деревни (имеющих до $^3/_4$ дес. на душу), что кстати даст экономию и при самом взимании налогов [1]);

2) организация хлебного экспорта не частной торговлей, а государством для оставления в руках государства главной части разницы между русскими и заграничными ценами;

3) захват государством торговой прибыли буржуазии, извлекаемой из сношений между деревней и городом, путем организации государственной провинциально-посреднической и розничной торговли (с подсобной к ней кооперативной);

4) обращение извлеченных указанными путями из деревни средств отчасти на развитие тяжелой индустрии (70 или 80 милл. руб. золотом в год), отчасти на хозяйственную помощь прежде всего бедной половине деревни;

---

[1]) Считаю не лишним привести небольшую выдержку из того, что мною подчеркивалось на XII с'езде в заседании 18 апреля 1923 г.:

„Вы знаете, что вопрос об обложении деревни был поставлен мною несколько месяцев тому назад в газетах таким образом, что я предложил усилить на 20% обложение деревни путем усиления обложения верхушки. Началась дискуссия, она продолжалась пару месяцев,—и что же теперь произошло?

„Вы должны знать, что все обложение крестьян натурой, деньгами, государственными и местными налогами, по докладу НКФина на совещании уполнаркомфинов, которое было на днях, 13 апреля, составляет теперь в год сумму около 400.000.000 рублей зол., точнее, 390 милл. руб. Доклад опубликован во всех газетах, и я предполагаю, что вы его знаете. Сюда входят и все самочинные налоги на волостные и сельские нужды. Если вы их вычтете, то для нашего прямого денежного и натурального обложения вместе остается около 350 милл. рублей. Эту величину, следовательно, я и предлагал увеличить на 20% за счет верхушки для помощи промышленности и низам самой деревни.

„После того, как в дискуссии, которая развивалась, конечно, главным образом, не на страницах печати, скрещены были все шпаги, последовал практический вывод: политбюро ЦК нашей партии дало указание относительно размера налога с крестьян на предстоящий год в 420 милл., т.-е. прибавило ровно те самые 20%, о прибавке которых я говорил, выступая в газетах. Это маленькое обстоятельство совершенно оригинальным светом освещает вам выступления моих критиков по этому поводу. Из него следует, что выступление т. Зиновьева можно назвать *попыткой с негодными средствами создать видимость принципиальных разногласий*, предпринимаемую, прибавлю я, затем, чтобы за этим скрыть. замолчать наличность действительно правых опасностей—в силу неправильного понимания методов борьбы с ними".

(Примечание для настоящего издания).

5) осуществление этой помощи путем промышленного и т. п. кредита для организации коллективных хозяйств деревенской бедноты. Один плуг, один трактор, одна лошадь должны быть использованы для общественной обработки земли целой группы бедняцких хозяйств (иначе невыгодно и не хватит). Теперь удобный момент для сдвига в сторону коллективизации хозяйства бедноты (без «страшных» коммуний), ибо в промышленность уйти им еще невозможно, а поднятие мельчайшего индивидуального хозяйства при НЭП'е безнадежно;

6) политический курс в деревне на смычку с бедным большинством (занятие коммунистами всех должностей секретарей и предволисполкомов), опирающийся на указанную выше работу хозяйственного высвобождения бедноты от кулацкого засилья (для чего также необходимо усиление налогового обложения верхушки);

7) усиление профсоюзной работы в деревне, в виду постепенного выделения слоя работающих по найму, с необходимым вниманием к распространению рабочего законодательства и на деревню.

Я утверждаю, что такой тип смычки, — смычки по классовой линии с большинством деревенского населения, — гораздо больше даст для развития производительных сил и политического укрепления пролетариата, чем некритическая, упрощенная проповедь, выше охарактеризованная.

Таково оголенное ядро вопроса.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Крестьянское страхование.

При обсуждении вопросов об обложении деревни не касаются обычно страхового сбора с крестьян, как существующего в порядке не обложения, а якобы хозяйственной операции самого крестьянского хозяйства, хотя и обязательной для него. На деле мы имеем здесь в нынешней постановке такое «бюрократическое извращение» идеи хозяйственной смычки, что страховой сбор приходится относить пока к разряду налогов. При том худших налогов—ибо он изымает средства от крестьян и не передает их и государству: они идут на добрую половину на содержание самого чиновничьего аппарата по страхованию.

В «Эк. Жизни» от 10 июня напечатан обширный отчет Гостраха (главного правления государственного страхования) за первый год его деятельности. Гострах—государственный орган, учрежденный для страхования от огня крестьянских и отчасти других построек и для некоторых других, более мелких страховых операций (от градобития, от падежа скота, от потерь при перевозках). Но все эти другие операции вместе взятые обнимают только одну шестую часть общего счета Гостраха, а пять шестых приходится на страхование от огня (главным образом, крестьянское).

По замыслу государства, в этом деле должна проявиться весьма целесообразная смычка с крестьянством. Деревня часто терпит от пожаров, крестьянину трудно самому восстановить свою избу—пусть он делает в Гострах ежегодно небольшие взносы, а зато Гострах в случае пожара выдаст достаточное пособие для постройки новой избы. Уплачивать в Гострах эти страховые взносы для крестьян по закону обязательно, а сам Гострах действует «на основе хозяйственного расчета».

Но, судя по отчету самого Гостраха, результаты оказываются таковы, что у свежего человека прежде всего

является вопрос: а не следует ли застраховать крестьянина от опасности быть застрахованным в Гострахе? Достаточно ли ограждена государственная промышленность от опасности также попасть на обязательную стрижку в Гострах? Не следует ли отказаться от мысли об устройстве конкурса на бесхозяйственность и бесполезность хоз. органов в виду безнадежности для других побить столь сильного кандидата на премию?

За первый год деятельности поступило в Гострах взносов по страхованию от огня всего 5.707 миллиардов рублей. Из этой суммы за тот же год Гострах уплатил вознаграждения за убытки от огня пострадавшим от пожара только 239 миллиардов, или всего четыре с небольшим процента от полученной суммы. Можно легко представить, как нравится крестьянству такая «смычка с Гострахом», при которой из каждых 100 руб., внесенных для обеспечения помощи в случае пожара, крестьяне получают обратно только 4 р. 20 к., а остается Гостраху 95 р. 80 к.

Правда, возможно, что за этот год было настолько мало пожаров, что никому почти и не требовалось помогать. Но тогда это обстоятельство надо было использовать для уменьшения страховых сборов или для увеличения помощи погоревшим. Недопустима такая постановка, при которой застрахованные получают обратно лишь 4% уплачиваемых ими сумм. Гострах выплачивает в среднем погоревшему крестьянину около 10 товарных руб. На такую сумму нельзя восстановить ни сгоревшей избы с дворовыми постройками, ни одной избы—такую сумму погоревший крестьянин может только с горя пропить на самогонку или употребить на покупку нищенской сумы для себя и для состоящих на его иждивении членов семьи. Ведь крестьянин может хозрасчету Гостраха противопоставить свой «хозрасчет»: чем платить Гостраху 100 руб. и обратно получить 4 рубля, лучше эти 100 руб. внести в трудовую сберегательную кассу Наркомфина и оттуда при нужде получить не 4 рубля, как из Гостраха, а 104—свои 100 руб. с процентами.

На что же употребляет Гострах остальные 96% поступающих в него взносов? Вот здесь-то и заключается главное, на что надо обратить внимание. Всего поступило за первый год в Гострах взносов по страхованию от огня 5.707 млрд. руб. Они израсходованы так:

пособия пострадавшим	4,2	процента
управление	46,2	„
резерв и прибыль	45,7	„
доход государства	3,9	„

Иначе сказать, на содержание гостраховского аппарата тратится в одиннадцать раз больше, чем на всю выдачу пособий пострадавшим от пожара по всей России. Для чего же тогда существует Гострах: для помощи крестьянам или для прокормления своего аппарата? На управленческие расходы Гостраха и его органов, на всякие процентные, премиальные и наградные вознаграждения тратится почти половина взносов, собранных за год со всей России по страхованию от огня (к расходам на управление присчитываем и 224 миллиарда, выделенные Гострахом из прибыли для дополнительного улучшения положения своих служащих).

Дело должно быть в корне изменено. Если крестьянам можно платить за сгоревшую избу только по 10 руб. товарных, то ради этой малости не стоит тратить на чиновников в одиннадцать раз больше, и лучше предоставить каждому страховаться горячей молитвой Ильепророку и взносом сбереженных от страхования сумм в сберегательные кассы НКФина. Но если сократить расходы на управление, то можно будет выдавать пособия в десять раз больше по размеру. Тогда только в этом будет смысл и действительная смычка, а не размычка.

Что касается мелких видов операций Гостраха, то по страхованию от падежа скота дело поставлено еще хуже: на уплату пособий потерпевшим от падежа скота истрачено 8½ миллиардов сов. руб., а на расходы по управлению этим делом 155,3 миллиарда, т.-е. в девятнадцать раз больше. Значит, и здесь страхуется не скот, а чиновники.

2099.
28190

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие . . . . . 7 — 8

Коллективизация крестьянского хозяйства . . . . 13— 32
Дифференциация крестьянства . . . . . 33— 56
Хлеб, цена и посев . . . . . 57— 76
Сельхозналог и беднота . . . . . 77— 89
Деревня и рубль . . . . . 90—103
Бюджет и деревня . . . . . 104—131
Классовая смычка . . . . . 132—136

Приложение.—Крестьянское страхование . . . . . 139—141

Оглавление.

11

13

3-50

6
73679

8424